

А. К. Салмин

**Изучение Среднего Поволжья
в Санкт-Петербургской
Академии наук в XVIII веке**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 93
ББК 63.5
С 16

Научный редактор — зав. отделом истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. МАЭ РАН, доктор исторических наук *М. Ф. Хартамович*

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник МАЭ РАН,
доктор исторических наук *С. В. Березницкий*;
профессор Ульяновского государственного технического университета,
доктор культурологии *В. А. Гуркин*

С 16 Салмин А. К.

Изучение Среднего Поволжья в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII веке. — СПб.: Нестор-История, 2020. — 176 с., ил. — ISBN 978-5-4469-1730-3

Монография посвящена важнейшим событиям, происходившим в Петербургской Академии наук в XVIII веке и связанным с изучением народов Среднего Поволжья. Открывается книга статьёй о государственном подходе Петра I, основателя Кунсткамеры и Академии наук, к народам Среднего Поволжья. Анализируется феномен свадебных платков (основная коллекция была привезена из восьмилетней экспедиции Д. Г. Мессершмидтом), рассмотрены путевые заметки Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и Тобиаса Кёнигфельса, посвященные Казанскому краю, академические экспедиции П. С. Палласа, И. И. Лепехина и И. Г. Георги. Изучение первой грамматики чувашей, черемисов и вотяков опирается на вновь выявленный в МАЭ РАН источник. Работа снабжена иллюстрациями. Предлагаемый на суд коллег труд является первой монографией по заявленной теме.

На обложке: Мордовка в лучших праздничных платьях и украшениях [СПбФ АРАН. Ф. 3 Оп. 32 Д. 11: 55].

ISBN 978-5-4469-1730-3

9 785446 1917303

УДК 93
ББК 63.5

© Салмин А. К., 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Этнография по-русски — картина многонародности империи —
создана исследователями-путешественниками XVIII в.
[Головнёв 2016: 62]

Под понятием «Среднее Поволжье» в данном случае имеется в виду крупный регион, охватывающий бассейны Среднего Поволжья и Камы, где в XVIII в. проживали марийцы, мордва, русские, татары, удмурты и чуваша. Традиционная культура всех этих народов имеет или прямое отношение к наследию Волжской Булгарии, или испытала ее сильное влияние. Общность культуры сформировала много общего и в одежде этих народов. Чем ближе исторически мы приближаемся ко времени существования Волжской Булгарии, тем больше общего. Поэтому самые ранние реальные образцы в виде экспонатов, описаний и рисунков по этнографии народов Волго-Камья имеют ключевое значение.

История изучения чувашей свидетельствует, что эпоха с начала XVIII до начала XX в. является «золотой» в аспекте накопления базы данных. Рукописи и литература XVIII в. о чувашах составляют, конечно, наиболее ценный свод источников. Этот период связан с именами великолепных путешественников, собирателей и исследователей. Появились такие замечательные труды, как «Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken welke voormaels bekent zijn geweest» (Nikolaes C. Vitsen), «Das Nord- und Öftliche Theil von Europa und Afia» (Ph.J. Strahlenberg), «Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia» (John Bell), «О народах, издревле в России обитавших», «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков», «Дополнения к Географическому лексикону Российского государства» (Г.Ф. Миллер), «Сочинения,

принадлежащие к грамматике чувашского языка» (составитель В. Г. Пуцек-Григорович), «Reife durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743» (J. G. Gmelin), «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся», «Bemerkungen einer Reife im Rußischen Reich in den Jahren 1773. und 1774», «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten», «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (И. Г. Георги), «Probe Ruffischer Annalen» (Schlözer A. L.), «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», «Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году» (И. И. Лепехин), «Сравнительный словарь всех языков и наречий», «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (П. С. Паллас), «Географическое методическое описание Российской империи» (Харитон Чеботарёв), «О чувашах: Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия» (К. С. Милькович). Ряд превосходных рукописей и путевых заметок все еще ждет своей участи в архивах.

Основные труды по истории и этнографии народов Среднего Поволжья XVIII в. создавались силами Петербургской Академии наук (прежде всего, коллективом Кунсткамеры) в научных экспедициях. «Петербургская академия наук» — общепринятое, но неофициальное название, охватывающее период с 1724 по 1917 гг. В зависимости от структурных преобразований менялось и наименование: с 1724 г. — Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, с 1747 г. — Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, с 1803 г. — Императорская академия наук, с 1836 г. — Императорская Санкт-Петербургская академия наук. Идеи, принципы и материальная база Петербургской академии наук были заложены Петром I.

Когда более подробно вникаешь в вынесенную в заглавие книги тему, то обнаруживаешь много странностей с нашей стороны по отношению к тем людям, которые вложили себя — свои силы и талант — в изучение народов Среднего Поволжья. Достаточно сказать, что основные труды И. Г. Гмелина о народах Казанского края («Reife durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743»), Иоганна Бернулли о пребывании в 1778 г. Петербургской академии наук (Reisen

durch Brandenburg, Pommern, Prussen, Kurland, Russland und Polen in den Jagraen 1777 und 1778. Bd. 5) и Пьер-Николя Шантре о Петре I, Петербурге и Петербургской академии наук (Rußland aus philofophifchem, historifch-ftatiftifchem und literarifchem Gefchichtspunkt betrachtet auf einer Reife durch dies Land in den Jahren 1788 und 1789) до сих пор не переведены. В 1766–1773 гг. в Семеновском полку служил будущий автор первого этнографического очерка о чувашах К. С. Милькович. Несмотря на многократные грубо искаженные, отрывочные публикации, его труд не сверен по рукописи, хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Анализируя тот или иной этнографический объект или понятие, автор не ограничивается изложением первоисточника. К исследованию подключаются другие материалы и публикации, имеющие прямое отношение к тематике. Цель таких подходов — получение более полных представлений по обсуждаемым сюжетам.

Некоторые опубликованные статьи, имеющие отношение к теме, не вошли в книгу (см., например: [Терюков, Салмин 2017]). Предлагаемый на суд коллег труд является первой монографией по теме. Варианты нескольких параграфов были апробированы в печати. В данной книге они переработаны и дополнены.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДХОД ПЕТРА I К НАРОДАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Несмотря на весьма значимую фигуру в истории России, в исследовании жизни и деятельности Петра I все еще остаются достаточно большие белые пятна. Например, почти не разработана тема «Петр I и народы Среднего Поволжья». Недостаточно раскрыта роль поволжских народов в осуществлении великих реформ в России в первой четверти XVIII в.

Преобразования начала XVIII в. связаны с решением задач, стоявших перед Россией. Они явились дальнейшим развитием начатых в предшествующую эпоху дел. Ибо еще в XVII в. строились фабрики и заводы, велась торговля с Западом, делались попытки реформирования государственного аппарата. Дворянство было крайне заинтересовано в укреплении государства, потому что только в этом оно видело возможность предотвращения народных восстаний, которые стали особенно частыми в XVII в. Купечество и дворянские круги также были заинтересованы в развитии торговли и промышленности. А для этого было необходимо отвоевывать берега Балтики. Поэтому строительство Петербурга непосредственно связано с реформами первой четверти XVIII в. Как и другие новшества, основание Петербурга способствовало введению в России новых мер, способствовавших развитию производительных сил [Луппов 1957: 3–5].

В главе предпринимается попытка анализа основных направлений в управлении Россией Петром I. Это укрепление государственных устоев, кораблестроение, людские ресурсы, забота монарха о народах России и заступничество за трудовой люд. Все эти и другие важные вопросы рассматриваются на средневолжском материале.

Укрепление государственных устоев. После Столбовского мирного договора в 1617 г. Швеция захватила земли по течению Невы и побережью Финского залива, принадлежавшие России.

На месте старинного новгородского поселения, там, где Охта впадала в Неву, шведы построили крепость Ниеншанц.

Необходимо было провести ревизию и учет российских земель. В 1685 г., на третьем году царствования, Петр издает указ о размежевании земель мордовских, черемисских и чувашских [ПСЗ II: 654–657]. Тогда ему было 13 лет. А регентом являлась сестра Софья, которая была старше брата на 15 лет. Указ представляет собой государственный подход к пользованию земельными ресурсами. На этот раз закон направлен на поселения, входящие в Приказ Казанского дворца. Приказ осуществлял административно-судебное и финансовое управление территориями. Согласно документу, следовало переписать помещичьих и вотчинных крестьян по именам, описать и перемерить земли: сколько и какой деревне принадлежит пахотных земель, сколько косят сена, какой лес и уголья.

Писцам следовало добиваться от мордвы, чувашей, черемисов и вотяков правдивого ответа на вопросы, чтобы они ничего не таили. За тех, кто крещен, могли прикладывать руки их духовные отцы, а тот, кто не крещен, мог ставить знамена, т. е. знаки своего рода. Утаенные земли предусматривали отдавать сторонним людям в тягло и на оброк бесповоротно, а за прошлые годы отбирались доходы с прибавкой.

В указе также разъяснены правила, по которым следовало размежевать землю между русскими людьми, заселившимися между мордовскими, чувашскими и черемисскими деревнями. Делалось это с целью, чтобы у ясачных людей с русскими впредь земельных споров не было. Например, учинить межи и грани, велеть копать ямы, подлинные межи записать в книги. В межевых спорах допускались полюбовные челобитья.

После крестьянских восстаний начала XVII в. чувашам, марийцам и удмуртам рядом царских указов запрещалось заниматься кузнечным и серебряным делом, чтобы они не могли изготавливать оружие. Железные орудия труда продавались им только с согласия должностных лиц. В 1697 г. казанским воеводам от имени великого государя велено смотреть накрепко, чтобы в Казанском уезде в чувашских и черемисских деревнях торговые люди панцири, пищаля и другие железные предметы, что годно к войне, не продавали. Если проведает, кто из чувашей, черемисов и вотяков серебряной

и железной снастью занимается, того приводили в Казань и устраивали расспросы. А если они и впредь занимались железнотопением, то им выносили строгие наказания вплоть до смертной казни. За необходимыми в хозяйстве металлическими инструментами (топорами, серпами и ножами) чуваша, черемисы и вотяки должны были ездить в Казань [ПСЗ III: 287]. Несмотря на царские указы, в некоторых местах Чувашии продолжали заниматься производством железа в примитивных домницах [Кодыбайкин 2008: 389].

В 1697 г. Петр I дает наказ казанскому воеводе Львову об управлении казенными и земскими делами [ПСЗ III: 295]. Согласно документу, следовало с ясачных русских людей, чувашей, черемисов, вотяков и мордвы взимать сборы за косвенные доходы. Так, надлежало взимать налоги за ездовое дело, за мельницы, за участок с бортными деревьями. Взимали налоги также за полученный мед, за бобровые гоны, за сенные покосы и пашенные земли. Под денежные сборы попадали лавки, кузницы, харчевни, погреба, огороды. Взимали откуп за бани, амбары, постоялые дворы, за печати на документы. Надо было платить за мельницы, кузницы и винокуренные заводы. Притом в наказе указывалось конкретное местонахождение объектов.

В связи с великой стройкой в Петербурге сухопутные дороги не могли удовлетворить все потребности. Надо было широко использовать водные пути (реки, озера). Появилась необходимость соединения Невы с Волгой. С этой целью в 1703 г. приступили к прокладке Вышневолоцкого канала. Завершив строительство этого канала, в 1709 г. начали прокладку Ладожского канала.

В 1712 г. появляются указы Петра I об устройстве конских заводов. Например, предусматривалось открыть конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях. Без лошадей невозможно было обойтись как в сельской местности, так и в армии. На местах власти живо откликались на призывы главы государства. Так, в апреле губернатор Казани П. М. Апраксин докладывал, что приготовили лошадей на два полка. Петр поблагодарил губернатора [Собрание 1811: 138].

В 1712 г. Петр издает указ о переезде царского двора из Москвы в Петербург. В следующем году сюда перемещается Правительствующий сенат. Военная и Адмиралтейская коллегии уже находились в Петербурге. В течение 1718–1721 гг. здесь функциониро-

вали и другие коллегии. Центр политической жизни перемещался из Москвы в Петербург. Перенос столицы также создал лучшие условия для взаимодействия с западным миром.

В 1714 г. введены ограничения на пользование землей: ловля рыб стала контролироваться государственными органами, улья всех видов и частные мельницы перешли в казенные структуры. Фабрики и заводы облагались платежами, над ними теперь велся контроль Мануфактур-коллегией; земля передавалась казенным структурам. В европейской части России леса объявлялись заповедными [Миронов 2003: 370–371]. Надлежало узнать, сколько человек занимается бортничеством и сколько у них бортных деревьев. А в тех местах, где бортные деревья сожжены с целью утайки, с виновных взыскивали пени. За бортные деревья с пчелами — три рубля, без пчел — полтора рубля.

Указ касался и нежилых дворов и пустошей. Необходимо было узнать о наличии в деревнях беглецов.

Петербургу нужно было много строительного материала, а его не хватало. Собирали со всей страны. По этой причине в 1714 г. царь запретил строительство домов из камня во всей России, кроме Петербурга. Он также велел продолжать присылать в столицу плотников и каменщиков [Миронов 2003: 371].

Межевание земель, сбор всех видов налогов, наборы в рекруты, запрет заниматься на местах железоделанием и другие важные мероприятия нужны были для порядка в государстве и укрепления законности.

Кораблестроение. Успех реформ в России во многом зависел от получения выхода в море. Победы российских войск над шведами обеспечили доступ к устью Невы. Но еще необходимо было укрепиться на морском побережье, построить собственный мощный флот. А для этого надо было на устье Невы построить город-крепость, город-порт и базы Балтийского флота. Значение такого рода хорошо понимал Петр I.

Постройка города и заселение его людьми не были самоцелью. Главное — выход в море. Для этого нужен свой большой военный и торговый флот. Необходимо было срочно строить корабли. Остро встал вопрос о корабельном лесе, которого на месте было недостаточно. И опять взоры Петра I устремились на Среднюю Волгу, покрытую дремучей дубравой.

В 1714 г. в Адмиралтейской слободе в Казани была построена цифирная школа. Она стала первой светской школой в городе. Здесь начали готовить специалистов по постройке судов. Дети по достижении 16-летнего возраста вместе со своими отцами работали на верфи. Служба на верфи длилась до полной потери трудоспособности [Мансурова 2010: 117–118].

В Казани также функционировал пумповый завод, выпускавший кожи для корабельных насосов. Он был построен в 1714 г. по приказу Петра I.

Тем временем продолжалась отправка корабельного леса в Петербург. Так, в ноябре 1717 г. корабельный мастер Гордлий из Казани докладывал Петру, что в следующем году будет отправлено леса на шесть кораблей. Весь лес уже вытесан по лекалам [Попов 1859: 18].

В 1717–1720 гг. из Казани в Санкт-Петербург отправляли шлюпки, обтесанные заготовки из корабельного леса, бочки, укрепленные железными обручами. В Петербург также шли канаты, рогожные паруса, весла, лодки, доски дубовые, якоря, кожа и губернские деньги. В Петербург ехали кормщики, корабельные ученики, работники, караульные, солдаты. Должностные лица Казани обо всех текущих делах и об отправке готовой продукции сообщали Петру. В том числе — корабельный мастер Гордлий, подрядчик Яков Корсаков, а также вице-губернатор Н. А. Кудрявцев [Попов 1859: 147].

31 января 1718 г. Петр I издает указ, адресованный вице-губернатору Н. А. Кудрявцеву. Согласно этому указу, для рубки и вывоза корабельных лесов следовало брать на работу из Казанской и Нижегородской губерний татар, чувашей и мордву [ПСЗ V. № 3149].

Образованное в 1718 г. Петром I Казанское адмиралтейство размещалось на р. Казанке. Строители флота работали по военному режиму. Особо ценились корабельные мастера. Оценивая значимость и постоянный их дефицит, государь вел с ними постоянную переписку. В Казанском адмиралтействе работали мастера Гордлий, Рамьза, Броун. Наряду с ними трудились высококлассные отечественные мастера Склеяев, Русков, Травин. Наибольшую зарплату получали мастера, за ними — подмастерья [Мансурова 2010: 117].

Корабельный мастер Гордлий в августе 1719 г. пишет, что он, согласно указу царя, строит три речных судна. Также он в это вре-

мя заложил яхту. Осталось только огибать досками. Еще одна яхта была готова к отправке в Санкт-Петербург [Материалы 1867: 254].

Большую партию небольших одномачтовых кораблей отправили из Казани в Петербург в феврале 1720 г. Якоря весом по три и семь пудов, рогожные паруса, весла, лодки были поставлены в июне. Тогда же вице-губернатор Казанской губернии Н. А. Кудрявцев докладывал Петру об отправке судов до Ладоги. Сопровождали ценный груз поручик Егор Маматов, шесть сержантов, а также подрядчики и кормицки. В Казани работа по поставке изделий кораблестроения кипела, на пристанях была теснота: здесь хранились приготовленные к отправке шлюпки, готовый лес. Использовали также ближайшие волжские пристани. Например, Сурскую пристань, откуда в августе 1720 г. по Волге ушел груз с корабельным дубовым лесом и досками. Сопровождал судна подрядчик Яков Корсаков. Из-за замерзания речных путей грузы зимовали в Твери, Мологе, Ярославле, Костроме и Балахне [Попов 1859: 111–152].

Дубовый материал из Казанской губернии оказался наиболее подходящим для кораблестроения. Поэтому в сентябре 1721 г. издается царский указ, согласно которому дубовые леса в Ингерманландии, Новгородской, Старорусской и великорусских провинциях на корабельное строение не рубить, а присылать из Казани [Материалы 1867: 431]. Как видим, в Казанской губернии велась огромная работа, имеющая прямое отношение к морскому делу в Санкт-Петербурге, и шла интенсивная переписка обо всех деталях.

В январе 1724 г. казанскому вице-губернатору Н. А. Кудрявцеву вручается царский указ о закупке 50 небольших парусно-гребных судов, изготовленных по заданным чертежам [Баранов 1872: 124].

Волжский лес шел не только на кораблестроение. К 1725 г. в Петербурге насчитывалось около 6000 дворов. Большая часть их располагалась на левом берегу Невы. При строительстве широко пользовались дубовым материалом, привезенным из Чувашии. В основном, дуб шел на сваи в болотистый грунт города, т. е. под фундаменты строений.

В целом за 100 лет существования Казанское адмиралтейство изготовило более 400 различных судов [Гафаров 2018: 60].

Людские ресурсы. Россия уже имела опыт работы на крупных стройках: в Казани, Астрахани и Смоленске, а также при сооружении моста через Москву-реку. Для этого функционировал Приказ

каменных дел — детище Ивана Грозного: «В его распоряжении находился технический персонал, а также квалифицированные рабочие» [Луппов 1957: 61]. Они жили в разных городах и обязаны были являться на работы по вызову данного приказа. Приказ имел несколько заводов.

Гениальные идеи Петра I о построении города европейского типа с выходом в морские просторы претворялись в жизнь им самим же. В первую очередь нужны были в достаточном количестве людские ресурсы. Естественно, их надо было доставлять из российской глубинки. Царь издает по этому поводу ряд указов.

По состоянию на осень 1703 г. на строительстве будущей Северной столицы трудилось около 20 000 землекопов. Со следующего года, согласно указу, ежегодно должны были прибывать по 40 000 землекопов. «Подкопщики прибывали в Петербург на одну смену, продолжавшуюся два месяца. В году было три смены. Работы начинались с 25 марта и продолжались до 25 сентября» [Мавродин 1983: 83]. С 25 июля по 25 сентября трудились рабочие из средневожских земель: из Синбирска, Алатыря, Казани, Арзамаса, Свяжска, Самары, Сызрани.

Людей обязывали брать с собой долота, топоры и буравы. Пропитание на все время пути также бралось с собой. В Петербурге они должны были получать продукты питания и деньги на месяц вперед. Средства на покрытие расходов собирались с тех же слоев населения, которые поставляли рабочих. Необходимая сумма раскладывалась на губернии пропорционально числу дворов. При этом платили хозяева тех дворов, которые не высылали в Петербург работников [Луппов 1957: 79]. Выходит, повинность нес каждый посадский и крестьянский двор. Одни высылали работников, а с других собирались деньги.

Несмотря на имеющиеся трудности, на местах старались выполнять наказ царя. Например, вице-губернатор Казани Н. А. Кудрявцев в октябре 1708 г. докладывал: «По твоему государеву ясапных и служилых татар Казанского и других городов с уездов 2104 человека, да Синбирской служилой чюваши 700 человек, всего 2804 человека в Санкт-Питербух высланы з дворяны в нынешнем октябре в розных числах» [Письма 1946: 888].

18 декабря 1708 г. Петр I издает указ об учинении восьми губерний. К Казани было приписано 36 городов (Алатырь, Цивильск, Че-

боксары, Самара, Яик, Уфа и др.) и близлежащие к ним территории [ПСЗ IV: 436]. Принцип образования губерний зависел не от размеров территорий, а от количества населения. Управление губернией царь поручил графу П. М. Апраксину.

Тем временем Петр не переставал требовать свежие силы на строительство нового города на Неве: «Господин Апраксин! Так же трудитесь, дабы будущею зимою татар, черемис, и мордвы выслать тысяч пять в Петербург, на перемену первым. Peter» [Собрание 1811: 94].

По указу 1710 г. в Санкт-Петербург отправлено 4720 человек мастеровых людей разных специальностей, в том числе из Казанской губернии — 667 человек. Для всех переселяемых заблаговременно строили дома [Луппов 1957: 78–85].

Из документов выясняется, что самыми востребованными были каменщики, плотники, кузнецы, корабельные мастера и ученики, кирпичники, а также столяры, резчики и токари. Иногда отправлялись дети. Так, в 1710 г. велено прислать в Петербургское адмиралтейство детей для обучения строительному мастерству [Мансурова 2010: 118].

18 августа 1710 г. Петр издает указ на имя генерал-адмирала П. М. Апраксина, повелев переселить в Петербург на постоянное место мастеровых людей из центральной России. Согласно указу, мастеровых в количестве 14971 человек необходимо было переселить с семьями, а для житья строить им дома за счет казны. Что касается разрядки по Казанской губернии, то положено было взять всего 667 человек, в том числе 50 кузнецов, 264 плотника, 296 каменщиков и 13 кирпичников [Петров 1885: 83–84, примеч. 169]. Однако размах строительства требовал соответственное количество рабочих рук и специалистов. Целеустремленный Петр за всем следил сам и не любил оплошности. Так, 18 августа 1710 г. он упрекает своего сподвижника графа П. М. Апраксина: «Также зело мы удивляемся вам, что вы по определению с Ульяном Синявиным оплошились в высылке татар и чуваш сюда на работу, а именно: явилось здесь только по сие время 1262 человека, да с дороги сбежало 474... С Казанской губернии надобно выслать в Петербург к городovým делам работников в первую очередь перемену 2867 человек, денег им на каждого человека по рублю на месяц, итого им на три месяца 8601 рубль» [Письма 1956: 291–292].

В целом число отправляемых из Казанской губернии работных людей выглядит так: в 1710 г. — 8580, в 1711–6272, в 1712–5733, в 1713–7518, в 1714 и 1715 гг. — по 6024 [Лушпов 1957: 80].

Людей, приписанных к корабельным лесам, называли лашманами. По указу царя татар, чувашей, марийцев, мордву и русских Синбирской, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний причислили к лашманам. Труд лашманов, связанный с рубкой и валкой деревьев, был тяжелым и опасным.

Один из исследователей лашманов в Синбирской губернии считает, что среди лашманов не было русских и православных. Приписанные к Адмиралтейству крестьяне входили в «лашманное» сословие, но в ревизских сказках вначале они записывались как служилые татары. Например, в 1811, 1816 и 1834 гг. татары д. Старое Дрожжаное Буинского уезда числились как служилые татары, а в 1858 г. они уже значатся лашманами. По мнению И. А. Гафарова, бóльшую часть лашманов составляли татары-мишари. Притом мишари определяются им не как этнографическая группа, а как сословие [Гафаров 2018: 60]. К Казанскому адмиралтейству приписывали крестьян из окрестных селений в качестве рабочей силы, это — татары, чувашаи, марийцы [Долгова и др.].

Не все землекопы смогли стать жителями Петербурга. «Многие из них погибали в болотах и топях» [Мавродин 1983: 88]. Основу города составили приехавшие на вечное поселение в Петербург мастеровые и рабочие, это каменщики, кирпичники, плотники, столяры, слесари.

В 1718 г. из Казанской губернии предстояло присылать от четырех домов одного рабочего. В этой связи семьи работников испытывали постоянные трудности. Мужчины отсутствовали дома по полгода [Мансурова 2010: 118].

Народы Среднего Поволжья, как и граждане России других регионов, подпадали под обязательные рекрутские сборы. В 20-е гг. XVIII в. необходимость в новобранцах была острой. Солдаты нужны были не только для ратных дел, но и в связи с освоением и укреплением новых земель, например, на прокладке Ладожского канала [Баранов 1872: 82, 132].

В числе первых в Петербурге застраивалась Татарская слобода. По словам современников, возникла она за Кронверком. Здесь жили татары, чувашаи, марийцы, удмурты, башкиры, калмыки. На-

звание «Татарская слобода» весьма условно, т. к. в слободе жили и приехавшие из других губерний. Иностраннный путешественник о татарском рынке, расположенном напротив Кронверка, говорил, что здесь можно купить «старое платье всевозможных национальностей» по самой низкой цене [Описание 1975: 22]. Рядом располагался Обжорный рынок. Здесь же обитала многочисленная община пленных шведов с двумя своими священниками. Следует, конечно, учесть и то, что слободой до отмены крепостного права по всей России именовали любое большое пригородное село с не крепостным населением. А само слово «слобода» происходит от значения «свободный». Иначе говоря, «Татарская слобода» является экзонимом. В то время Санкт-Петербург еще не сформировался как город, и устраивались приезжие на свое усмотрение — поселками и слободами. Вообще «татары» для Санкт-Петербурга начала XVIII в. — понятие собирательное. Даже во Всероссийской переписи населения 1897 г. татары, башкиры, темяри, чувашы, азербайджанцы, турки-османцы, туркмены и киргизы объединены в группу носителей «турецко-татарских языков» [Первая 1904: 93–94].

Местное население причислялось к ведомству Казанской адмиралтейской конторы. Например, по II ревизии, проведенной в 1744 г., к Конторе было прикреплено почти 4,5 тысячи служилой мордвы [Демидов 2018: 78–79].

Забота и заступничество. «Смотреть и беречь накрепко, чтоб татар и чувашу и черемису и вотяков русские люди и толмачи и приставы, также из них их братья татаровя и черемиса ябедники молодчих людей татар же и чувашу, и черемису, и вотяков не обидели напрасно и продажи и убытков не чинили». Приведенная цитата выписана из наказа Петра I от 31 марта 1697 г. воеводам и князям Казанской провинции «Об управлении казенными и земскими делами» [ПСЗ III: 286]. В нем четко сформулированы методы и способы управления народом. Содержание наказа в целом проникнуто отеческой заботой не только о России как о стране, но и о людях, в ней живущих. Особенную чуткость проявлял царь к инородцам. Его указы своим соотечественникам чрезвычайно актуальны и для сегодняшнего дня.

В то же время трудно переоценить вклад народов Поволжья в выполнение продовольственной программы рождающегося Петербурга. Поэтому совершенно справедливо высказывание,

сделанное в середине первого десятилетия XVIII в.: «Если бы из Новгорода, Пскова и Москвы и даже из Казанского царства не доставляли сюда продовольствие, особенно муку... то не только бы Петербург, но и эта часть страны вымерла бы от голода» [Описание 1975: 229].

В мае 1708 г. монарх пишет Казанскому вице-губернатору Н. А. Кудрявцеву: «По получении сего указа Казанского уезду и протчих низовых городов татар и чюваши и ис черемисы, ежели столько татар не будет, наряди в Питербух на службу пять тысяч человек и отправь их немедленно сюды водою, а хлеба им вели взять с собою только на проезд до здешнего места» [Письма 1918: 165]. Этот документ как нельзя лучше показывает силу характера Петра Алексеевича и его царскую заботу о своих подопечных. О том же свидетельствует факт сбора денег с тех дворов, которые не поставляли подкопщиков. Поэтому приходилось выбирать: либо ехать на работу в Питер, либо платить на содержание уехавшего. Казанские и синбирские власти старались выполнять указы царя по обеспечению Петербурга рабочей силой. Так, в 1708 г. вице-губернатор Казанской губернии Н. А. Кудрявцев отвечал: «По твоему государеву указу ясашных и служилых татар Казанского и других городов с уездов 2104 человека, да Синбирской служилой чюваши 700 человек, всего 2804 человека с Санкт-Питербурх высланы» [Письма 1946: 888].

Нелегко жилось и самим помогающим Питеру волжанам. Помимо сугубо материальных трудностей, они вынуждены были терпеть нападения со стороны разбойников и воров, а также сеющих смуту людей. Особенно показательны в этом отношении жалобы вице-губернатора Казанской губернии Никиты Кудрявцева. Так, в 1708 г. он пишет государю несколько писем такого плана: «А уездных де людей татар и чювашу Казанского и Уфинского уездов воры башкирцы наговаривают, бутго ратных людей посылают прибылишки без твоего великого государя указа, собою, и чтобы везде русских людей побивать... Воры башкирцы набегом блиско тех пригородов чюваских 3 деревни разорили, людей порубили, а иных в полон побрали» [Письма 1918: 609, 619]. Местное население, как могло, оборонялось от своих обидчиков: «И тот Невежин, уведав их стан за 50 верст своими з 200 рускими, да со 100 человеки с чювашею, ночью напал на них, воров, и побил их множество, и ис той

деревни вон выбил, и гнал 2 версты, и отстал от них за недостатком пороху» [Письма 1918: 614]. Во всех таких случаях царь стоял на стороне трудового народа.

В сентябре 1710 г. Петр I пишет губернатору Казанской губернии П. М. Апраксину. В этом письме он приказывает, чтобы к зиме было поставлено муки и зерна в достаточном количестве [Собрание 1811: 104]. В хлебе остро нуждались не только строители Северной столицы, но и солдаты, размещавшиеся в Северо-Западном регионе.

В 1712 г. Петр издает указ, обеспечивающий переселенцев жильем и земельным наделом. Согласно документу, каменщиков, кирпичников, мастеровых и других людей строительной специальности наделяли земельными участками. Но жилищные условия «переведенцев» в целом были ужасные. Многие жили в землянках, сараях или под навесом.

Зерно, муку, крупу, икру и сало завозили из Среднего Поволжья. Для снабжения города продовольствием чаще всего использовали водные пути. Грузы везли по Волге в Тверь, оттуда по рекам на Ладожское озеро и по Неве в Петербург [Семёнова 1998: 165–166].

О заботе и заступничестве говорят конкретные факты. Например, в апреле 1722 г. Сенату было поручено расследовать жалобу чувашей Ядринского уезда Нижегородской губернии на местные власти [Баранов 1872: 95].

Петр I в Поволжье. Связи Петра I (Петра Алексеевича Романова) с чувашами относятся к самому началу XVII в. Так, боярыня Мария Шестова, бабушка М. Ф. Романова (1596–1645), в 1601 г. по указу интригана Бориса Годунова была сослана в Заонежье, а затем пожизненно в Чебоксары. Здесь, в Николаевском женском монастыре, ее постригли. В этой обители в 1631 г. завершился земной путь бабушки первого царя из династии Романовых.

По указу Петра I в Казани в 1712 г. был заложен помповый завод, в 1714-м — суконная фабрика.

Во время своего знаменитого Персидского похода 1722–1723 гг. маршрут императора проходил через Козьмодемьянск, Казань, Чебоксары и Свияжск. В ночь с 1 на 2 июня Петр с женой Екатериной остановился в Чебоксарах в доме купца Игумнова. Братья Михаил и Алексей Федоровичи владели мельницами, винокуренными, салотопенными, воскобойными, кожевенными заводами. Торговали

с зарубежными странами, Сибирью, Архангельском, Астраханью, Петербургом и другими городами. В 1714 г. по указу Петра I Игумновы были записаны в купечество Петербурга [Гусаров 2008: 109]. Историки считают, что Петр I встречался с А. Ф. Игумновым, которого знал заочно. Беседовать они могли о развитии промышленности и торговли, чему царь уделял много внимания.

Об этом событии в дневнике Персидского похода имеется запись: «1722 г., июнь. 1-го. В полдни приехали к Чебоксарам, где переменить гребцов, пошли в путь, а Его Величество в том городе был у некоторого посацкого с четверть часа... От Кузьмодемьянска до Чебоксар 40. 2-го. В 10-м часу пошли в путь; и пришли к Свяжску» [Походный 1855: 37].

7 июня монарх прибыл в Казань. Его встретили торжественно: все чины и весь народ. Как только Петр I въехал в город, раздались пушечная пальба и колокольный звон. Государь осмотрел город, монастыри и загородные места. В Адмиралтейской конторе им были осмотрены заготовленные для Петербурга леса. Вице-губернатору Н. А. Кудрявцеву Петр I дал пространную инструкцию по выборке и хранению леса [Голиков 1789: 180–182]. Пробыл в Казани три дня. Побывал на кожевнном и суконном заводах, а также на корабельной верфи. Здесь для императора была построена яхта.

Особое внимание император уделил Булгарскому городищу, надгробным плитам и другим памятникам бывшей Волжской Булгарии. В июне 1722 г. он побывал здесь лично. Благодаря ему до нас дошли сведения о надписях на могилах Волжской Булгарии. По его указанию были сняты копии, поправлены плиты. С этого времени начинается серьезное изучение истории и археологического наследия Волжской Булгарии. Исследователи установили, что тексты многих эпитафий читаются при помощи современного чувашского языка.

В 2003 и 2013 гг. Чебоксары посетила княгиня Мария Романова. Она побывала на месте захоронения боярыни Марии Шестовой. К ее приезду археологи вскрыли саркофаг. На месте захоронения было решено построить часовню.

Культура и наука. Начало XVIII в. знаменательно тем, что россияне, в том числе москвичи и петербуржцы, проявляли нетерпимость ко всему иностранному, а это препятствовало реформам Петра I. Желая привить толерантность, в 1700 г. Петр I издал указ

об упразднении русского платья и введении для горожан платья венгерского и немецкого покроя. «Аналогичные цели преследовали указ об обязательном бритье мужчин и введение специальных пошлин за ношение бороды» [Семёнова 1998: 10]. Таким образом, были стерты внешние различия россиянина и иностранца. Теперь невозможно стало с виду различать иноверца и православного.

Петербург сыграл исключительную роль в изучении чувашей.

При пожаре 5 декабря 1747 г. сильно пострадала Кунсткамера. Тогда в шести шкафах сгорели предметы, в основном одежда народов Поволжья, Урала и Сибири. Что касается одежды народов Волго-Камья, то она была привезена Д. Г. Мессершмидтом из его восьмилетней экспедиции. Инициатором и распорядителем этой экспедиции был лично сам Петр I. Чувашские вещи собраны Даниилом Мессершмидтом в 1719–1727 гг. в Поволжье, по дороге Козьмодемьянск — Казань (туда и обратно) в прилегающих районах. Таким образом, было положено начало изучению этнографии чувашей. В шкафах под № 9–11 в западной галерее на втором этаже Кунсткамеры слева размещалось 32 предмета: женские головные полотенца — *сурпан*, рубашки — *кёте*, нагрудные украшения из серебряных монет — *шўлкеме*, халаты свадебные, чулки, платки жениха — *сулак*. Тем не менее точные рисунки сгоревших экспонатов сохранились, большинство из них хранится в Архиве РАН [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4]. Авторами интересующих нас рисунков являются Даниил Мессершмидт и Георг Унферцагт. Кроме того, в коллекциях Кунсткамеры первой половины XVIII в. в большом количестве имелись предметы религиозного культа. К примеру, датский путешественник Педер фон Хавен, в 1736 г. побывавший в Российской академии наук, в своем дневнике писал: «При Академии имелась также Кунсткамера, где помимо многочисленных редкостей природы и искусства было хорошее собрание языческих древностей» [Хавен 1997: 356]. Среди скульптур малой формы, должно быть, имелись и изображения чувашского божества *Йёрёх* из глины и металла (были и золотые).

Чувашская одежда поучаствовала и в историческом действе, известном как Ледяной дворец на Неве. Произошло оно в январе 1740 г. Краткая история такова. Князь М. А. Голицын, оставшийся без супруги, был назначен пажом. По настоянию императрицы Анны Иоанновны он решился на второй брак. Расходы на свадьбу

полностью взяла на себя императрица. Невестой была выбрана девушка из простого сословия. Однако свадьба была превращена в фарс. «Шутки ради и, возможно, еще для того, чтобы показать, как широко простирается ее власть, императрица разослала по всем губерниям распоряжение прислать от каждой из народностей в Петербург несколько пар обоего пола. За казенный счет они были одеты в свои национальные костюмы» [Реймерс 2007: 162]. Представители разных народностей, которые должны были шествовать на этой церемонии в национальных одеждах, были собраны в доме кабинет-министра А. П. Волынского на Мойке, недалеко от французско-немецкой реформаторской церкви, и зарисованы.

Свадебный поезд насчитывал более 300 персон. Он был разделен на четыре части согласно временам года. Так, самоеды, камчадалы и лапландцы изображали зиму, украинцы — лето и т. д. На манеже герцога Курляндского были накрыты столы, а представители каждой национальности отведали свои любимые блюда. «После обеда начали танцевать, и каждый народ танцевал под свою музыку национальный танец» [Реймерс 2007: 163].

В июне 1740 г., будучи в опале, министр был обезглавлен в крепости. Из-за его смерти остались неосуществленными идеи, которые должны были воплотиться в жизнь после событий в Ледяном дворце. По замыслу министра Волынского, рисунки, выполненные на свадьбе, должны были быть выгравированы на меди. В связи с этим не следует путать рисунки, сделанные с одежд, привезенных из экспедиции Д. Г. Мессершмидтом, и рисунки, выполненные на свадьбе в Ледяном дворце. Первые хранятся в основном в Архиве РАН в Санкт-Петербурге, а вторые, по мнению автора этих строк, частично вошли в книгу И. И. Георгия. В обоих случаях есть рисунки чувашской одежды.

В то же время можно полагать, что для шутовской свадьбы в Ледяном дворце чувашские вещи специально привезены не были. Обошлись тем, что уже имелось в Кунсткамере. Об этом говорит архивный документ от 1739 г. Так, обер-секретарь Авраам Сверчков по этому поводу 27 декабря 1739 г. в Академию наук писал специальное уведомление. В частности: «Понеже по имянному Ея Императорского Величества указу готовится некоторый маскарат, к чему потребно ис платья, имеющегося в Десианс Академии в натуре разных народов, а имянно: мордовского, черемиского, чуваш-

ского, вотяцкого, тунгусского, лопарского, самоедского и прочих сибирских народов и одну остробацкую лотку». Далее несколько раз повторяется, что некоторые образцы одежд имеются в наличии, т. е. присылать с мест не надо. Например: «В Академии наук о следующих народах имеется известие и описании, а именно: черемисы, чуваша, вотяки, мордва, башкирцы». Притом отмечается, что с некоторых платьев есть и рисунки [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49: 281–285 об.].

Таким образом, подчеркнем еще раз, по состоянию на 1739 г. в Кунсткамере имелась коллекция одежды чувашей, а также рисунки с них. Но по случаю свадьбы в Ледяном дворце в январе 1740 г. платья из этой коллекции были еще раз срисованы, будучи надетыми на участников свадебного поезда.

По материалам академических экспедиций на Волгу и в Сибирь в 1756 г. в Санкт-Петербурге была издана книга Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков». Исследователь описывает быт, этнографию и религию коренных народов Волго-Камья [Миллер 1756]. Итоги научных экспедиций по Российской империи И. Г. Георги легли в основу книги «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in der Jahren 1773 und 1774». В ней уделялось внимание и чувашам. А в 1776–1780 гг. он же публикует свое четырехтомное исследование обо всех народах империи, особенно детально описывает образ жизни и религии обитателей России [Georgi 1776].

Фольклор о Петре I. Беспредельна любовь чувашского народа к Петру Великому. Эти чувства получили отражение в фольклоре. В устно-поэтическом творчестве чувашей царь Петр — лицо положительное, демократичное и всегда принимает мудрое решение.

Автор этих строк в экспедиции 1994 г. к ульяновским чувашам записал забавное предание. К царю поступила жалоба на крестьян д. Средние Алгаши Цильнинского района, якобы не подчиняющихся его приказам. Тот разгневался, затребовал объяснений. И направили к нему от деревни держать ответ самую красивую девушку, нарядив ее в яркие вышитые одежды и украшения из серебряных монет. «Почему не подчиняетесь царю?!» — был вопрос. «Царь-батюшка, мы слушаемся нашего царя-патшу, поэтому и носим его облик на нашей нежной груди», — был ответ. Подошел Петр к красавице и увидел на груди ее украшение из крупных, серебром

сверкающих монет с изображением его самого. Обрадовался царь, поцеловал девушку в сладкие уста, усадил за царский стол.

Есть ряд сказок, где Петр I, принятый крестьянином, стал кумом чуваша.

В строительстве Петербурга участвовало много чувашей, говорится в предании, записанном в д. Малое Янгорчино Цивильского района. Из Чувашии в Северную столицу доставляли дубовые кряжи для строительства кораблей. Туда направляли и чувашей из Малого Янгорчина. Многие из них не вернулись. Вернувшиеся в разговорах использовали те или иные русские слова. Одно-го такого человека называли «капитаном». За ним прикрепилась кличка Капитан. А его потомков звали Капитановыми [Димитриев 1993: 275].

Чуваши выполняли тяжелейший труд по заготовке дубовых брусев для Петербурга. Срубленные отборные дубы доставляли в портовые пункты: в Казань, Синбирск, Чебоксары, Козловку. Трассы от леса до порта называли *Лашман сулё* «Лашманские дороги». Некоторые брусья были очень большими, и для их перевозки запрягали до 60 лошадей. Предания высказывают сочувственное отношение к тяжелому труду лашманов, отмечают, что провинившихся лашманов сильно избивали. Близ д. Шоркино имеются урочища *Лашман сярчэ* «Лашманский холм» и *Палка варё* «Палочный овраг». На холме лашманы отдыхали, а в овраге был жестоко избит и там же брошен молодой лашман по имени Шор. Его подобрала одна девушка и привела в дом отца. Когда лашманы уехали, Шор и эта девушка, составив семью, в лесу построили себе жильё. Место их дома и сейчас заметно, оно называется *Кив сурт вырӑнӗ* «Ложбина старых построек» [Димитриев 1993: 277].

В верованиях чувашей царь идентифицируется с божеством *Патша* «Царь». Согласно традиционному представлению, он стоит во главе перечня земных добрых божеств. В текстах молитв подчеркивается единство главного божества *Турӑ* и *Патши*: «Турӑ на небе, Патша на земле. Мир принадлежит божеству Турӑ, народ принадлежит Патше», — говорят чуваша. Единство этих двух персонажей обеспечивает людям счастье, здоровье, а также защиту от врагов. Как земное божество, он получил от *Турӑ* все, поэтому не станет творить то, что не положено. Божественная власть позволяет ему творить между своими подданными суд и расправу, карать

за всякое преступление, особенно за нарушение прав личности. Служение *Патие* (т. е. воинская повинность) считалось предписанием от *Туря*.

Противоречивы личность и дела Петра I. Исследователи обращают внимание на такую амбивалентность императора. По-моему, следует согласиться в этом плане с изречением А. С. Пушкина. «Достойны удивления: разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» [Пушкин 1995: 221].

Выводы. В строительство Петербурга, которое в ключевых моментах содействовало развитию флота, градостроительства и науки государства, был вложен значительный вклад Среднего Поволжья: широко пользовались дубовым материалом, привезенным из его лесов, на строительстве работали мастеровые Поволжья. В основном дуб использовали на сваи для болотистого грунта города, но также волжский лес шел и на кораблестроение. Во время знаменитого Персидского похода 1722–1723 гг. маршрут императора проходил через Козьмодемьянск, Казань, Чебоксары и Свияжск.

СВАДЕБНЫЕ ПЛАТКИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

(заметки к «Нарисованному музею»)

В работе предпринята попытка проанализировать феномен традиционных свадебных платков удмуртов, обских угров и чувашей. Хронология изучаемых материалов — с XVIII в. до середины XX в. Самые первые зафиксированные экземпляры хранились в фондах Кунсткамеры.

Свадебные платки в фондах Кунсткамеры. Экспонаты в Кунсткамеру поступали как из специальных академических экспедиций, так и в виде даров от отдельных лиц. Так, например, в 1715 г. — от заводчика Демидова, в 1716 г. — от князя М. П. Гагарина, в 1734 г. — от И. Г. Гмелина, в 1737 г. — от Г. Ф. Миллера и т. д. В 1739–1740 гг. по высочайшему повелению шел активный сбор одежды разных народов России и заморских народов для проведения маскарада, известного в истории как Ледяной дом. В 1740 г. поступила коллекция Ж.-Н. Делиля из экспедиции в Берёзов, а после пожара 1747 г. — знаменитая коллекция П. С. Палласа. Но наиболее достоверной гипотезой можно считать поступление большинства самых первых экспонатов академического музея из экспедиции Д. Г. Месершмидта.

Первоначально коллекция экспонатов музея была зарисована в количестве не менее 4000 листов. Среди них имелись рисунки образцов одежды народов Поволжья, Прикамья и Приуралья. Во время пожара 1747 г. вся коллекция сгорела, а часть рисунков чудом сохранилась. Пока обнаружено более двух тысяч рисунков. Сегодня они являются самыми ранними свидетельствами по теме.

Атрибутировать этническую принадлежность предметов одежды из коллекции первых десятилетий XVIII в. очень трудно, часто просто невозможно. Это объясняется тем, что народы Волго-Камья (татары, чувашы, мордва, марийцы) являются наследниками тра-

диционной культуры Волжской Булгарии. Заметные субстраты болгарской культуры имеют место и в культурах башкир, бесермян, коми, удмуртов, хантов и манси.

До пожара 1747 г. шкаф № X в Кунсткамере вмещал в себе большую часть коллекции одежды народов Волго-Камья. Согласно справочнику «*Musei Imperialis Petropolitani*» (МИР), данные образцы одежд экспонировались в шкафу (*Scrinum*) X под инвентарными № 53–87. Среди них — верхняя мужская одежда, женские рубахи, пояса, чулки и т. д. Но следует учесть, что книга-каталог «*Musei Imperialis Petropolitani*» вышла в свет в двух томах, причем в 1741 г. был опубликован 2-й том, а в 1742 г. — 1-й. Список интересующих экспонатов по шкафу X вошел как раз во 2-й том. Поэтому дополнительное поступление вещей с Поволжья следует датировать не только 1742 г., но и более ранним временем — начиная с 1741 г. В данном случае речь идет о свадебных платках, а точнее о платках, пришиваемых на плечи жениха и носимых поверх головных уборов женщинами. В литературе они известны под двумя названиями — *сулак* (*сюлык*) и *кёрй тутри* «платок зятя». Согласно пометкам, имеющимся на рисунках, в шкафу X таких платков было 10 штук, и обозначались они как «татарские скатерти». А на рисунках, хранящихся в Архиве РАН и известных как «Нарисованный музей» (НМ), их насчитывается более 20 штук.

Приведу каталог некоторых рисунков таких платков из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Дд. № 437, 443–445, 456–463, 470–474].

№ 1. Наспинно-наплечное украшение. Черемисы или чуваш. В МИР этот номер не вошел. В левом нижнем углу карандашом: *N4*. На обороте карандашом: *60* (?). Акварель, тушь. Размеры: 297 × 465 мм (в НМ размеры не указаны). Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 437.

№ 2. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваш. В МИР этот номер не вошел. На обороте карандашом: *63*. Акварель, тушь. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 443.

№ 3. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваш. В МИР этот номер не вошел. На обороте карандашом: *83*. Акварель, тушь. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 444.

№ 4. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Чуваши. В МІР этот номер не вошел. На обороте карандашом: 63. Акварель, тушь. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 445.

№ 5. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Черемисы или чувашаи. МІР. Vol. II. Р. I, р. 96. № : 63–66: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X.n. 24 66* [здесь и далее зачеркнуто в архивных сносках. — *Прим авт.*]. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 Tatar*. На обороте тушью: 134. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 450 × 300 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 456.

№ 6. Свадебный платок, который невеста дарит жениху. Черемисы, вотяки или чувашаи. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 64: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X.n. 23 64*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 Tatar*. На обороте коричневым карандашом: 103. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 450 × 300 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 457.

№ 7. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши, вотяки или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 24 63*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 132. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295 × 450 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 458.

№ 8. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 40 62*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97*. В правом нижнем углу коричневым карандашом: 126. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 457 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 459.

№ 9. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisticae, morduaticae, et Tschuvaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 64*. Чуть выше: *Вотяк? Остяк?* На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 130. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 460.

№ 10. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МІР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc)*

Tzeremisicae, morduaticae, et Tschuwaschenses. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. 40 X. n. 60 1*. Чуть выше карандашом: *Вотьяк? Mus. Petr. p. 97*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 119 (эта пометка в НМ не указана). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295 × 453 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 461.

№ 11. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МПР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisicae, morduaticae, et Tschuwaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 48 60*. Чуть выше карандашом: *Черемус? Mus. Petr. p. 97*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 123 (эта пометка в НМ не указана). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 455 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 462.

№ 12. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы. МПР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisicae, morduaticae, et Tschuwaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 7 59*. Чуть выше карандашом: *Черемисы? МР. p. 97*. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 463 (эта пометка по почерку очень похожа на почерк XX в.). Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460 × 295 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 463.

№ 13. Платок жениха. Чуваши или черемисы. МПР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 58–62: *Calanticae (Zuc) Tzeremisicae, Mmorduaticae, et Tschuwaschenses*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 18*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 N63–66*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 120. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 470.

№ 14. Платок жениха. Чуваши или черемисы. МПР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 16*. Чуть выше карандашом: *Mus. Petr. p. 97 N63–66*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 117. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 471.

№ 15. Платок жениха из холста, с вышивкой. Черемисы или чуваши. МПР. Vol. II. Р. I, р. 97. № 63–66: *Linteola 4. diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу тушью: *Scrin. X. n. 15*. Чуть выше: *Mus. Petr. p. 97 95? N63–66*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 122. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 295 × 460 мм. Источник: СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. 472.

№ 16. Платок жениха. Черемисы или чуваша. МПР. Vol. II. P. I, p. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 14*. На обороте в левом нижнем углу тушью: 119. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 460 × (? , порван) мм. Источник: СПбФ АРАН. P. IX. Оп. 4. Ед. хр. 473.

№ 17. Платок жениха. Черемисы или чуваша. МПР. Vol. II. P. I, p. 97. № 63–66: *Linteola 4. Diuersarum gentium Tattaricarum*. В левом нижнем углу: *Scrin. X. n. 17* [может, 12. — *Прим. авт.*]. На обороте в правом нижнем углу коричневым карандашом: 124. Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 300 × 450 мм. Источник: СПбФ АРАН. P. IX. Оп. 4. Ед. хр. 474.

Свадебные платки народов Среднего Поволжья и Приуралья. Чрезвычайно важно проследить продолжение и трансформацию традиций во времени и пространстве. Естественно, изучать свадебные платки народов перечисленных регионов невозможно в отрыве от головных уборов, с которыми они тесно связаны и составляют единую композицию и «прочитываются» в общей семантической картине. Для этого обратимся к имеющимся материалам и исследованиям.

Удмурты. О бытовании самых ранних образцов удмуртских *сюльков* в комплекте с *айшоном* свидетельствуют археологические находки. Например, Нязь-Ворцинский могильник XVI–XVIII в. в Игринском районе Удмуртии. Здесь в погребении 11 захоронена женщина 60–70 лет. Судя по залеганию бус и бисера, в изголовье располагался *айшон* с расширяющимся верхом, высота которого достигала 20 см. В погребении 9 на Чабыровском могильнике середины XVII — начала XVIII в. (Ярский район Удмуртии) у женщины 25–30 лет бусы рассыпаны в изголовье. Умершую, по-видимому, похоронили в головном уборе наподобие покрывала *сюльк* [Шутова 1995: 20–24].

Первые записи об удмуртском *сюльке* сделал Д. Г. Мессершмидт. Он старался закупать костюмы в комплекте. Его особенно интересовала такая одежда, в которой люди совершали жертвоприношения и которую надевали в дни праздников. Так, запись в удмуртской деревне Балезино гласит: «Около 2 ½ часов по полуночи, наконец, с огромным трудом сумел полностью собрать [разное] тряпье, относящееся к женскому костюму» [Напольских 2001: 85]. Он тут же записал список предметов, входящих в этот комплект:

льняные штаны, льняные чулки *чуглес*, лыковые башмаки *кут*, нижняя рубашка *дэрем*, нагрудник *кабачи*, льняной кафтан *шотдэрем* с поясом *зар*, шелковый воротник *сирес*, головной убор *ашкон*, *сюлык*, белое пальто *дукес*. Согласно Д. Г. Мессершмидту, *сюлык* — это вышитый белый покров на *ашкон*, подобный французскому куафюру, опускаемый на лицо или поднимаемый по желанию [Напольских 2002: 178].

Действительно, *сюлык* у удмуртов — это платок-покрывало, который надевался на высокий берестяной головной убор *айшон* [Лебедева 1976: 38]. Его изготавливали из тяжелой парчовой, шелковой или льняной ткани белого, красного или оранжевого цветов. На ткань наносили растительные орнаменты, по краям обшивали бахромой [Buch 1882: 185].

В costume завятских удмуртов значительный интерес представляет женский головной убор *ашъян* (ему аналогичен *айшон* южных удмуртов). Он состоит из берестяного каркаса и квадратного холщового покрывала *солык*. Покрывало прикрепляли к берестяной части головного убора одним углом, свешивающимся на лицо. Противоположный угол закрывал нижнюю часть спины, боковые углы располагались на плечах. Преобладающий цвет аппликации — красный. Это определило название всего головного убора — *горд сюлык* («красное покрывало»). Его надевали на невесту во время обряда *кышнояськон* («женитьба») или *кышно карон* (дословно — «делать женою»). Бахрома, нашивки из лент и монет, низки бисера и бусы, прикрепленные к верхнему углу покрывала, закрывали лицо до рта. Интересно, что в течение двух-трех месяцев после этого обряда молодая жена не должна была при посещении родственников мужа входить в их дом. Она не входила не только в дом, но и на территорию усадьбы родственников мужа. Данный головной убор у завятских удмуртов был связан с обычаем избегания в первые 2–3 месяца после приезда в дом жениха. В этот период головной убор максимально скрывал лицо и волосы молодой жены. Через год после свадьбы совершали обряд, отменявший и эти последние ограничения. Тогда же происходила смена головного убора на маленький легкий *ашъян* с открывавшим лицо и прическу платком *горд сюлык* [Косарева 2000: 133–134, 137, 139].

По своему назначению *сюлыки* подразделяются на два вида: 1) *сюлык* свадебный; 2) *сюлык* зрелой женщины.

Особый интерес в этнографическом и художественном отношении представляет *сюлык* свадебный. Население называет его также и черный *сюлык*. Основу его составляет белый холст, состоящий из четырех частей, богато расшитый черными нитками. Он украшен геометрическими фигурами из позумента, кистями из разноцветных шелковых и шерстяных ниток и лент, металлическими бляшками, подвесками, бусами, монетами и бисером. Черная рельефная вышивка, выполненная шерстью или шелком, производит впечатление монументальности.

Молодая жена в течение года покрывала голову шерстяным или ситцевым платком с бахромой. Назывался такой платок *сюлык*. Она носила его в развернутом виде. Передний край платка спускался до глаз. Молодая женщина носила черный *сюлык* до рождения первого ребенка, в случае бездетности — три года [Белицер 1951: 104; Гаген-Торн 1960: 197; Лебедева 1976: 38].

У некоторых групп южных удмуртов после исчезновения берестяных головных уборов платком *сюлык* невеста закрывала на свадьбе голову и лицо.

Не менее интересным в этнографическом отношении является *сюлык* зрелой женщины — красный *сюлык*. Основу его составляет белый холст или фабричная ткань. В качестве украшения также используются позумент, шелковая тесьма, бусы, монеты, бисер.

Сюлык имел широкое распространение среди удмуртских женщин в XVII—XIX вв. В XVIII—XIX вв. *сюлыки* с *айшоном* были широко распространены среди удмуртов в Сарапульском, Елабужском, Малмыжском уездах Вятской губернии, в Казанской и Уфимской губерниях. Например, в д. Лызи Казанского уезда, д. Урустамак Бугульминского уезда Самарской губернии. В период полноценного существования традиции на невесту поверх *айшона* с *сюлыком* надевали еще покрывало, аналогичное *боркэнчек*. С исчезновением *айшона* *сюлык* стал употребляться в качестве свадебного покрывала невесты и сохранился во многих южных районах Удмуртии до 30-х гг. XX в. В конце 70-х гг. XX в. *сюлыки* можно было встретить у удмуртов Марийской и Татарской АССР.

Те, кто имеет дома *сюлык* и сегодня (каковых почти не осталось), берегут его в качестве детали похоронного костюма [Владыкин 2008: 163–169]. Большая коллекция *сюлык айшон* хранится в фондах Российского этнографического музея. Удмуртский *сюлык*

сравнивают с марийским и чувашским вышитым свадебным платком, а также с татарским *яулык*ом.

Угры. У кондинских вогулов свадебные платки представляют собой вышитую ткань размерами 82–96 × 83–87 см. Вышивки выполнены нитками синего, красного, коричневого и зеленого цветов. Бахрома — из двояных темно-коричневых и красных ниток [Vahter 1953, Abbildung 5, 8, 11].

У хантов есть термин *xanda-xanč*/ханды-ханчъ («хантыйская вышивка / остяцкий узор»). Словом *xanč* обозначается прием, используемый при вышивке; также оно имеет значения «метка», «шитье», «узор», «пестрый». Наносилась такая вышивка на головную повязку *saravat* (= чуваш. *масмак*) и на женские рубахи [МАЭ. Фонды Сибири. Колл. № 581. Ед. хр. 5, 7, 9, 10/2]. *Xand*, или *xanda*, — значит «хантыйский», «относящийся к хантам», так как *xant*, а также *xанти*, *xандэ* — это эндоэтноним, а остяками их звали соседние племена. Из-за того что нитку остяки готовили преимущественно из конопли, а узоры были свойственны только им, *hand* использовался по отношению и к конопле, и к узору — соответственно *handa-pötin* или просто *hand* [SKSA. Kotelo 54: 7, 50]. Однако геометрические рисунки при вышивке *xanda-xanč* очень близки к чувашским узорам: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanč*, широко применялся чувашскими женщинами. Чтобы обе стороны выглядели одинаково, использовалась, так же как у хантов, техника двустороннего шва. «Узор выполнялся по счету ниток основы и был всегда геометрическим» [Трофимов 2010: 196]. Строение используемых тканей, произведенных из крапивы, конопли или льна, позволяло творить точные рисунки. Такое же объяснение давал вышивке *xanda-xanč* С. К. Патканов. Он называл ее образцовой хантыйской вышивкой [Patkanov 1900: 425–426]. Те же дерево, птица, лошадь, те же симметрии, те же геометрические фигуры с двумя и более мелкими отростками на вышивках у чувашей. И у хантов, и у чувашей так называемые отростки могут означать рога оленя или лося. Вышивками швом *xantäsla* особенно богаты были покрывало невесты *пёркенчёк* и платок жениха *сулак*. Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди (*кёскё*), на головные

уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подола. Богато вышитая одежда у обоих народов составляла предмет гордости и свидетельствовала о высоком мастерстве носителя. Главное: такая вышивка у чувашей называется *хантӓсла*. Слово обозначает окончательное нанесение цветных узоров на предварительные контуры рисунка. В слове *хантӓсла* -ла является аффиксом, образующим новое слово, обозначающее прием работы. Конечно, и морфема -ӓс когда-то появилась как аффикс, а теперь воспринимается вместе с *хант* как одно слово. Что касается корня *хант*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *хант*, а термин *хантӓсла* в целом переводит как «вышивать по-хантыйски».

Чуваши. Платок жениха у чувашей называется *сулӑк/сулӑх* или *кӑрӑ тутри* («платок зятя»). Верховые чувашаи свадебный платок называли *тваткал* («прямоугольник»), а чувашаи Приуралья — *ал тытти* («то, что должно быть в руках»). Готовится невестой. В старину вышивку на платок, предназначенный жениху, наносили при свете луны, что не может не говорить о его сакральности.

«Мог использоваться в трёх вариантах: в сложенном по диагонали виде и пришитый к свадебному халату — как покрытие плеч жениха; в руках или пришитый к рукаву — как церемониальный (плясовой) платок; подоткнутый под пояс — в качестве поясной подвески. В одном свадебном костюме могли соединяться два способа ношения платков» [Иванов-Орков 2011: 171].

Изготавливался из прямоугольного куска холста размером около 50 × 36 см. По краям делают бахрому из шелковых ниток. В одном углу присутствует кисточка из покупных ниток. Готовый платок складывают пополам в треугольник так, чтобы кисточка свисала вниз. Иногда вместо *сулӑк* обходятся платком красного цвета.

Входит в число подарков, передаваемых невестой жениху в конце сватовства. Преподнеся жениху ковш с пивом, невеста покрывает сосуд «платочком зятя», называемым *сулӑк* [Никитин, Крюкова 1960: 39].

Как правило, жених одевается в кафтан (халат), на спину которого привешивается вышитый конец *сурпана* (тоже подарок невесты), а на него прикрепляют сложенный в треугольник платок-сулӑк: два конца *сулӑк* пришивают на плечи, а третий свисающий конец с кисточкой пришивается на спине (примерно между лопатками). Делается это перед выездом свадебного поезда жениха в дом невесты.

Имеется интересный вариант из Синбирской губернии от XIX в., согласно которому жениху «на мизинный палец правой руки привязывают небольшой платочек нарочно для того приготовленный с разными узорами, вышитыми из красной бумаги и пришитыми по концам кистями. Этот платочек называется по-чувашки *сюлах*» [РГО. Р. 53. Оп. 1. Д. 57: 5 об.]. Думается, функции платочков на спине и на мизинце у жениха одинаковы с семантической точки зрения.

При сборе объединенного свадебного поезда в дом свекра невеста срезает (срывает) *сулак* жениха и кладет себе. Круг замкнулся.

Последние факты бытования *сулак* можно было увидеть в первой половине XX в. Образцы *сулак* зафиксированы во всех районах проживания чувашей. Хорошие образцы *сулак* хранятся в Российском этнографическом музее. Есть они в Национальном музее Чувашской Республики, в других музеях Поволжья и Приуралья.

Семантика свадебных платков. Семантика свадебных платков в целом и вышивок на них у рассматриваемых народов имеет единый знаковый код. К такому выводу можно прийти после ознакомления с определенным количеством образцов свадебных платков народов, проживающих в регионе Среднего Поволжья и Приуралья.

Прежде всего, преподнесение девушкой парню платка (носового, наспинного, поясного) — это знак согласия выйти за него замуж. Искусствовед А. А. Трофимов треугольный *сулак* на спине жениха, прикрепленный поверх свадебного одеяния *шуняр*, читает как знак *vulva*, символизирующий преданность невесты и ее согласие войти во власть будущего мужа. А в орнаментике он видит знаки пахотной земли, светил, воды, огня, дерева жизни, модели мира, мифические фигуры и космогонические представления [Трофимов 2010: 198].

В узорах на свадебных платках удмуртов исследователи улавливают женский лунный знак, способствующий плодовитости носительниц. При этом имеется в виду не изображение небесного светила, а подчеркивается временной аспект, репродуктивный период женщины [Лебедева 2008: 8–9]. Например, в вышивке удмуртского *сюлька* ясно прослеживается образ растущего дерева [Лебедева 1976: 38].

Понятие «растение» у предков чувашей совпадало с понятием «жизнь». Сок, поднимающийся по стволу, питает дерево, у дерева появляются листья. Затем дерево разветвляется. Таким образом, корни дерева уходят в землю, а ветки тянутся вверх, к солнцу.

«У верховых чувашей богато орнаментировался *кёрү тутри* „жениховый платок“ из белого холста, который иногда имел квадратную, иногда — продолговатую форму. Все четыре края платка заполнялись вышивкой. Орнамент двух краев состоит из двух птичек, сидящих на родовом дереве друг против друга (*ама — аса*)» [Орлова 1967: 114]. На других двух краях вышиты мелкие кружочки. Должно быть, они символизируют куриные яйца. В целом вышивка символизирует размножение. Такой платок невеста дарила жениху после сватовства.

У обских угров на некоторых образцах ткань богато украшена параллельными квадратами, внутри которых находятся по четыре птицы. Символика птиц на деревьях вообще характерна для таких платков [Vahter 1953, Abbildung 5, 8, 11]. Смысл — творение, согласие, единение.

В старинном чувашском орнаменте, принадлежностях одежды и украшениях, бесспорно, просматриваются элементы земледельческой культуры, считает исследователь чувашской одежды [Трофимов 1977: 8–107]. Он видит в узорах также ранние формы рунического письма. Знаки, использованные в орнаменте, в древнейшее время служили для выражения мыслей, а не просто являлись элементами украшения. Аналогичные взгляды у болгарских ученых. Сравнения знаков болгарской и чувашской вышивки указывают на близкие параллели. А это еще раз подтверждает родство этих двух народов, а сами знаки свидетельствуют о существовании у них в древности своей письменности. В науке известно, что по традиции ломаной линией изображали воду, прямой — поверхность земли или небо, треугольниками — горы и т. д. Фигура на верхушке «растения» напоминает плод. Определенную аналогию А. А. Трофимов находит в узорах чувашской вышивки и орнаментальном искусстве народов Кавказ хевсурских вышивках, узорах балкарцев и карачаевцев. Отдельные орнаменты чувашской вышивки имеют аналогии в прикладном искусстве Армении и Азербайджана. Но в искусстве Армении и Азербайджана это в основном узоры на коврах. На одном из свадебных платков, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, изображен линейный орнамент — горизонтальный фриз из ряда медальонов, которые отделены друг от друга неширокими полосками. «Стремясь передать непрерывность движения, вышивальщица меняет

соотношение цветов... Создается такое впечатление, будто разноцветный крест с элементами „огня“ переходит, вращаясь, из одного медальона в другой... С помощью цветового сочетания вышивальщица, не изменяя очертаний фигур, добивается впечатления движения, динамичности всего узора в целом» [Трофимов 1977: 94–95]. На свадьбе танцующий держал в руке платок и чуть слышно, ритмично притоптывая ногами, плавно двигался по кругу.

Выводы. Таким образом, в XVIII в. в Кунсткамере хранилось более 20 свадебных платков народов Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Основная коллекция была привезена из экспедиции Д. Г. Мессершмидтом. Большинство из них сгорело во время пожара 1747 г. Но сохранились рисунки с них. Атрибутировать этническую принадлежность предметов одежды из коллекции первых десятилетий XVIII в. очень трудно, часто просто невозможно. Это объясняется тем, что народы Волго-Камья (татары, чуваша, мордва, марийцы) являются наследниками традиционной культуры Волжской Булгарии. Заметные субстраты болгарской культуры имеют место и в культурах башкир, бесермян, коми, манси, удмуртов и хантов. Отсюда неточности в определении этнической принадлежности предметов.

Г. Ф. МИЛЛЕР О ЧУВАШАХ

Миллер Герхард Фридрих (Müller Gerhard Friedrich) (1705–1783) — действительный член Петербургской Императорской академии наук и художеств, руководитель отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.).

В Петербурге проживал на 5-й линии Васильевского острова и имел свой двор [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14: 619]. Будучи в Москве, он в числе других основных занятий держал связь с коллегами из Петербурга, а также с членами Академических экспедиций, в частности, с П. С. Палласом. Так, в письме И. А. Эйлеру от 30 апреля 1769 г. он сообщает о пересылке отчетов и коллекций Палласа и Гильденштедта в Петербургскую академию наук [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 53: 42–42 об.].

В этот раз несколько остановимся на некоторых вопросах о чувашах, которые так или иначе поднимал Г. Ф. Миллер в своих трудах. Последовательность изложения связана с ходом мыслей Г. Ф. Миллера. Привлекая другие источники, попытаемся расширить представления, зафиксированные Г. Ф. Миллером. Следует заметить, что и Г. Ф. Миллер, и И. Г. Георги в своих путешествиях побывали только среди верховых чувашей, если точнее — общались с чувашами, проживавшими на побережье Волги по маршруту Козьмодемьянск — Чебоксары — Казань. Их беседы с населением проходили при посредстве местных толмачей.

Этнонимика. Г. Ф. Миллером назывались основные этнонимы, имевшие и имеющие место в Среднем Поволжье. Например, он писал: «Чуваши русских называют *вуресс*, татар *тотар*. Себя самих *чуваши*» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 168: 26].

Однако Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги зафиксировали и не встречавшиеся в других источниках сведения по этнонимии. Согласно их утверждениям, соседняя мордва предков чувашей звала *ветке*. Так, И. Г. Георги по этому поводу заметил: «Чуваши, которые

так называются ими самими и русскими, мордвинами называются *Wiedke*, а черемисами — *Kurk Mari* (горными людьми)» [Georgi 1776: 38]. Г. Ф. Миллер полагал, что чувашаи — «это древние вятичи, которые часто упоминаются в русских летописях, ибо и сейчас можно услышать, что мордва называет их *Wiedke*, каковое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими реку Вятку» [Миллер 2009: 39]. Действительно, в мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской республике (села Малые Кармалы и Атрадь), также называет чувашей *ветке* [Мокшин 1978: 282]. Г. Ф. Миллер привел еще один вариант, согласно которому мордва называла чувашей *вьедене* [Миллер 1791: 33].

География. Г. Ф. Миллер в основном дал верную характеристику расселения чувашей. «Чуваши с черемисами смешиваются, ибо на правом берегу реки Волги также живет некоторое число черемисов... Чуваши... наипаче занимают правый берег Волги, живут также по разным местам... и на левой стороне ниже устья реки Камы около городков Старого и Нового Шезминска, Билярска, Тинска, Маинска, Мензелинска, Саинска и прочих... На некоторых местах есть также и степи яко в Синбирской провинции по правую сторону Волги, где живут чувашаи» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6: 19–24]. Он также призвал исследовать необъезженные места с целью уточнения регионов, в которых проживают чувашаи.

Антропология. Антропологические характеристики чувашей по Г. Ф. Миллеру относятся в основном к цвету волос. По его визуальным наблюдениям, у верховых чувашей во второй половине XVIII в. волосы на голове и бороды желтые или рыжие, рост средний [Миллер 1791: 11]. Другие исследователи отмечают чрезвычайную пестроту антропологических типов среди чувашей. Например, данные по чувашам на конец XIX в. в Уфимской епархии обнаружили следующие отличительные показатели: цвет кожи желтоватый, волосы преимущественно русые, скулы выдающиеся, лоб низкий, глаза узкие, борода редкая, рост средний, телосложение слабое [Златоверховников 1899: 34]. По данным на 1911 г., чувашаи характеризуются смешанным типом по цвету волос и глаз, но с резким преобладанием темного типа над светлым [Ивановский 1911: 387].

Верования. Распространенный среди чувашей такой религиозно-обрядовый объект, как *Киремет*, часто подразумевает

березу. Так, в начале XX в. у с. Шумшеваши Ядринского уезда существовали *киреметища* под названием *Сар хорӑн* («Желтая береза»; в 1,5 верстах к востоку в лесу) и *Шор хорӑн* («Белая береза»; в 1,5 верстах к юго-востоку в поле). *Киремет* под названием *Сар хурӑн* «Желтая береза» находился в Козьмодемьянском уезде. Имеются и другие названия, производные от слова «береза». Частенько под божеством *Киремет* подразумевают одинокую березу. Это явление типично для Буинского, Тетюшского и Курмышского уездов Синбирской губернии. К примеру, назовем деревни Малая Акса и Атмалкасы. Со временем, как правило, от одиноких берез оставались одни пни, однако от этого они не теряли своего значения. Иногда *Киреметом* называли три и более березы. Так, по данным 1837 г., в 100 саженьях от д. Старое Ахпердино Буинского уезда имелся *Киремет* в виде нескольких берез. В д. Емелькино Бугульминского уезда Самарской губернии имелись две березовые *киреметные* рощи, одна называлась *Киремет*, другая — Березняк, т. е. *Киремет* и береза в данном случае совершенно идентичны. Роща из мелких берез тоже может служить *киреметным* местом. Такой пример находим в д. Мокры Цивильского уезда. Иногда *Киремет* мог обитать в роще, где березы росли вперемежку с сосной. Именно такое описание зафиксировано по состоянию на 1913 г. в д. Новый Урюм Цивильского уезда. Если у вновь образованного поселения отсутствовало *киреметное* место, то жители по совету знахарей загораживали березняк, который начинали называть *Киреметом*. У таких берез совершали моления в виде закалывания животных, подбрасывания монет, зажигания костров, подвешивания шкур. Березовые веники служили средством для окропления проходящих в земляные ворота людей. В списке *киреметов*, находящихся на 1837 г. в удельных селениях Буинского и Синбирского уездов, из учтенных 65 *киреметов* 36 представляли собой березы. В этом же списке во всех включенных в список семи мордовских деревнях *киреметы* представляли собой растущие березы [Миллер 1791: 56; РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 465: 15; ЧГИ 31: 29]. Жертвоприношения у березы проводили удмурты, марийцы, алтайцы, буряты.

Печь как творец и хранитель огня обладает свойством очищения. Так, в печи сушат и сжигают кости жертвенного животного, остатки еды вообще, туда же бросают остатки от недогоревших свеч. В печи калят камень и вслед за выносом покойника из дома выбра-

сывают в ворота [Миллер 1791: 60; ЧГИ 31: 55; 72: 83]. Такие этапы обращения с костями, как осторожное отделение по суставам, тщательное очищение от мяса, сушка и сжигание в печи, а также другие признаки указывают на связь с зороастрийскими ритуалами обращения с умершими. В обоих случаях цель одна — избежать осквернения и быстрее достичь цели. Эта гипотеза нуждается в продолжении исследований.

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города. Вместе с городами возродилось и магометанство. Оно объединило татар — бывших болгар — жителей городов Волжской Булгарии. Дисперсное проживание на территории Казанского ханства вместе с татарами-мусульманами привело марийцев, удмуртов и чувашей к ассимиляции в среде мусульман. По данным на вторую половину XVIII в., многие чуваша по обыкновению татар брили головы, были охотниками до лошадиного мяса, а некоторые свиней не держали [Миллер 1791: 11, 22]. Сельской массе, жившей по родовым традициям, приходилось туго. Были поглощены целые поколения нетатарского люда. В период Казанского ханства среди чувашей были распространены также новые административные порядки. Церемонии ханского двора чуваша переносили на свои божества, которых они стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих и прислуживающих ему. Например: *Тăвам ырă* «Божество, заседающее в диване», *Хум кёрекеçĕ* «Кравчий хана», *Тăвам сўрете-кен* «Божество, ведающее делами дивана», *Мăн турра алак усакан* «Отворяющий двери жилища». Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, сохранялось среди чувашей долго.

Язык. Г. Ф. Миллер уделял должное внимание разговорным языкам исследуемых народов. Он записывал услышанные им и продиктованные ему слова и таким образом составлял словарь основных понятий на разных языках. При этом указывал соответствующие им значения в языках соседних народов.

Приведем некоторые примеры. Бог — *Тора* (лит. *Турă*), дьявол — *Шайтан*, *Шидан* (лит. *Шуйттан*), воскресенье — *вырес-арне* (букв. «русская неделя», т. е. конец недели в русском исчислении, лит. *вырсарни*), пятница — *арне-кон* (лит. *эрне кун*), неделя — *арне* (*эрне*), месяц — *дват-арне* (букв. «четыре недели»,

лит. *уйăх*), вторник — *утлари-кон* (лит. *ытлари кун*), среда — *йон-кон* (букв. «день крови», т. е. день приношения жертв», лит. *юн кун*), четверток — *ксне-арне* (лит. *кёşнерни*), суббота — *шмат-кон* (лит. *шăмат кун*), уголь (горячий) — *кувар* (лит. *кавар*), олово — *тухлан* (лит. *тăхлан*), свинец — *хора тухлан* (лит. *хура тăхлан*), дом — *сорт* (лит. *сурт*), изба — *берт* (лит. *пурт*), оконница — *карндик* (от слова *хырăм* — «брюхо», т. е. окно, закрытое брюшиной, ныне слово стало архаизмом, лит. *чурече*), стул — *поган* (лит. *пукан*), 1000 000 — *пынь-пынь* (букв. «1000–1000») [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6: 114 об., 115 об., 119 об.]. Река большая, малая — *адăл* (ср. *Атăл* «Волга»), медь зеленая — *бухур* (лит. *пăхър*), человек — *арзин* (лит. *арсын*), слуга, служанка — *тарси* (лит. *тарсă*) [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 168: 20, 21, 22].

Словарь Г. Ф. Миллера является первым образцом чувашской лексикологии.

Этнография. Анализируя свои наблюдения о чувашских деревнях, Г. Ф. Миллер заметил, что у чувашей деревни по сравнению с черемисскими большие. Что касается интерьера, то у чувашей в домах скамейки (лавки), как и у татар, широкие. Они используют их и вместо кроватей. Окна у них паюсные (т. е. из бычьего пузыря) или из тонкой бересты, поэтому зимой в домах бывает тепло [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6: 24 об. — 27].

Известно, что из Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер привез рисунки черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платьев. Об этом имеется запись от 1744 г. [СПбФ АРАН. Ф. 21, оп. 5. Д. 121: 131 об.]

Существует много примеров, когда подозреваемого вынуждали съесть или хлеб, или хлеб с солью, или сначала давали хлеб с солью, а потом воду. Порой испытания стояли на грани ордалий. Например, заставляли пить сильносоленую воду. О клятвах с хлебом и солью среди чувашей И. Г. Георги писал: «Кладут им в рот понемногу соли и хлеба, причем они говорят: „Чтоб мне этого у себя не видать, ежели я лгу, или в своем не устою“» [Георги 1799: 41]. Народные формы клятвы у чувашей были известны и властям и использовались как юридическая норма. Так, «при взятъе в солдатскую службу пред присягающим держат два палаша концами в вверх крест-накрест, и чрез оные палаши... дается в рот хлеб с солью» [Миллер 1791: 65].

В обыкновении чувашей было брать жен из других родов и деревень. За этим строго следил род. Чаще всего их привозили из других деревень. Поэтому в литературе есть описания, когда в семье были недовольны тем, что сын изъявляет желание брать невесту из своей деревни. Ехать непременно в другие деревни и брать из других деревень («верст за десять и за сто») было в традиции и у поволжских татар [Милькович 1905: 8]. Относительно чувашей Г. Ф. Миллер сделал однозначные записи: «При том же законы сродства соблюдают они так точно, что оных ни мало не нарушают» [Миллер 1791: 68]. В богатырских сказках мотив поиска невесты для сына передается почти буквально. А в свадебных песнях выбор нужной девушки также обставлен почти сказочно.

Крепкое желание найти невесту из чужой деревни играло решающую роль. «Очень грешно жениться на той девке, которую каждый день видишь!» — констатировали старики [Фукс 1840: 26]. Если пришла пора женить сына, а он еще не успел познакомиться, то родители специально запрягали лошадь и ездили из деревни в деревню, буквально расспрашивая и подыскивая нужную девушку. Участники экспедиций XVIII в. также предупреждали о невозможности «брать за себя двух сестер», но о допустимости «жениться на двух, или на трех сестрах по одиночке» [Миллер 1791: 68]. Конечно, женитьба на сестре и на сестриных детях у чувашей исключается. Женитьба на соседке допускается как исключение, если она не единокровница. Обычай брачного обыска, т. е. установления неродства по метрике, существовал и в православии [Даль 1981: 638].

Обе стороны заранее готовят угощения. Как правило, это домашняя водка, пиво, мед, обильно помасленная каша, хлеб ржаной и пшеничный и сыр. Угощения всех видов должны быть в нечетном количестве, поскольку пока ни жених, ни невеста не составляют пары. Только малинки *ййвача* пекутся в неисчислимом количестве, чтобы у молодых было много детей. Дома у невесты варят суп и подают еду на стол семь девушек-родственниц. За стол садятся поочередно. Сначала родственники жениха, их угощают родственники невесты. Затем со стола убираются угощения родственников невесты и подаются угощения жениха, начинается угощение родственников девушки. В конце хозяева подают на стол кашу. Это последнее блюдо для совместной еды, после которой гости должны

идти домой. Если гости не будут торопиться выходить из-за стола, то они заслуживают осуждения: «Эти гости не знают чести, они и после каши не уходят» [Миллер 1791: 71; Месарош 2000: 329]. У удмуртов на столе присутствуют пироги, ватрушки и каша [Гаврилов 1880: 172–173]. Нечетное количество подаваемой пищи свойственно и таджикам. Например, они подают выпечку в девять стопок на подносе. На стол ставят также по девять штук больших лепешек и пирожков с мясом [Лобачёва 1985: 116–117].

Первые известные по письменным источникам гробы чувашей делали путем расщепления дерева на две половинки, которые выдалбливались в виде корыта и покрывались одна другой. Конечно, они напоминали известные в этнографии гробы-лодки. Чувашей также обходились старыми готовыми колодами, два конца которых отпиливались и заделывались досками. Наиболее распространенное название гроба — *туняк/тунят*, в некоторых районах — *кистен* («кистень»), что говорит в пользу существования гробов-колодок. Как и чувашей, соседние удмурты до середины XIX в. пользовались выдолбленным деревом. В XVIII в. чувашей умершим на дно могилы клали доски, на них перину или ковер, потом труп, а с боков и сверху обкладывали досками. Затем появляются коробки без дна. Отсутствующее дно затягивалось веревкой или льном и постилалось лыком. Такие худые гробы, в некоторой степени напоминающие колыбели, изготовлялись, по объяснению самих чувашей, чтобы покойнику не жестко было лежать. Изготовление современного типа гробов с дном у чувашей распространено сравнительно недавно. Наиболее подходящими считаются поперечные доски из сосны и ели. Желательно, чтобы дерево было свежеспиленное, а лучше — спиленное специально для данного умершего. Перед тем как срубить или спилить дерево, один из близких родственников покойного бросал из рук топор на землю и говорил: «Чтобы тебе провалиться в преисподнюю», что подчеркивает желание быстрее избавиться от покойника. В изготовлении гроба принимало участие несколько мужчин, основную работу делал один из них, как правило, тот, кого выбирал сам умирающий. Обычно — близкий и любимый. Когда этот человек заходит в дом для измерения размеров умершего, то все до единого из дома выходят. Измерение делается очень точно, т. к. свободный гроб является приметой следующей близкой смерти в доме. Приступая непосредственно к изготовле-

нию, гробовщик ударяет топором о доску и говорит: «Пусть не будет успеха в начинании этого дела» [Strahlenberg 1893: 248; Миллер 1791: 78; Паллас 1773: 143].

Среди погребального инвентаря у чувашей обязательно присутствовали мыло, гребень, ложка, нож и прочие необходимые предметы повседневной жизни. Туда же клали элементарные орудия труда. Правда, все это невозможно увидеть в одном гробу, они присутствуют в том или ином наборе в разных гробах. В целом создается впечатление, что умершего собрали в долгий путь. Вещи обычно клали в специальный мешочек, называемый «мешочек спасения», что говорит о его назначении [Миллер 1791: 78; ЧГИ 176: 161]. Сопровождающая еда (в виде яиц и кусочков другой пищи) также говорит о запасе на дорогу.

Акциональный и вербальный тексты говорят о желании чувашей быстрее избавиться от умершего родственника, переселить его на кладбище, соблюдая при этом порядок всех этапов. Напомним основные моменты. По умершему родственнику плачут, но закрывают ему глаза и ноздри; по дороге на кладбище один сидит задом наперед; на кладбище опять плачут. Опуская в могилу, говорят: «Не бойся, не бойся». С кладбища убегают бегом, мертвец тоже собирается за ними, однако все узлы на нем развязаны. На третий день закалывают домашнюю живность; кружку воды, один блин и кости от птиц выбрасывают в сторону кладбища. Сохранились верования (особенно в богатырских сказках), согласно которым домашние должны три ночи после похорон бодрствовать на могиле. Возможно, такой факт имел место в действительности. Но срок этот ограничивался именно тремя ночами: больше не позволял сам мертвец. На кладбище ходят также на седьмой день после смерти. До появления следующего умершего его выставляют на охрану. До *юна* умершего родственника приглашают мыться в бане. В *юна* уже происходят окончательные проводы умершего родственника на кладбище. Проводы в целом — это поэтапное отделение умершего от живых, постепенное переселение его в другое пространство, оказание помощи в привыкании там [Миллер 1791: 78; ЧГИ 21: 23, 24].

Согласно воззрениям чувашей, заколотая на поминках скотина переходит в собственность умершего. Поскольку смерти нет, то перешедшие в иной мир родственники пользуются теми животными,

которые были принесены в жертву в их честь. Обязательно учитывают тот факт, что мужчина на том свете ездит на лошади, а женщина — на корове или овце. Г. Ф. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чуваша и марийцы в обряде окончательных проводов души на дворе вколачивают «в землю две палки, и между ними протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первый во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят» [Миллер 1791: 79]. Рудименты таких скачек запечатлены и в записях XIX — начала XX вв. Например, при возвращении с кладбища всадника, прискакавшего к дому первым, встречали пивом. Позже заклятие лошади после скачек заменили актом дара этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться скачками. Сокращенный, «испорченный» вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается и в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок [ЧГИ 151: 22; 160: 157; 167: 101]. Аналогичные обрядовые скачки в память умершего устраивали и в Грузии [Волкова, Джавахишвили 1982: 141, 142, 144].

Фольклор. Широко распространены легенды о происхождении деревень. Так, сохранившаяся архивная запись от 1905 г. была выполнена крестьянином д. Большие Крышки Чебоксарского уезда Казанской губернии Федором Алексеевым. В ней рассказывается об образовании некоторых населенных пунктов Чебоксарского и Цивильского районов. В центре событий три брата — Пичурин, Айтарин и Чинкей. В основе сюжета — следование за быком в поисках лучших земель, обильных родниками, лесами, лугами и пригодными для земледелия полями [ЧГИ 154: 172–177]. А жители г. Чебоксары о происхождении своего города еще в XVIII в. объясняли, что на месте их города в старину была деревня, в которой между прочими жителями был один крестьянин именем Чебоксар, человек честного жития и изрядного рассуждения, а поселяне его име-

ли к нему почтение и любовь, и в прославление его имени называли свою деревню и протекающую сквозь оную речку Чебошками или — по-нынешнему — Чебоксарами [Миллер 2012: 592].

Выводы. Как видим, в трудах Г. Ф. Миллера находим ценные сведения по широкому кругу вопросов, относящиеся к истории чувашей — этнонимике, географии, антропологии, верованиям, языку, этнографии и фольклору. Ценно то, что все зафиксированные им наблюдения, факты и обобщения со временем не теряют своей научной ценности. Они имеют фундаментальное значение для установления достоверной картины историко-этнографической действительности чувашского народа не только по состоянию на вторую половину XVIII в., но и в целом.

И. Г. ГМЕЛИН В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) родился и умер в Германии. Известен как врач, ботаник, этнограф. В России находился с 1727 по 1747 г.

Анализ трудов И. Г. Гмелина содержится в статье А. Н. Пыпина о национальном вопросе в России XVIII в. Он также защищал путешественника от надуманных обвинений в необъективности [Пыпин 1884: 228–229, 254–255]. Обширные комментарии по теме имеются у К. В. Харламповича [Харлампович 1904]. Л. П. Белковец посвятила жизни и творчеству И. Г. Гмелина специальную брошюру [Белковец 1990]. В частности, она указала, что часть личного архива немецкого исследователя (письма, документы и лекции тюбингенского периода) хранится в Марбурге в собрании Людвиг Дармштедтера. В этом же собрании имеются бумаги личного характера.

В статье ставится цель провести системное исследование Казанского периода Второй Камчатской экспедиции, в которой принимал активное участие И. Г. Гмелин. Хронологически он охватывает октябрь — декабрь 1733 г. Некоторые аспекты, имеющие место в работах И. Г. Гмелина, тем не менее, не отражены в статье. Причина — в излишней краткости информации у Гмелина. Например, в статье мы не будем уделять внимание татарским 18-струнным гуслям.

Следует подчеркнуть, что литература о И. Г. Гмелине на русском языке составляет весьма короткий список. Объясняется это тем, что основной труд «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», изданный в Геттингене в 1751–1752 гг., до сих пор не переведен на русский язык. Имеется репринтное издание на немецком языке, осуществленное в 2009 г.

Подготовка к экспедиции. Инструкция для экспедиции была составлена Делилем, Бернулли, Миллером и Гмелином, а обсуждена на академическом собрании. Члены отряда прошли подготов-

ку по определению координат, проведению метеорологических и астрономических наблюдений.

Кроме И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, в Академическую экспедицию 1733–1743 гг. вошли профессор астрономии Делиль де ла Кроер, живописец И. Х. Беркан, рисовальщик И. В. Люрсениус, переводчик Илья Яхонтов, геодезисты А. Д. Красильников, Н. Чекин, Александр Иванов и М. И. Ушаков, студенты С. П. Крашенинников, Ф. А. Попов, Василий Третьяков, Лука Иванов, А. П. Горланов. Отряду был дан конвой из 12 солдат с капралом и барабанщиком [Белковец 1990: 20]. Каждому ученому было определено двойное жалование и по десять лошадей.

Профессора И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер выехали из Петербурга в Сибирь 8 августа 1733 г.

Въезд в Казанский край. От Твери до Казани путешественники ехали по Волге. Все замеченные и представляющие научную ценность детали записывали в дневник. В Казанской губернии в общей сложности они провели два месяца — с середины октября до середины декабря. Такая задержка по пути в Сибирь произошла по причине бездорожья и ожидания санного пути. Кроме того, И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер пересаживались на шлюпку и выходили на берег с целью изучения местных народов. Например, в пределах Чувашии обследовали Ильинскую пустынь. Пережив много приключений из-за потери из вида судна, И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер 18 октября доплыли до Казани. Затем уже в Елабужском уезде Вятской губернии встречались с вотяками [СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 104. Д. 1; Материалы 1890: 282; Харлампович 1904: 1–22].

Численность населения. В Чебоксарах Гмелин и Миллер встречались с местным воеводой. Из расспроса выяснилось, что чувашаи — многочисленная нация. Например, в окрестностях Чебоксар их около 18000 душ, в окрестностях Козьмодемьянска (Kusmademjansk) — более 10000, в окрестностях Сирилгорода (Sirilsgorod), т. е. Цивильска, — более 12000, в окрестностях Свияжска (Swyaschk) — более 60000, а в окрестностях Кокшайска (Kokschaïsk) — более 400 [Gmelin 1751: 48]. Для сравнения: по данным I ревизии 1723 г. в Чебоксарском уезде чувашей насчитывалась 17551 душа мужского пола. Все они были ясачными, а к этому времени стали государственными крестьянами [Димитриев, Селиванова 2011: 33].

Антропология. У большинства вотяков и вотячек, как отмечал И. Г. Гмелин, цвет волос рыжий.

Семья. В Чебоксарах И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер остановились у одного портного. Кроме главы дома, семья состояла из его жены, матери и дочери [Gmelin 1751: 48]. Будучи в татарских селениях, профессор узнал, что количество жен зависит от возможности их содержать. Например, в одной деревне глава дома имел четырех жен.

Обряды и верования. «Моей приятной обязанностью, для исполнения которой во время нашей задержки в Казани мне представилась самая удобная возможность, было обстоятельно познакомиться с нерусскими народностями, проживающими в Казанской губернии — черемисами, чувашами, вотяками, частично и с мордвинами, — с их образом жизни, религией, обычаями и нравами», — писал И. Г. Гмелин [Материалы 1890: 285].

Он также заметил, что у вотяков почти нет религии. У него сложилось впечатление, что вотяки не имеют и праздников. Один из информантов ответил, что у них праздник тогда, когда есть пиво и водка.

Учук. На полпути между Чебоксарами и Козьмодемьянском, в Ильинской пустыньке, (Piinscaja Pustinka) путешественники прошли по суше вглубь на 5 верст и на горе увидели огонь. Два сопровождавших солдата из крещеных чувашей сказали, что на этом месте чувашаи проводят свои моления. Святилище располагалось в труднодоступном месте: к нему надо было взбираться через лесной массив по крутому склону горы. Достигнув места, путешественники увидели двух чувашей и привязанную к дереву лошадь, которую использовали для поездки на мольбище. Молеельщики забили барана и варили в котле потроха и желудок, начиненные жиром, кровью и крупой. На восточной стороне от котла имелась площадка, огороженная со всех сторон жердями. Здесь также были люди, которые совершали моление [Gmelin 1751: 44–46]. Несомненно, речь идет об общесельском молении *Учук*. Совершив моление, собравшиеся съедали в честь божества жертвенное мясо, сколько могли. Затем клали в расщелину дерева денег. Шкуру жертвенного животного раньше вешали на жерди на мольбище, а теперь эти шкуры они продают. Сам факт продажи шкуры жертвенных животных, по мнению К. В. Харламповича, говорит о том, что этот обряд угасает [Харлампович 1904: 23].

Этот массовый праздник, писал И. Г. Гмелин, каждый раз назначается знахарем на его усмотрение [Gmelin 1751: 52]. Иначе говоря, за регулярностью проведения следит деревенский знахарь.

Свадьба. Из записей профессора И. Г. Гмелина видно, что чувашки отдавали дочь замуж за калым. В доме, где он остановился, была дочь хозяина, калым за которую составлял 18 рублей. Она по какой-то причине ушла от мужа и вернулась в отчий дом, но отец отвел ее назад к мужу.

Божества. Чувашки почитают божество *Tora (Tora)*. Солнце также считают священным и молятся ему. Кроме этих божеств, они знают множество других. А вотяки верят в божество, которого называют *Iutar* и который, по их мнению, живет на солнце. Но вотяки не оказывают ему особого почтения [Gmelin 1751: 46; Харлампович 1904: 19]. Объясняется такое пассивное к нему отношение тем, что почти все его функции выполняли другие окружающие божества.

Киремет. Источники сохранили нам и конкретное местоположение святилищ. Например, *Киремет* д. Старые Щелканы Цивильского уезда представлял собой возвышенное место среди лугов на берегу р. Унги. В отдельных местах полагали, что *Киремет* живет на кургане, образованном от земли, которую вытряхнул из лаптей мифический исполин *Улӑн*. Если жертвенным животным является баран, то с ним отправляются на место, закалывают, варят внутренности и желудок с кровью, крупой и жиром и едят, сколько могут. Затем совершают богослужение, кладут деньги, каждый по мере возможности, в щель выдолбленного дерева внутри загороженного места. Остатки сваренного жертвенного мяса берут домой, где доедают вместе с другими членами семьи. Могут пригласить и родственников [Gmelin 1751: 45; Милькович 1906а: 62; ЧГИ 160: 232].

Недалеко от Сарапула путешественники видели черемисское святилище *Керемет*, огороженное забором священное место, где черемисы приносили свои жертвы. Гмелин пишет о нем, что в противоположность другим инородческим *кереметям*, расположенным в лесах, эта было на открытом поле. Недалеко от Сарапула путешественники видели вотяцкую *Керемет*, и опять таки в открытом поле. Чем объясняется такой выбор места, вотяки не могли сказать [Харлампович 1904: 17, 21].

Пятница по-чувашски *эрне*. От двух позванных с рынка чувашей ученые узнали, что они не работают по пятницам. Но, несмотря на это, пятница не считается особенно святым днем [Gmelin 1751: 52].

Знахарь — *юмӑс*. Источники говорят как о стариках-знахарях, так и о старухах-знахарках. Например, И. Г. Гмелин свидетельствует: «По всем описаниям, какие нам сделаны относительно этих *Jumasse*, они являются жрецами (*Priestev*), каким достоинством у них облакаются лица обоего пола» [Gmelin 1751: 46]. Все, что они скажут, люди принимают на веру. Это потому, пишет И. Г. Гмелин, что они не знают Священное Писание. Власть и авторитет знахарей среди чувашей велики. При всякой болезни они идут к знахарям, при этом оплачивают их труд. Знахари есть в каждой деревне, но И. Г. Гмелин не смог назвать точное количество. Знахари называют вид жертвы, а люди доставляют животное (например, барана) на святилище [Gmelin 1751: 45].

Обращение к ним и приглашение их по определенному поводу — дело обычное. Что бы ни случилось, чуваша обращались к знахарям. В числе наиболее частых причин — болезни и несчастья. Например, обращались при кашле, головной боли, болезни скота и т. д. Обязательное обращение к знахарю — по поводу болезни после безрезультатного жертвоприношения. При необходимости знахаря приглашают домой. Как показывают источники, чаще всего приглашали для очищения прясел и хлебов от порчи. Видимо, эта территория являлась наиболее уязвимой. Чтобы наладилось скотоводство, следует очистить все те места, где обычно бывает скот. Приглашают знахарку и для облегчения родов, на сорок дней со дня кончины члена семьи, для определения и устранения причины частых смертей в доме [Gmelin 1751: 46; РНБ. Q.IV. 379: 19 об.; Поле 88: 12].

Если есть необходимость жертвоприношения, то тут перед знахарем и страдающим возникает ряд задач. Прежде всего, *юмӑс* объясняет, что такому-то духу надо принести живность — пернатую или копытную. Может быть, достаточно подарить кашу или пресную лепешку *юсман*. Иногда называет более конкретный дар: бычок, барашек. Если клиент принес муку и масло, *юмӑс* печет из них жертвенную лепешку. Приведенную живность он закалывает, разводит огонь и варит. Очищенную молитвой еду делит на части:

долю божества кладет на древесные сучья, долю людей — в миски, часть берет себе. В зависимости от типа обряда пищу растительно-го происхождения может скормить курам. Если жертвенным даром является кукла, то ее *юмӑс* относит на жертвенное место [Gmelin 1751: 46; Лепехин 1771: 164; Поле 88: 12].

И. Г. Гмелин замечает, что у черемисов выше *мушана* (*Muschan* или *Muschangetsch*) *югтюча* (*Jügtüsçh*), обязанность которого — назначать жертвы, устанавливать священнодействия, совершать при свадьбах некоторые моления и благословение дому, а также угощать гостей пивом и медом. Путешественникам не удалось познакомиться с черемисским *мушаном*: того, которого они хотели видеть, не оказалось в это время деревне. Вотяки при необходимости обращаются к человеку, называемому *дона* (у Миллера *тона* или *туно*), имеющемуся в каждой деревне. Ему сообщают о своей нужде, и у него просят совета [Харлампович 1904: 19, 22].

Пища. Наиболее широко применяемым полуфабрикатом у чувашей в первой половине XVIII в. являлась крупа [Gmelin 1751: 45; Поле 89: 57; Автор: 81]. Путешественников угощали яйцом и молоком. И. Г. Гмелин также писал: «У нас было с собой холодное жаркое из Чебоксар, которое мы с удовольствием отведали» [Gmelin 1751: 56]. Должно быть, под этим блюдом имеется в виду *шӑрттан* — рубец, начиненный мясом и зажаренный. Чуваши пользовались деревянными ложками и деревянными тарелками [Gmelin 1751: 48].

Также профессор И. Г. Гмелин добавлял, что этот народ не употребляет водку. Причину он объяснял бережливостью. На самом деле, в эти годы еще не было такой традиции, обходились пивом.

Татары же угощали путешественников гусятиной, хлебом, медом, орехами и пивом. Вотяки охотились на медведей, лисиц, волков, кабанов и белок. При этом они пользовались луком, лишь некоторые — ружьями. Пищей здешним народам также служило лошадиное и коровье мясо. Вотяки и черемисы, хотя и редко держали свиней, не гнушались свинины [Харлампович 1904: 16, 21, 25].

Одежда. В нарядах местного населения Казанской губернии профессор И. Г. Гмелин обратил внимание на головные уборы женщин. Он писал о монетах и кораллах, украшавших уборы татарок. В наряде казанских женщин и мужчин он заметил сходство с русскими. С черемисами Гмелин и Миллер познакомились по пути

из Казани в одной деревне. Они описывают головные уборы девушек и молодых женщин с монетами и бляшками, с кораллами и бусами разных цветов. У одной 15-летней девушки вся грудь была покрыта коралловым панцирем. Эту девушку ее отец предлагал отдать в жены за 10 рублей калыма, но никто не давал больше 5 рублей. Поэтому он решил оставить дочь у себя до лучших времен. Особенностью черемисского костюма было ношение некоторыми женщинами внизу, на ногах, маленьких бубенчиков. Обычным головным убором вотячек, без которого они не появлялись, даже будучи разбужены ночью, являлся особого рода чепчик [Харлампович 1904: 16–18]. Возможно, имеется в виду *айшон*.

Дом. Остановившимся в доме у одного портного в Чебоксарах профессорам запомнилась постель, на которой они ночевали. «Отужинали мы по-чебоксарски и легли спать. Дерево, на котором лежали прошлой ночью, уже казалось нам гораздо мягче. Мы хорошо спали» [Gmelin 1751: 48–51].

В татарской деревне путешественникам запомнились избы, которые топились по-черному. В каждой комнате имелось два очага, один для приготовления пищи, другой — для отопления, как пишет И. Г. Гмелин. Их покои выглядели очень чисто. У них не было ни кроватей, ни подушек, вместо этого — широкие скамьи (нары) и ковры. Стеклами служила внешняя плева желудка теленка. Из-за того что дом освещался лучиной, в избах было дымно [Харлампович 1904: 16, 25].

В обрядовых целях чувашаи пользовались теми же котлами, которые имелись в доме. Наиболее часто используемый — пивной котел. По-другому его еще называли «большой котел». По емкости котлы бывали разные: вместимостью от 5 до 20 ведер. Как известно, раньше пиво варили в котлах у оврагов. Содержимое процеживали в большие корыта. Поскольку в этих же котлах по праздникам варили мясо, их именовали и «котлами для бараньего мяса». Со всем маленькие котлы также использовались в обрядах. Например, в них несли горячие угли в ритуале огораживания деревни от мора [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 54; Gmelin 1751: 46; Поле 94: 261].

Информанты. Едва вступив в пределы Казанской губернии, Гмелин с Миллером взяли с собой слуг и четырех конвойных солдат, двое из которых оказались чувашами. Путешественники все время держали в уме, что информанты — важный пункт в любой

экспедиции. Но, видимо, им не всегда везло. Причиной тому был не только языковой барьер, но и нежелание населения рассказывать о своем традиционном образе жизни.

«После того как мы все подготовили, мы велели доставить нам на квартиру с рынка пару чувашей, чтобы узнать от них еще что-нибудь, и тем самым разогнать наше уныние. Мы расспросили их о многих вещах, но по вине плохого толмача, который был из наших солдат, мы мало нового получили из их ответов, и поскольку они совсем мало понимали по-русски, то мы не могли сами их опросить на этом языке» [Gmelin 1751: 52]. Видимо, эти солдаты-чуваша старались больше скрыть информации о традициях своего народа, чем рассказывать. Об этом в книге И. Г. Гмелина также сказано прямо [Gmelin 1751: 47]. О необходимости отыскать по одному или два старых и толковых здешних татар, черемисов, чувашей и мордвин с целью расспроса об их верованиях, обычаях и промыслах профессора писали и в своих докладных записках в губернскую канцелярию [Материалы 1886: 403–404].

В Казани Гмелин наблюдал за новобранцами-вотяками, принимающими присягу. Текст присяги, произнесенный по-русски, сотник истолковывал на вотяцком языке. В Сарапульском уезде путешественники также общались с вотяками. На множество вопросов те отвечали, что не понимают, что им говорят. Елабужские вотяки оказались более общительными. Вероятно, сказалось соседство с татарами. Исследователь также отметил, что поговорить с вотяцкими девушками и замужними женщинами не удалось, т. к. они очень боязливы [Харлампович 1904: 18, 21].

Толмачи. Как только члены экспедиции оказались в пределах многонациональной Казанской губернии, сразу же возникла проблема с переводчиками. Например, из-за плохой погоды и ожидания судна им пришлось задержаться в Чебоксарах больше, чем планировалось. Но и имея время, они смогли извлечь из этого мало пользы. Сопровождавшие экспедицию два солдата-чуваша то ли плохо понимали по-русски, то ли не хотели рассказывать обо всех нюансах сакральной жизни своего народа. Поэтому профессорам ничего не оставалось, как довольствоваться с имеющимися реалиями. По этой причине ученые писали о своих проблемах в губернскую канцелярию. Как они отмечали в своих рапортах от 7 и 20 ноября, имея искусных толмачей, можно было бы

свободно ездить по окрестным деревням. Однако толмачи татарского, чувашского и вотского языков были присланы с большим опозданием [Gmelin 1751: 52; Материалы 1886: 404–406].

Толмачи нужны были для общения с местным населением не только путешественникам. Так, в Казани И. Г. Гмелину пришлось присутствовать при присяге новобранцев-татар. Читал ее чиновник (*Schreiber*) по-русски, вслед мулла переводил на татарский язык. При этом новобранцы стояли на коленях, затем они целовали Коран, который мулла держал на руках [Харлампович 1904: 15].

При экспедиции имелся свой переводчик — студент Илья Яхонтов. Но, видимо, он не справлялся с обязанностями переводчика с языков народностей, проживающих в Казанской губернии. Возможно, он владел языками некоторых народов Сибири. Еще в Академии он получал за свою работу 72 рубля. Как бы то ни было, члены экспедиции Людовик Делиль, Герхард Миллер и Иоган Гмелин 8 декабря 1733 г. ходатайствовали перед Академией об увеличении жалованья Илье Яхонтову до 200 рублей. При этом они свидетельствовали, что он все свои обязанности выполняет прилежно [Материалы 1886: 398].

В Зилантовском монастыре. 7 ноября 1733 г. участники Камчатской экспедиции подали в Казанскую губернскую канцелярию промеморию о продолжении метеорологических обсерваций. В помощь они пригласили учителя Зилантовского монастыря Василия Григорьева (Василия Пуцека-Григоровича), обучавшего здесь чувашских, черемисских, мордовских, калмыцких и татарских мальчиков. Тот охотно пообещал принять на себя этот труд. Притом Василию Григорьеву надобно было подавать рапорты о проделанной работе. Полученные от него данные следовало переправить в Сенат. Тем не менее по прошествии двух недель от него ничего не поступало. 24 ноября стало известно, что Василий Григорьев заниматься взятыми перед петербургскими учеными обязательствами не будет, ибо он на то от своего архиерея указа не имеет. В Зилантовском монастыре ученые также встретились и беседовали на философские темы с архимандритом Епифанием Адамацким. Вместо Василия Григорьева в помощь был приглашен учитель городской школы Семен Куницын, который явился к профессорам 27 ноября. Он получил для метеорологических наблюдений один термометр, анемоскопиум для определения ветра и компас с инструкцией [Материалы 1886: 405, 406; Харлампович 1904: 10].

Христианизация. Члены экспедиции интересовались вопросами христианизации местного населения. Чиновники ответили, что во всех городах губернии открыты школы для юных чувашей. В них стараются преподнести основы христианского учения. Выпускники этих школ должны будут впредь обратить свою нацию в православную веру. Однако дело далеко не продвинулось. Основная причина — отсутствие усердных людей, владеющих искусством обхождения с молодыми чувашами. Хотя многие чувашаи формально крещены, христианская религия не может особо похвастаться, поскольку неопиты приняли новую религию с целью избежать наказания и получения выгоды для новообращенных [Gmelin 1751: 49–50].

Наблюдения И. Г. Гмелина дополняются комментариями К. В. Харламповича. Миссионерские школы были спроектированы в 1732 г. казанским архиепископом Илларионом. Их должно было быть четыре: в Казани, Цивильске, Царевококшайске и в Елабуге. Проект был осуществлен нескоро, к тому же вместо Цивильска миссионерскую школу открыли в Свияжске [Харлампович 1904: 13].

Вообще, недостаточное освещение раннего этапа христианизации чувашей является серьезным упущением в науке и делает тему актуальной. Православие как одно из направлений христианства среди чувашей ассоциировалось с русским народом. Приобщение к русской культуре и миссионерская деятельность среди чувашей проводились под эгидой православия. Середину XVIII в. можно считать началом повального крещения чувашей. Но вначале крещение носило формальный характер, наблюдалась явная погоня за процентами. Так, чувашей Батыревской волости Буинского уезда крестили в р. Буле толпами. Однако неопиты продолжали придерживаться своих старых традиций. Многие из них выбрасывали подаренные им кресты и уходили на новые земли. Например, из Синбирской и Казанской губерний — в Самарскую. До сих пор бытуют предания об образовании там деревень. Чувашаи и другие народы Среднего Поволжья православными стали (а заодно ассимилировались с русскими) не сразу, а поэтапно. Этот процесс имеет историю. А она весьма сложная, с перипетиями [Werth 2014].

Естественнонаучные исследования. Используя барометры и термометры, профессора И. Г. Гмелин и Делиль де ла Кроер проводили метеорологические обсервации на Волге. Свои измерения

они фиксировали по несколько раз в день. В целях уточнения ланд-карты примечали течение Волги. На основе полученных результатов ученые составляли рапорт и отправляли в Кунсткамеру. Доктор Гмелин также исследовал склонение и силу магнита на местах, изобретал инструменты, способствующие качеству метеорологических исследований. Для сечения и обсервации ученые раздобыли разные виды представителей фауны: выхухолей, белуг, осетров и белую рыбу [Материалы 1886: 400, 404, 408]. К примеру, в рапорте читаем: «Принесены были к нам от здешних рыбаков ноября 28 дня осетр да белуга и 3 выхухоля, из которых мы сих выхухолей купили, и профессор Гмелин над ними анатомию учинил; которые описания находятся при его обсервациях» [Материалы 1886: 407]. Свои описания вместе с рисунками он прилагал к рапортам. Кроме того, доктор Гмелин побывал в монастырской часовне у архиепископа Трифона и обследовал «давно выкопанные кости особливой величины». Он определил их как кости от щеки и бедра слона [Материалы 1886: 401].

Поступление экспонатов в Академию. За все время десятилетней экспедиции И. Г. Гмелин и его коллеги отправляли в Кунсткамеру, Академию и Сенат рапорты и экспонаты. Например, имеется рапорт Высокоправительствующему Сенату от отправленных в Камчатскую экспедицию профессоров от 8 декабря 1733 г. 7 января 1734 г. получены от доктора Гмелина на имя президента Академии письмо, пакет и ящик, отправленные из Казани 15 ноября 1733 г. При распечатывании выяснилось, что присланы фигурные камни, собранные на берегу Волги. Решено было материалы сначала представить в Конференцию Академии, а затем передать на хранение в Куншт-камору [Материалы 1886: 398, 431].

В марте 1744 г. в Академию наук от Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина поступили реестры рисунков и вещей [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121: 130–142 об., 162–173; Д. 168: 54–73].

18 июля 1745 г. профессора И. Г. Гмелин, Иосия Вейтбрехт, Г. Ф. Миллер, П.-Л. Леруа, Г. В. Рихман и И. Г. Сигизбек обратились к кабинет-секретарю И. А. Черкасову с жалобой на И. Д. Шумахера, где, в частности, отмечали, что в альбоме «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» ничего не сказано о коллекции, собранной для музея в ходе Второй Камчатской экспедиции [Хартанович, Хартанович 2014: 173].

А 7 августа 1746 г. конференц-секретарь Академии наук Николай фон Винсгейм подает президенту АН К. Г. Разумовскому рапорт о том, что «к принятию в архиву подаваемых от профессоров Гмелина и Миллера дел и описаний сибирского их путешествия, за множеством оных, в наличных в архиве шкафах места не достает» [Материалы 1895: 214]. Поэтому он просит изготовить новые шкафы, особенно для бумажных папок. Все поступившие материалы он обещает держать «за академическою печатью». В этот же день И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер представили реестр всех рапортов, донесений и описаний вещей, отправленных из экспедиции в Правительствующий Сенат и в Академию, а также список того, что еще при них имеется [Материалы 1895: 194–212].

Из сохранившихся архивных источников также известно, что из Камчатской экспедиции в Петербург были отправлены «восемь рисунков черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платья» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121: 131 об.]. Однако судьба этих рисунков до сих пор неизвестна. С большой долей вероятности можно утверждать, что и сами образцы одежд из этой экспедиции дошли до Кунсткамеры.

Выводы. Как видим, работа Камчатской экспедиции в пределах Казанской губернии оказалась напряженной и результативной. И. Г. Гмелину при участии Г. Ф. Миллера и других членов экспедиции удалось внести значительный вклад в изучение края. Это уточнение численности населения, состава семьи, изучение традиционных обрядов и верований, пищи и одежды местных народов. Также были изучены язык, верования, проведены метеорологические наблюдения. В Кунсткамеру и Академию отправлены рапорты о полученных результатах, ящики с образцами флоры, фауны и экспонатами этнографического плана.

С 14 по 17 октября 1733 г. члены Камчатской экспедиции И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер побывали на землях, населенных чувашами. Это были деревни, расположенные вдоль правого берега Волги. Передвигались исследователи по воде, а ночевали, питались и отдыхали в прибрежных деревнях. На этом отрезке пути их сопровождали толмач, двое слуг и четыре солдата. По сути, они побывали среди чувашей всего трое суток. Однако записи, оставленные ими, служат незаменимым источником, так как они являются первыми по времени фиксации.

ТОБИАС КЁНИГФЕЛЬС И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШЕЙ

Глава состоит из двух частей. Первая — полностью биографическая, вторая — предметная. В ней рассмотрены некоторые объекты, предметы и явления, зафиксированные Тобиасом Кёнигфельсом среди чувашей в 1740 г. Маршрут на место следования проходил туда и обратно через Чувашию и Чебоксары. Для полноты понимания анализ изложенных тем дополнен более поздними источниками и взглядами других исследователей.

В 1732 г. в Сенат из Академии наук поступила инструкция, составленная профессорами И.Г. Гмелиным, Г.Ф. Миллером, Ж.-Н. Делилем и Даниилом Бернулли о проведении во время Второй Камчатской экспедиции астрономических, географических и физических наблюдений. Инструкция включала также пункты, касающиеся истории и этнографии народов, проживавших на местах работы экспедиции, зарисовок и сбора предметов по истории. Французу Жозефу-Никола Делилю было поручено вести астрономические наблюдения и картографические работы. В его отряде был Тобиас Кёнигфельс [Кирющенко, Кротов 2008].

Родители Тобиаса были немцы из Нарвы. В 1708 г. почти все население Нарвы, а также немцы Дерпта в ожидании нашествия шведской армии были высланы в Вологду, Великий Новгород, Великий Устюг, Воронеж, Казань, Астрахань, Москву и города Сибири. Родители Тобиаса Кёнигфельса оказались в Вологде, где в 1716 г. родился Тобиас. О дате рождения Тобиаса можно узнать из справки Академии наук: «Студент Кенигфелс родился в 1716 году на Вологде» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 271]. Поскольку Кёнигфельсы были из Нарвы, Тобиас причислял себя к «лифляндской нации». Затем Кёнигфельсы переехали в Санкт-Петербург, где на Васильевском острове жила семья аукциониста Кёнигфельса.

В источниках и публикациях зафиксированы следующие варианты написания имени и фамилии изучаемой персоны: T. Königsfels, Königsfeld [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 13: 8 об.], Königsfels [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 157: 3], Tobias Königsfels [СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 81: 2], Т. Кенигфельт [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 61: 189], Кенихсфелт, Кенигсфельс, Кенигсфельд, Кенигсфелс, Кенигсфелд [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 243, 245, 248], Кенигфелс [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 109: 336], Тобиас Кёнигсфелд [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 13: 8], студент Кениксфелт, Кенигсфельт, Кениксфельс, Кенихсфелт [Сухомлинов 1889: 5, 69, 126], 1776 г.: Тимофей Кенигсфелд [СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-К. Д. 14: 8]. Приняв за основу автографы в оригинале (как на немецком, так и на русском языках), в начертании предлагается использовать форму Тобиас Кёнигфельс. К тому же сам он подписывался как *T. Königsfels* [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50: 36 об.]. Однако в первой публикации его дневника в 1779 г. (видимо, публикация прижизненная) на французском языке имя автора значится как *Kænisgsfeld* [Kænisgsfeld 1779: 500–544].

Некоторое время он получал образование в городе Галле в Саксонии по специальности «медицина». В 1736 г. подает прошение в Академию наук, которое было удовлетворено, его зачислили студентом астрономии и географии Географического департамента Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Как известно, тогда в составе Географического департамента действовал университет. Принимал его на работу главный командир Академии наук, действительный камергер, барон И.А. фон Корф.

Жил Тобиас в наемной квартире. Так, сохранился автограф самого студента с просьбой оказать материальную помощь. В обращении к Академии наук от 3 октября он, в частности, писал: «В прошлых 1737 и 1738 годех производилось мне нижайшему квартирных днг по два рубли на месяц, также дрова и свечи. А ныне я нижайший со октября мца 1738 года как на наем квартиры днг, также дров и свеч ничего не получал» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. I. Д. 61: 189–190].

В экспедиции в Берёзов Кёнигфельс должен был заниматься топографическим и историческим описанием обследуемых мест. Отряд выехал из Петербурга 28 февраля на восьми кибитках. 12 марта они прибыли в Царево-Санчурск [Берх 1823: 1–2].

В деле, зарегистрированном под № 993, имеется подпись И. Д. Шумахера с резолюцией: «Произвести с 1 января 1741 г.». И после экспедиции, по данным на январь 1742 г., Тобиас числился в штате Императорской академии наук по-прежнему в качестве студента с годовым окладом 200 рублей. В университете он продолжил обучение, расчерчивал географические карты под руководством профессора Ж.-Н. Делиля. Например, на основе астрономических исследований он изготовил серию карт, которые вошли в «Атлас Российский», изданный в 1745 г. [Кирющенко, Кротов 2008: 33]. Тобиас Кёнигфельс учился и работал в обсерватории Кунсткамеры с 1736 по 1742 г. При этом он показал себя как хороший наблюдатель и помощник Делиля.

В 1742 г. Тобиас Кёнигфельс оказался жертвой интриги. Краткая история такова. Вернувшись из Сибири, он получил приказ сочинить карту этого региона [РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 279 об.]. За это поручение Тобиас взялся охотно. Но вскоре глава Канцелярии Академии наук Иоганн Шумахер вокруг этой карты сумел раскрутить интригу. Мишенью было ослабление позиций Ж.-Н. Делиля в Академии наук. Действовал Шумахер через способного ученика Делиля, Кёнигфельса. Таким образом, ставилась цель вытеснения Делиля из России [Козлов и др. 2009: 22]. 12 марта 1741 г. Тобиас письменно обратился к Шумахеру отпустить его на 12 дней в Нарву. Шумахер на это ответил, что Кёнигфельс обязан сначала закончить работу над «Атласом российским». Однако было известно, что эту работу даже при усердии не закончить за полгода. К тому же Шумахер составил для Кёнигфельса режим работы с 7 до 12 и с 15 до 20 часов. 5 мая Шумахер приказал держать Тобиаса Кёнигфельса под караулом, пока не закончит работу набею. Читаем распоряжение И. Д. Шумахера от 4 мая 1742 г.: «...в географический департамент по утрам приходил в семь, а выходил после двенадцати часов пополудни бы приходил в начале третьего, а выходил в восьмом часу, работу сдать» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 243]. Было решено «Кенигсфельда держать под караулом и не выпускать по то время, покамест он данной ему работы набею не оправит» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 245]. А на его квартире устроили обыск с целью поиска «припрятанных» карт [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66: 275]. Помогло лишь вмешательство адмирала Адмиралтейской коллегии Н. Ф. Головина. Таким образом, Тобиас три

недели находился под арестом по прихоти Шумахера. 17 июня 1742 г. Тобиас Кёнигфельс был уволен по собственному желанию в чине адъюнкта.

Позже увольнение Кёнигфельса Якоб Штелин назовет «чумой шумахерства». Аналогичным образом из Академии был выдвинут Леонард Эйлер бездарным и завистливым Шумахером. После увольнения Тобиас, как пишут Н. В. Кирющенко и П. А. Кротов, покинул Россию. Однако утверждение о том, что Тобиас Кёнигфельс навсегда покинул Россию, может не соответствовать действительности. Так, в Архиве Канцелярии Императорской академии наук от 27 августа 1747 г. имеется автограф Кёнигфельса. На то время он — секретарь переводчика его сиятельства сенатора и кавалера, графа Александра Ивановича Румянцева. Содержание его прошения связано с потребой напечатать тираж какой-то рукописи на академической писчей бумаге. В деле также имеется ответ о напечатании согласно заказу [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 109: 336–337]. Однако тот ли Кёнигфельс это — однозначно сказать невозможно. В архиве РАН сохранилось письмо асессора Кёнигфельса (Königsfels) к Г. Ф. Миллеру от 5 мая 1765 г. Судя по автографу, письмо было отправлено из Зальцбурга [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 157: 1–3].

Кроме того, в Архиве РАН имеются запрос Камер-конторы Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел о службе Кёнигфельса в Академии наук и черновик ответа Академии наук от 1776 г. Запрос был учинен в связи с челобитной «отставного коллежского асессора Тимофея Кёнигсфелда» [СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-К. Д. 14: 8]. На следующем листе — ответ из Академии наук, в котором, в частности, говорится, что «Кёнигсфельт в АН с 18 февраля 1736 по 1740 г. без жалованья на одних задельных деньгах за копировку географических ландкарт... В июле 1742 года от Академии по нежеланию его остаться более в службе академической уволен был, и пенсии ему от АН не производится». Из документов данного дела узнаем, что в России Тобиаса Кёнигфельса звали Тимофеем. Также по официальному документу (по ответу Академии наук на запрос из Лифляндии) уточняется время службы его в Кунсткамере — с 18 февраля 1736 г. по июль 1742 г.

Рукопись дневника на 341-й странице под названием «Путешествие Кёнигфельса и Делиля в Берёзов, 1740 (Voyage de Koenigsfels

et Delile à Bérésoff, 1740)» поступила в Российское географическое общество в дар от князя И. А. Долгорукого [Струве 1849: 50–67]. Весьма любопытно, что В. Я. Струве в своей статье перечисляет состав экспедиции в Берёзов, где под 3-м пунктом сказано: «Кенигсфельд, рисовальщик, помощник по части наблюдений и вычислений, также натуралист, этнолог и переводчик при преподавании» (С. 59). Нам следует обратить внимание на должность Кёнигфельса как этнолога. А это, во-первых, свидетельствует об использовании в первой половине XIX в. термина «этнолог». Во-вторых, это повод оценивать дневник Кёнигфельса как этнографический очерк.

На вопрос о наследниках Тобиаса Кёнигфельса пока нет однозначного ответа, видимо, дальнейшие изыскания дадут положительный ответ. Люди с аналогичной фамилией в Нарве и Санкт-Петербурге были. Например, Герман Кенигсфелс — ратсгер в магистрате г. Нарвы (адрес-календарь за 1765 г.), Андрей Андреевич Кенигсфельс — коллежский асессор в Санкт-Петербурге (1815 г.), Кенигсфельс — коллежский советник в Нарве (1822 г.). Много однофамильцев можно увидеть в делах фонда РГИА. Например, человек с такой фамилией по состоянию на 1814 г. жил в Курляндской губернии. Аренда феодальной мызы Паурен коллежскому советнику Кенигфельсу была разрешена в 1807 г. самим Александром I.

Впервые записки путешественника были опубликованы в 1779 г. в Амстердаме в сборнике «Histoire générale des Voyages» [Kænigsfeld 1779: 500–544]. Статья вызвала широкий резонанс в Европе. Пассаж о чувашах в переводе Г. М. Залкинда опубликован в 1960 г. в Чебоксарах [Димитриев 1960: 299–302].

«Эти наблюдения были во многих случаях неглубоки, скоропалительны, но они, несомненно, ценны тем, что сделаны пытливым очевидцем. Судя по всему, эти сведения — итог личных наблюдений автора дневника и в еще большей степени это результат его расспросов тех людей, с которыми он встречался в пути, в местах ночлега и т. п.» [Кирющенко, Кротов 2008: 46].

Имена. По пути из Чебоксар в Козьмодемьянск члены экспедиции остановились в одной деревне (*ял*) в поисках саней и на отдых. В частности, Тобиас Кёнигфельс в своем дневнике записал: «Мы остановились на несколько часов и приказали хозяйке-чувашке приготовить нам 2-х кур с капустой. Приятно было видеть, как ловка наша молодая хозяйка, и мы поболтали с ней при помощи наше-

го переводчика, прекрасно говорящего на их языке. Наш поручик сравнил ее с итальянкой: такие черные у нее были волосы, такая тонкая талия и такое прекрасное лицо. Она была невесткой старосты, звали ее Сверка, мужа звали Сардабей, у нее был сын по имени Чemenдей. Муж заплатил на нее 10 экю, я же сказал ему, что она стоит 20 или даже 30, при этом он смеялся, довольный» [Кенигфельс 2008: 318]. Зафиксированные искаженные имена чувашей в произношении, должно быть, имеют формы *Сверкка*, *Сертeneй*, *Чемeнтeй*.

Хушту — женское головное украшение. Остов данного убора делается из полотна кожи длиной в 5 четвертей, обшиваемого холстом. Сверху нашивают кумачовую материя. Форма остова дает повод образцам обрядовой поэзии сравнивать его с вьюшкой для навивки ниток, реже — с котлом.

Самое первое описание, и притом с натуры, было сделано Тобиасом Кёнигфельсом в Байгулово (ныне село в Козловском районе). Он зафиксировал буквально следующее: «На голове они носят чепец, расшитый копейками и покрытый вуалью, торчащей над головной кульком» [Кенигфельс 2008: 315].

Пояс (кушак) *пиçиххи*. *Пиçиххи* и другие производные образованы путем соединения двух слов: *пилёк* «пояс(ница)» и *çыххи* «завязка», «повязка».

Ритуальные тексты говорят о поясах тканых, ременных и шелковых. По виду отличали пояса на рубашку и пояса на верхнюю одежду. Праздничные и ритуальные, а также повседневные повязки, как правило, украшались: если тканые, то готовили из ниток разных цветов, нанося узоры; на обоих концах оставляли кисти. В песнях упоминаются пояса, обшитые позументом, что, конечно, является продуктом поэтизации.

Ритуальное опоясывание жениха поручается женщине из его родни. Молодому надевается новая рубашка или халат, опоясываемые разноцветным поясом. Иногда поверх еще завязывают платок, полученный от невесты во время сватовства. Пояс обязателен человеку и при укладывании в гроб. Но здесь чаще его завязывают на верхнюю одежду (например, на сукман). Не принято ходить без пояса и при ношении повседневной одежды. Иначе говоря, опоясывание означает собранность человека, его порядочность, в этикетном плане является нормой. В записи Тобиаса

Кёнигфельса о поясе, в частности, сказано: «Женщины подпоясываются тканым кушаком, оба конца которого заканчиваются кисточкой из разноцветного бисера; завязывается кушак на спине» [Кенигфельс 2008: 315].

Кёрчеме. «У них есть что-то вроде светлого пива, сваренного с медом, — они от него пьянеют» [Кенигфельс 2008: 316]. Такую запись оставил нам участник экспедиции Петербургской академии наук Тобиас Кёнигфельс, побывавший у чувашей в 1740 г. Речь идет о медовом чувашском напитке корчме — *кёрчеме*. Напиток был обязательным угощением на праздничных родовых сборах. В частности, его поэтическая характеристика содержится в речи старшего дружки — *саламалик*.

Киремет — содержательное и значимое божество в религиозно-обрядовой жизни чувашского народа. Ему посвящены многочисленные статьи исследователей.

У мольбища трое ворот, каждые в середине соответствующих стен. Одни ворота с востока, через которые вводят скот на жертву; другие — с севера, через них носят воду; третьи — с запада, здесь входят люди. Место обиталища *Киремета* выбиралось так, чтобы около северных ворот имелась вода (ключ или речка), необходимая для приготовления жертвенной еды. Около восточных ворот к северу находится место, где закалывают скот и птицу. Возле северной калитки имеется большой стол, на котором свежуют и очищают закланную жертву. Невдалеке в землю забиты кольца, на которые временно развешивают снятую со скота кожу. У западной калитки имеется поветь, т. е. крыша на столбах, под которой варится мясо жертвы, а рядом на большом столе размещаются принесенные из дома дары (в основном, лепешки). В середине *киреметища* построено крытое здание, у которого только три стены — западная, северная и южная. Здесь едят жертвенную пищу, стоя за длинными столами, накрытыми скатертями. В середине хижины водружен длинный шест, проходящий сквозь кровлю. На шесте закреплено снизу плоское, а сверху острое железное кольцо (конус?). Этот знак символизирует небесную сферу. На некоторых строениях такое кольцо отсутствует. Кроме всего, в *киреметище* находилось несколько деревьев (обычно дубы) с растянутыми на них шкурами жертвенного скота [Кенигфельс 2008: 316]. Должно быть, они были вдеты на шесты, а чучела располагались мордами вверх.

Как бы продолжая это впечатление, Х. А. Чеботарев писал: «Перед идолом приносят в жертву барана, которого кожу после тут же развешивают» [Чеботарёв 1776: 226]. Шире смотрел на *киреметице* Г. Ф. Миллер. Согласно его записи, снятую с жертвенного животного шкуру вешают на восточную от места моления сторону «на деревьях, а именно на дубу, или на березе, которые они паче прочих деревьев в чести имеют» [Миллер 1791: 56]. Если черемисы обычно вешали только лошадиные шкуры, то чувашки и вотяки вешали всякие кожи. «На тех местах, где близко русские или татары живут, вешать кожи весьма опасно бывает, ибо оные из киреметей часто крадут: чего ради чувашки прорезывают... во многих местах ножиком, чтобы тем на другое употребление оные сделать негодными» [Миллер 1791: 57]. Гунно-савиры также голову, шкуру и скелет лошади приносили в жертву деревьям.

Пятница — *эрне*. Слово восходит к персидскому этимону. Аналогично у других народов Поволжья и Приуралья финно-угорской и тюркской группы, входивших в состав Булгарского государства. Пятница стала праздничным днем под влиянием ислама. Слово сохранилось на эпитафии чувашки-мусульманки от 1262 г. У мишарей название дня бытует в форме *атна*, у удмуртов этот день значит «большая татарская неделя» [Владыкин 1994: 223]. Расширение семантики *эрне* — «день — неделя» — явление позднее. Поскольку этот день до христианизации был почитаем, его еще называли *мънарни* — «великий пятничный день». Затем конструкция была перенесена и на воскресенье: в моргаушском диалекте — *мънсарни кун* («великий воскресный день»). Следует заметить, что выражение «в пятницу вечером», в отличие от других вечеров, означает не вечер с пятницы на субботу, а с четверга на пятницу.

Пятница — день молений. В этот день все дела откладываются, и время проводят в праздности и отдыхе. Даже в страду, когда дорог каждый день, в пятницу отдыхали. Ныне традиция сохранилась у некрещеных. Нельзя топить печи, ездить в лес и в поле. Раньше накануне, в четверг вечером, мылись в бане, надевали белые рубашки и сидели у домов. В этом плане чувашки схожи с марийцами и татарами. Поэтому Тобиас Кёнигфельс в 1740 г. сделал такую запись: «Отдыхают они по пятницам, как и татары» [Кёнигфельс 2008: 316]. Как объясняют информанты, отдыхать велел сам *Турай*. По пятницам он оставляет свое жилище и отправляется

на землю узнать, не работают ли чуваши. В наказание Бог посылал непогоду. С введением христианства правила стали нарушаться, появились «пятничные старосты», назначаемые обществом из парней. Они были уполномочены проверять соблюдение религиозных установлений. Например, разгоняли в этот день с полей девушек, нанимающихся в страду жать хлеб. Конечно, в число запретов входило и прядение — один из основных видов рукоделия. Как свидетельствует сравнительный материал, аналогичное *Хёртсурту* таджикское божество *Деву Сафед* считалось покровительницей пряж, а пятница была ее днем, поэтому в этот день не прядут. Конечно, отдыхавшие в пятницу чувашаи воскресенье за праздник не считали.

Восток — *хёвел тухăç*. Ориентация на восток и культ этой части света особо проявляются в молениях. Практически любое моление подразумевает обращение к востоку. Во время сева крестьянин, дойдя до своего загона, останавливается, поворачивается на восток и произносит соответствующую молитву. В ритуале инициирования дождя молещик-старик берет под мышку шапку, становится лицом на восток и начинает молиться. Завершив жатву, каждый берет последний сноп и садится на него, смотря на восток. Сидя, они просят у земли-кормилицы силы. Интересующий нас источник, в частности, свидетельствует: «А когда они едят хлеб, то обращаются лицом к востоку и молятся, стоя и обнажив голову; затем откусывают кусочек хлеба и бросают его наземь в сторону востока, остальной же съедают» [Кенигфельс 2008: 316–317]. Перечень молений на восток бесконечен. Еще исследователи XVIII в. отмечали, что народы Поволжья (марийцы, мордва, удмурты, чувашаи) не обращают внимания на местонахождение солнца во время моления, а всегда становятся лицом на восток. К примеру: во время пашни всегда садятся по направлению сохи, в какую бы сторону она ни была направлена, однако молятся, обратившись на восток.

Уйран. «Их обычное питье называется *ороен* [во французском оригинале — *aureon*. — Прим. авт.], оно состоит из хорошо перемешанных воды и кислого молока, взятых в равных пропорциях» [Кенигфельс 2008: 316]. Как верно объясняется в литературе, *уйран* (в тюркских языках — *airan*, *ajran*) — это напиток, приготовленный из скисшего молока. В чувашских материалах часто встречается в обрядовых ситуациях. Так, в свадебной обрядности в бедных

семьях этот напиток вполне заменял пиво. Его не ценят потому, что он не калориен и приходится компенсировать это хлебом.

Выводы. Таким образом, Тобиас Кёнигфельс был сотрудником Академии с 18 февраля 1736 г. по 17 июня 1742 г. Зачислен он студентом астрономии и географии Географического департамента Санкт-Петербургской Императорской академии наук, а уволен в чине адъюнкта. В этнографическом плане его заслуги значимы в области изучения народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

ВКЛАД И. Г. ГЕОРГИ В ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШЕЙ

«Екатерина II силами приглашенных академиков-немцев проводила инвентаризацию имперских ресурсов, в том числе человеческих» [Головнёв 2016: 62]. В итоге в России появились фундаментальные труды по народоведению. Образцами являются труды Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и И. Г. Георги. Этот факт признают и зарубежные исследователи. В Европе аналогичный труд появляется лишь в середине XIX в. Это «Этнография Австрийской монархии» Карла Чернига.

Огромную роль в становлении этнографической науки сыграло собиране и описание коллекций Кунсткамеры [Чистов 2017: 142].

После долгой переписки в марте 1770 г. в Императорскую академию наук на должность адъюнкта по химии прибывает И. Г. Георги. Задача публикуемой статьи — попытка системного анализа трудов И. Г. Георги о чувашах.

Антропология. Иоганн Георги обратил внимание, что среди чувашей чаще встречаются люди с бледным цветом лица, а по телосложению они чрезвычайно похожи на черемисов [Георги 1799: 35]. Все эти наблюдения свойственны для верховых чувашей, проживающих в северной части современной Чувашской Республики. Собственно, путешественник не ездил вглубь Чувашии, тем более в южные районы, где он мог бы зафиксировать иные антропологические характеристики.

Хозяйственно-культурная деятельность. Вдаваясь в детали хозяйственно-культурного типа, автор «Описаний» говорит о кочевом образе жизни предков чувашей. Но теперь они «возлюбили все землепашество и постоянное на одном месте жительство». Живут в деревнях, которые «заводят в лесах» [Георги 1799: 35]. Пристрастны к звериной ловле, при этом раньше использовали лук и стрелы, а теперь — винтовки.

Поселения. Говоря о расположении деревень, Иоганн Георги опять отмечает их схожесть с черемисскими [Георги 1799: 35; 1996: 87]. Конечно, такое впечатление еще раз свидетельствует, что путешественник имеет в виду поселения, расположенные вдоль Волги в северной части Чувашии.

Жилища. Говоря о жилищах чувашей, И. Г. Георги ничего определенного не выделяет, а только замечает, что их жилища чрезвычайно похожи на черемисские. В домах вместо кроватей они, как и татары, используют широкие полаты. А те, кто посостоятельнее, имеют пуховые перины [Георги 1799: 35, 37]. По контексту можно предположить, что И. Г. Георги имел в виду широкие скамейки вдоль стены. Длинные массивные скамейки вдоль восточных стен бытовали в Чувашии до конца XX в.

Одежда. И. Г. Георги утверждал, что по состоянию на вторую половину XVIII в. чувашаи «удержали», т. е. сохранили свое традиционное одеяние [Георги 1799: 35].

В отличие от баб, писал Иоганн Готлиб, девки носят платье попроще. Пояс плотно прижимает их одеяние к телу. Этому способствуют и лопасти с бахромками на концах, прикрепленные на обоих боках к поясу. Эти лопасти путешественник назвал *sarr* (*Sarr*), т. е. *sarǎ* на современном литературном языке. Женская шапка *хушту* (*Chuschru*) вся унизана корольками и мелкими, наподобие чешуи расположенными, серебряными монетами. Под шапкой у них белая, вышитая по краям фата *сурпан* (*Surban*). Волосы заплетают в две косы и опускают под одежду. А про известное богатое девичье украшение *тевет* он писал так: «Еще перевешивают они иногда через левое плечо, подобно жалованной ленте, ремень, который бывает шириною в ладонь, и весь покрыт корольками, змеиными головками и подделанными червонцами» [Georgi 1776: 39]. Если муж недоволен женой (что встречается совсем редко), то он разрывает ее покрывало (т. е. *сурпан*), что означает развод [Георги 1799а: 41].

Мужскую одежду чувашей И. Г. Георги находит одинаковой с черемисской и русской [Георги 1799: 35–36].

Пища. Чувашаи не сильно разборчивы при выборе и подготовке пищи, дичь они считают хорошей едой. Садясь за стол, молятся: «*Турǎ (Thore), нар тырǎ*» («Господи, дай нам хлеба»). А после еды: «*Турǎ, сырлах*» («Господи, не оставь меня»). Чувашаи употребляют

тимёр пулă («железную рыбу»; *Clupea Alofa*), которую русские не едят. Едят ее и в вареном, и в сушеном виде. Гостей кормят обильно. По блюдам, которые они готовят, очень похожи на черемисов [Георги 1799: 35–37].

Обряды. По мнению И. Г. Георги, чувашаи сохранили свои старинные обычаи и обряды.

Когда в семье родится ребенок, то к ним приходят родственники. Тогда они пьют пиво, кладут в выпитые стаканы по несколько копеек. Данное пиршество называется «Положить ребенка в колыбель» [Георги 1799: 37].

На сватовстве отец девушки торгуется крепко. Цены за невесту простираются от 20 до 50 рублей. Но иным удается заплатить калым поменьше: от 5 до 10 рублей. А богатые дают за невесту и до 80 рублей. Приданое невесты состоит из дворового скота, домашней утвари и одежды. Цены за невесту и увозимое ею приданое обычно равны по стоимости. Калым дополнялся подарками от жениха. В первую очередь сюда входил мед, согласно свидетельствам XVIII в., в количестве от полпуда до свыше трех пудов. А также по ведру домашнего вина и пива, фунт чая и десять фунтов сахара. Конечно, и со стороны жениха должны быть подарки новым родственникам в виде рубах, платков или холстов [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 117 об.; Георги 1799: 37].

Своих покойников обеспечивают всем необходимым. На могиле зажигают восковые свечки, кладут блин и кусок вареной курицы и говорят: «Это тебе пригодится!»

Уходя, оставляют его одежду на могиле. Вернувшись в дом умершего, моют руки и лицо. Справляют третий и седьмой дни. В октябре месяце у могилы умершего в этом году родственника колют овцу, корову, бычка или лошадь. Варят там же и едят. На могилу ставят пиво в большой посудине. В четверг на Страстной неделе (*минкун*) каждый домохозяин поминает своих родственников, перешедших в мир иной. Тогда они готовят много еды и ставят дома свечи. Остатками пищи кормят своих собак, полагая, что вместе с ними питаются и умершие родственники. Без такой совместной еды, думают чувашаи, их родственники на том свете не могут быть спокойны [Георги 1799: 37–39].

И. Г. Георги путает полевое моление *Учук* с общесельским молением божеству *Киремет*, хотя верно описывает действия на *кире-*

метище. Чистка площадки *киреметища* проводится весной, когда начинается пашня. На время жертвоприношения божеству *Киремет* зажигается семь огней. В жертву приносят пироги, а молоко льют на огонь. Обращаются к отцу и матери *Киремета*, а также к его сыну. Божеству скота *Пихамтару* приносят крупное животное. *Пихамтар* оберегает скот от волков. По случаю начала употребления нового урожая проводится родовой праздник *чўкклеме* [Георги 1799: 40]. Праздник имеет параллельное название *киветтни*, что буквально значит «старение». Дело в том, что перед употреблением хлеба из нового урожая первинки следует посвятить божествам и получить право на употребление самим. Носители культуры, а также исследователи такое моление о хлебе у чувашей в пределах рамок домашней обрядности считают одним из самых больших праздников в году. Термин образован от основы *чўк* («жертвоприношение»). *Чўкклеме* — существительное, а не глагол («совершение жертвоприношения», «приношение благодарственной жертвы»).

Путешественник приводит образец чувашского моления: «Боже! (*Торе* или иное какое божество). Помилуй нас! Боже! Не оставь меня! Надели меня множеством сыновей и дочерей! Боже! Одари меня многими горами хлеба, и наполни мои житницы и кладовые! Боже! Ниспошли мне хлеб, мед, питье, съестное, здоровье, покой! Боже! Наполни двор мой лошадьми, рогатым скотом, овцами, козами! Боже! Благослови жилище мое, чтобы мог я странствующих принимать, покоить, питать и греть» [Георги 1799: 40–41].

Клятвы. Дать слово перед народом и сдержать его, поверить человеку на слово, пожалуй, самая древняя форма клятвы. В XVIII в. путешественники полагали, что у чувашей между собой никаких важных обязательств не существует. «В междоусобных делах не употребляет народ сей никаких клятв, но единственно держится своего слова» [Георги 1799: 41]. Слово перед соплеменниками и слово соплеменников индивиду играли роль саморегулирующей традиции в обществе. Приведем только один пример от 1911 г., оставленный псаломщиком Андреем Липатовым из с. Ерилкино Бугурусланского уезда Самарской губернии. Одного человека заподозрили в воровстве. Собрали народ, заставили подозреваемого смотреть на солнце и сказать: «Вот солнце, я не воровал». Тот исполнил, ему поверили [ЧГИ 210: 243–244]. Полагали, если

человек соврет, то не видать ему больше солнца. Притом и сам дающий клятву глубоко верил в это. Божились также именем *Турӑ*. Клятва-слово имеет типологическую основу у многих народов. Например, в традиционном осетинском обществе единственным гарантом выполнения того или иного обещания было данное слово.

Верования. Как отмечал И. Г. Георги, почти все чуваши с 1723 г. крещены в греко-российскую веру. Эту веру они внешне исповедуют, но продолжают пребывать в идолопоклонстве, поэтому свои древние суеверия удержали [Георги 1799: 35].

Среди чувашских божеств наиболее почитаемым считается *Турӑ*. Он имеет отца (*Тор аишӗ*), мать (*Турӑ амӑшӗ*) и детей (обычно сына) [Георги 1799: 39; Милькович 1906: 50]. Мать *Турӑ* представляется в виде старушки. Ее просят заступаться перед сыном, довести до него мольбу. Некоторые источники *Турӑ амӑшӗ* переводят как «жена Турӑ», видимо, учитывая бытовое обращение мужчин к жене как *амашӗ*, т. е. «мать ребенка» или «мать моего ребенка».

Kene — небесное божество. Иногда говорят проще: *чӑваш турри* («чувашское божество»). Является посланником божества *Турӑ* и определяет от его имени судьбу людям. Согласно народному объяснению, произошло от одинокой старухи. М. Р. Федотов уверенно говорил, что термин *Kene* был принят теократией древних финно-угров и чувашей во времена господства хазар. Ефим Малов возводил к еврейскому *кокаб* («звезда»). Свою мысль он подтверждал тем, что звезда в верованиях древних народов служит символом счастья, указателем судьбы. Н. И. Ашмарин записал в с. Большое Карачкино название горы *Kene ту*. Притом информант пояснял, что *Kene ту* — это большая гора, но где она находится, он не знает, возможно, на Афонской горе. Говорят, что там между камнями течет мед и пчел множество. В источниках упоминаются мать и отец *Kene* [Паллас 1773: 141]. О почитании чувашами божества *Каба* писал также И. Г. Георги [Георги 1799: 39].

Kene — божество женского пола — обитает на небесах, говорят чуваши. Поэтому она должна быть отнесена к божествам небесным. Однако ее власть распространяется и на земле, и под землей. Она считается добрым посредником между *Турӑ* и людьми. Практически все моления по существенному поводу содержат текст типа: «Мы молимся Кепе, пусть она доведет все до Турӑ». Поэтому не лишне молиться этому божеству и утром, и вечером. *Kene* в спи-

сках пантеона стоит в ряду, возглавляемом главными божествами *Турă* и *Пӱлӗх*. Часто упоминается вместе с *Хӑрпан*. Ее называют последней, заключительной в списках божеств. Однако речь идет не о статусе. Дело в том, что в ритуалах к ней обращаются после всех других божеств, чтобы она видела усердие молящихся. Согласно Н. В. Никольскому, божества *Пӱлӗх* и *Пихампар* являются ее вестниками или даже служителями [Георги 1799: 39; ЧНМ. Учет. № 4477. Инв. 530: 4; ЧГИ 21: 161].

Исследователи, опираясь на факты, считали, что *Йӗрӗх* — это отдельно растущее дерево, а также разные лиственные деревья и кустарники [Дзенискевич 1972: 221]. Выходящие замуж девушки получали от родителей ветку с такого дерева и обзаводились своими. Такую рябиновую, шиповниковую или вязовую ветку меняли каждый год. О том, что *Йӗрӗх* — это веточка, писали И. Ф. Эрдманн и А. А. Фукс [Erdmann 1822: 112; Фукс 1840: 141]. Они сами видели в домах чувашей пучки, связки или веточки рябины. И. Г. Георги заметил, что данное божество представляет собой связку шиповниковых лоз [Георги 1799: 39]. В с. Альгешево Чебоксарского уезда Дюла Месарош обнаружил вариант ветки [Месарош 2000: 33], весьма напоминающий персидский *барэсман*.

Как показывает литература XVIII в., чувашаи почитают их столь священными и опасными, что никто и прикоснуться к ним не смеет [Георги 1799: 39]. Основное требование *Йӗрӗха* к семье, где он обитает, — это мирная жизнь. «Обыкновенно ставят оной в переднем углу в чистом боковом покое» [Паллас 1773: 139], «наблюдая как в них, так и около, чистоту» [Милькович 1906: 52]. Приходящие впервые в дом люди сначала совершают поклонение этому божеству. К нему не должны касаться, исключая осень, когда его бросают в воду и заменяют новым.

Божество *Шуйтан* живет в воде. В своих молитвах чувашаи просят *Турă*, чтобы он умирил *Шуйтана* [Георги 1996: 89].

Некоторые из чувашей верят в двойное состояние после смерти. Согласно первой версии, многие люди попадают в страну довольства, где у них лучше, чем в земной жизни скот и имущество. А злые люди обречены бродить в холодных и пустынных степях в образе скелетов [Георги 1799: 40].

Много интересных наблюдений находим у И. Г. Георги по поводу понятий, связанных с временами года. Зима и лето составляют

у них один год, который начинается в ноябре месяце, на их языке — *чук ойх*, т. е. месяц жертвоприношений. По другой версии, год начинается с месяца *ака*.

Ака уййх — месяц пашни и сева. Начинается после ухода вешних вод. С этого месяца идет исчисление года. Поскольку в месяце *ака* совершают и яровую пашню, и сеют, его переводят то как «месяц пашни», то как «месяц сева», а иногда — «месяц пашни и сева». Вообще слово *ака* означает «сев» [Georgi 1775: 850; РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 114; РГО. Р. 53. Оп. 1. Д. 56: 4]. Соответствует марийскому месяцу *ага* и татарскому *сабан*.

Су уййх — месяц «лето». Скот выгоняют в поле на травку. Крестьянин после посевов получает возможность немного отдохнуть. «Месяц су приносит отдых, дает силу для страды», — говорят в народе [Georgi 1775: 850; РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 114; ЧГИ 144: 172].

Сёртме уййх — месяц паровой пашни к озимому севу [Georgi 1775: 850; ЧГИ III-452 (II): 117–118]. Во время вспашки трава, проросшая в поле, оказывалась под слоем земли, там она начинала гнить и превращаться в удобрение. Отсюда и название месяца — *сёртме* («гноить»).

Утй уййх («месяц сена»), название получил от характера сезонной работы. Синоним — *сум уййх* («месяц прополки»), ибо в эту пору поля очищают от сорняков. Начинается время травостоя [Georgi 1775: 850; РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 114; ЧГИ 144: 172].

Кёсён кярлач («младший кярлач») — месяц малых холодов [Georgi 1775: 850; ЧГИ 144: 172]. По объяснению информантов, бывает только в 13-месячном году.

Нарйс уййх — месяц *нарйс*. Этимон персидского происхождения: *ноу* («новый», «юный»; ср. англ. new) + *руз* («день», «солнце»). Это первый день весеннего равноденствия, поворота солнца, день иранского Нового года. Слово сохранилось также в чувашском названии села *Нурйс* [Georgi 1775: 850; РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 114; ЧГИ 144: 172].

Неделя протяженностью в семь дней была характерна не для всех народов. Например, пять дней в неделе у африканских йоруба, а у народа дед калабар — восемь. И. М. Дьяконов показал, что нередко встречающееся указание на вавилонское происхождение семидневной недели неточно. В обрядовых календарях вавилонян обозначаются лишь счастливые и несчастливые для каких-либо на-

чинаний дни. Счет семидневных недель независим от счета дней месяцев, поэтому понятия «неделя» в вавилонском календаре фактически не существовало [Дьяконов 1976: 305]. У татар в древности неделя состояла из пяти дней, а среда считалась серединой недели. Аналогично у русских (среда < *середина*) и немцев (*Mittwoch*). Та же картина у чувашей. Чувашская пасхальная неделя *мункун* длилась пять дней, а по другому источнику — неделю. В заключительный день проводили обрядовое шествие *сѣрен* с целью очищения. *Юн кун* (среда) — букв. «день крови», т. е. день жертвоприношений [Георги 1799: 35]. Не правы И. Г. Георги и К. С. Милькович, определившие пятницу как начало недели у чувашей. Во-первых, при пятидневной неделе, когда среда была серединой, пятница является концом пятидневки. Во-вторых, у исламизированных чувашей пятница как день отдыха замыкает неделю.

Собака — *йытӑ* (*акар, няха*) — один из сложных персонажей в верованиях любого народа [Georgi 1775: 854; Автор: 1]. Она прошла длительный процесс доместикиации и является первым прирученным животным. Затем стала восприниматься как положительная фигура: ею клялись, ей слагали похвалу, составляли правила обращения с нею. Собаку расценивали как средство доставки жертвенного дара адресату.

«Чуваши-язычники испытывают отвращение к свиньям, это они переняли от татар», — писал путешественник [Георги 1996: 87].

Как заметил И. Г. Георги, в 1723 году, когда чувашей обращали в христианскую веру, они упрямылись. Ныне их никто не принуждает, к тому же никто не отвлекает от их религиозных прежних традиций. Теперь они сами преданы православию настолько, что ничуть не уступают крестившимся [Георги 1799: 41].

Язык. И. Г. Георги полагал, что чувашский язык принадлежит к финской семье. У них нет грамматики, язык свой смешали с татарским. Однако сохранили прародительское наречие [Георги 1799: 35]. Как видим, уважаемый профессор не был знаком с «Сочинениями, принадлежащими к грамматике чувашского языка», изданными в 1769 г.

Предводители. Тех, кто произносит моления, колдует и предсказывает, черемисы и чуваша называют соответственно *йума* и *юмӑс*. В тех случаях, когда этих предводителей нет рядом, их заменяют разумные старики [Георги 1799: 40].

Музыка. Как показывают источники, волынка *шӑпӑр* — наиболее подходящий инструмент для плясовой музыки чувашей. Например, И. Г. Георги в своем дневнике записал следующее: «Пляшут же они по гусям, по волынке и по губному органу» [Георги 1799: 38]. Без волынки нет веселья. Это касается и таких сугубо поминальных ритуалов, как *симӑк* и *юпа*. В том числе плясали и на кладбище: «По их понятию, кто из родни умершего не веселится и не пляшет под музыку, тот непременно скоро должен умереть» [Орлов 1857: 62]. Говорили, что под музыку волынки невозможно устоять от пляса. Поэтому высказывание «Возможно ли так плясать от одной игры на *шӑпӑр*?» [Ашмарин 1937: 252], по крайней мере, намек на плясовую ритм мелодии этого инструмента.

Как инструмент мажорного лада, мотивы гуслей использовали для сопровождения плясок и песен. Мелодию гуслей чуваша передают звукоподражательными словами *пӑнтӑртат*, *пӑнкӑлтат*, *кӑлттӑм-кӑлттӑм* [Георги 1799: 38; Паллас 1773: 145; ЧГИ 145: 192].

Рисунки. В Предуведомлении издателя к книге И. Г. Георги сказано: «Все сии изображения представляют народов в их, большею частию, обыкновенных одеяниях, каковые находятся, частию, в Кунсткамере, при Императорской С. Петербургской Академии наук, или изображены известными академическими путешественниками, по России, а частию срисованы с живых подлинников покойным С. Петербургским рещиком г. Ротом, и, елико можно, наилучше представляют лицечертания, каждому народу свойственные. Часть последнюю изображений сих дополнил рещик г. Шлеппер, со всевозможною первого точностию».

Христофор Рот родился в Нюрнберге. В Петербурге с 1761 г. В Академии наук изготавливал карты [Thieme, Becker 1935: 85–86]. В 1770 г. берет отставку из Академии наук. С 1770 по 1777 г. работал по частным заказам по ландкартной части.

Журнал «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся» И. Г. Георги начал издавать в 1774 г. В выпусках периодики печатались рисунки костюмов остяков, русских, тунгусов, татар, черемисов, чувашей и других народов. Иллюстрации сопровождалась подписями на русском, французском и немецком языках.

Вместе с Дмитрием Шлепером Христофор Рот выгравировал 95 листов для «Описания народов Российской Империи» 1776 г. [Ровинский 1895: 844–846].

Как верно замечается в литературе, И. Г. Георги сумел показать многообразие народов современной ему России. Такая культурная неоднородность воспринималась просвещенными современниками как богатство империи. Поэтому художники часто рисовали монарха в окружении представителей разных этносов. Они приносят главе империи плоды своих занятий — зерно, скот, разные рукотворные изделия. «Показанная через робкий взгляд, застенчивые позы, отдаленность в глубину композиции их „детская простота“ утверждала нравственную чистоту, неспорченность цивилизацией подвластных Российской империи этносов и вместе с тем легитимировала необходимость воспитательной, цивилизаторской функции верховной власти» [Вишленкова 2007: 75]. Заодно мир увидел полиэтничную Россию.

И. П. Фальк. Иоганну Готлибу приходилось заниматься делами, которые были поручены И. П. Фальку. Как известно, И. П. Фальк не блистал здоровьем и не смог порученные ему экспедиционные дела довести до конца. Так, 5 мая 1771 г. конференц-секретарь Петербургской академии И. А. Эйлер предложил Фальку от имени Академии наук вернуться в Петербург. На выручку ему в отряд П. С. Палласа выезжает И. Г. Георги. В апреле 1774 г. И. Г. Георги сообщает И. А. Эйлеру о последних днях и похоронах И. П. Фалька [Любищенко 1937: 205, 245].

В мае 1785 г. И. Г. Георги представляет Конференции Академии наук материалы «Путевого журнала и наблюдений И. П. Фалька». В Академию наук были переданы все записи и гербарии Фалька [Хартанович, Хартанович 2014: 381]. Обработка и приведение в порядок записей Фалька оказались затруднительными: «Они написаны на отдельных листах карандашом и по первому впечатлению не обладают никакой связностью изложения, а между тем Георги, по материалам Фалька и по дневникам Барданеса, издал три тома описаний» [Гнучева 1940: 107].

Выводы. Как видим, И. Г. Георги внес заметный вклад в фиксацию материала и изучение чувашского народа. Особенно ценны его наблюдения в области изучения одежды, обрядов и верований. Рисунки, помещенные в его книги, имеют базовое значение.

И. И. ЛЕПЕХИН В «КРАЮ ДИКИХ РОЗ»

Иван — сын солдата Семеновского полка. Желанию получить приличное образование суждено было осуществиться не сразу. Мальчика с первой попытки не приняли в Академическую гимназию. В литературе утвердилось мнение, что отец не мог содержать сына и платить за его учебу. Поэтому он привел 11-летнего сына в Герольдмейстерскую контору вторично [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 152: 64]. Как уточнил в личной беседе внучатый племянник И. И. Лепехина М. П. Лепехин¹, здесь имеет место непонимание ситуации: отец вполне мог содержать сына, но по своему статусу солдата Семёновского полка не желал платить за его обучение — государственное учреждение обязано было его учить бесплатно. В свою очередь Академическая канцелярия не имела желания его учить бесплатно (т. е. принять казеннокоштным). В дело вмешался Правительствующий Сенат и указом обязал принять отрока в гимназию. Поэтому Иван Лепехин «явился повторному осмотру и скаскою показал, от роду ему десять лет, не из дворян, салдацкой сын, грамоте российской и писать обучен... а имеет отец ево в Синбирском уезде поместной земли дватцать четвертей, определить в десканис академию в ученики». 3 апреля 1751 г. появился желанный указ [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 152: 64]. Однако солдатский мальчик дома, до гимназии, кроме российской грамоты, ничему не был обучен. Поэтому ему определили учителей по немецкому языку, по немецкому письму и по арифметике. Ректором Академических университета и гим-

¹ Как считает внучатый племянник И. И. Лепехина старший научный сотрудник Библиотеки РАН Михаил Пантелеевич Лепехин, изучавший свою родословную, фамилия Лепехин пишется без ё (не Лепёхин, а Лепехин). Он же установил другие подробности истории рода Лепехиных [Лепехин 2009]. Выражаю ему искреннюю благодарность за указание на некоторые детали биографии И. И. Лепехина.

назии на то время был профессор С. П. Крашенинников [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 152: 68].

Старательный Иван Лепехин достиг весьма приличных результатов в учебе. Выдержал испытание, в ходе которого он должен был описать образцы предметов, имеющиеся в Кунсткамере. 23 мая 1768 г. 28-летний Иван Лепехин был единогласно избран адъюнктом Академии наук.

Уже через пять дней после избрания адъюнкту Ивану Лепехину было поручено возглавить один из отрядов Академической экспедиции на Среднюю Волгу и Причеремшанье. В Ямской канцелярии отряду И. И. Лепехина выделили 12 подвод, С. Г. Гмелину — 17, П. С. Палласу — 16, И. П. Фальку — 14, И. А. Гюльденштедту — 12 [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 539: 146 об.]. Из Петербурга отряд выехал 8 июня 1768 г. 10 июня они уже были в Новгороде, а 17-го — в Москве. В его отряде работали гимназисты Тимофей Малгин, Николай Озерецковский и Андрей Лебедев, рисовальщик Михайло Шалауров, чучельник Филип Федотьев.

Пункты обследования. В пути и в Поволжье И. И. Лепехин вел доукомплектование состава экспедиционного отряда. Так, уже 19 июня из Москвы он рапортовал в Академию наук, что ему не хватает егеря. Из Петербурга отписались, «чтобы он егаря отсюда более не ожидал, а принимал бы там сам, или в случае надобности нанимал бы со стороны на выделенные ему к тому денги» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 9: 1–1 об.]. Из разных пунктов следования Иван Иванович отправлял пронумерованные отчеты в Петербург. Читая его рукописи, можно воссоздать маршрут: Arzamas — Pjana — Alatyр — Promsino Gorodschtsche — Samara [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 12: 9]. В августе 1768 г., отправляясь из Синбирска на Черемшан, он берет с собой «как для конвоя, так и для языка двух солдат, знавших тамошней язык и одного на место егаря, которого нигде здесь достать не мог» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 9: 8 об.]. Он вел дневник, куда записывал маршруты от пункта к пункту. Например: «Август 27, 1768 г.: Выехали мы из села Чердаки и приехали в село Матюшино»; «Доехали до деревни Чувашской Якушкина, переменили лошадей» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 50–51].

Укажем населенные пункты Среднего Поволжья, обследованные отрядом И. И. Лепехина с 25 августа 1768 г. по 20 мая 1769 г.

(в скобках указаны современные названия). Основными источниками при составлении списка стали дневниковые записи и прогонные ведомости: [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 10; Лепехин 1771].

Оренбургская область

Северный район

Деревня Татарский Бакай (с. Бакаево).

С. Сок-Кармала (с. Северное).

Пензенская область

Лопатинский район

Д. Генаралщино (с. Генеральщино).

Республика Татарстан

Алексеевский район

С. Чувашский Биляр (городище Биляр).

Д. Татарский Биляр (с. Билярск).

Бугульминский район

Пригород Бугульма (г. Бугульма).

Карабаш (пгт Карабаш).

С. Спаское (с. Спасское).

Татарская деревня Дымская (с. Татарская Дымская).

Лениногорский район

Каратай (с. Зай-Каратай).

Куакбаш (с. Куакбаш).

Нурлатский район

Д. Бекулово (д. Бикулово).

С. Биляр (с. Биляр-Озеро).

Д. Караульная Гора (д. Караульная Гора).

Д. Киклы (с. Бурметьево).

Чувашская деревня Якушкина (с. Якушкино).

Спасский район

Городище Булгар (г. Болгар).

Тетюшский район

Пригород Тетюши (г. Тетюши).

Черемшанский район

Черемшанская крепость (с. Черемшан).

Самарская область

Безенчукский район

С. Переволка (с. Переволоки).

Камышлинский район

Татарская деревня Байтуган (с. Татарский Байтуган).

Татарская деревня Камышлы (с. Камышла).

Клявлинский район

Мордовская деревня Сосны (с. Новые Сосны).

Д. Старый Бетермишь (с. Старый Байтермиш).

Кошкинский район

Д. Мордовская Кармала (с. Старая Кармала).

Д. Новая Максимкина (д. Малое Максимкино).

Красноярский район

Новый Буян (с. Новый Буян).

Д. Раковка (с. Большая Раковка).

Д. Старый Буян (с. Старый Буян).

Сергиевский район

Орляны (с. Верхняя Орлянка).

Пригород Сергиевск (с. Сергиевск).

С. Спаское (с. Спасское).

Д. Черногих (с. Черновка).

Д. Якушкино (с. Старое Якушкино).

Ставропольский район

С. Резань (с. Большая Рязань).

Г. Тольятти (Ставрополь).

С. Старая Брусяна (с. Брусяны).

Д. Чувашское Сюриково (с. Севрюкаево).

Сызранский район

Г. Сисран (г. Сызрань).

Челно-Вершинский район

С. Седелькино, Сиделькино, Мордовское Седелкино (с. Сиделькино).

Старая Таяба (п. Старая Таяба).

Шигонский район

С. Усолье (с. Усолье).

Д. Чувашское Тайдаково (с. Тайдаково).

Ульяновская область

Г. Синбирск (г. Ульяновск).

Мелекесский район

С. Никольское (с. Никольское-на-Черемшане).

Мордовская деревня Бирля (с. Бирля).

Д. Русский Мелекес (с. Русский Мелекес).

Д. Чувашский Мелекес (г. Димитровград).
Чувашская деревня Сускан (с. Чувашский Сускан).

Новомалыклинский район

Татарская деревня Абтрейкина (с. Абдреево).

С. Бесовка (с. Старая Бесовка).

Малыкла Новая (с. Новая Малыкла).

Сентемир (с. Старый Сантимир).

Д. Чувашская Малыкла (с. Старая Малыкла).

Д. Чувашская Якушкина (с. Нижняя Якушка).

Чувашский Салаван (пгт Новочеремшанск).

Тереньгульский район

Чувашская деревня Байдулина (с. Байдулино).

Ясашная Ташла (с. Ясашная Ташла).

Ульяновский район

С. Городищи (д. Городище).

С. Ключищи (с. Большие Ключищи).

Чердаклинский район

С. Брендино (с. Бряндино).

С. Матюшкино (с. Старое Матюшкино).

С. Суходол (с. Суходол).

С. Чердаки (пгт Чердаклы).

Д. Красный Яр (с. Красный Яр)

Чувашская деревня Кармаюр (с. Чувашский Калмаюр).

При этом следует учесть, что Н. Я. Озерецковский, кроме работы в основном составе, совершал и отдельные от отряда поездки (например, на городища Булгар и Биляр). Об этом свидетельствуют отчеты по расходу денег. Например, 29 января 1769 г. студенту Николаю Озерецковскому были возвращены 1 руб. 50 коп. за купленный им в Болгарах «древней татарской денги» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1: 10].

Ландшафт. При анализе ландшафта изучаемой территории следует учесть, что в XVIII в. происходит переселение части чувашей с правобережья Волги на плодородные луга Причеремшанья, практически на земли, которые занимали исторические предки чувашей — сувары — по состоянию на конец IX — начало X в. Ради укрепления государства на свободные земли также переселяли из других районов России. Тут строились укрепления в виде крепостей и валов для защиты южных рубежей.

Дневник И. И. Лепехина примечателен тем, что, записывая свой маршрут передвижения, он тут же вставлял заметки о местности, характеризующие ландшафт. Например: «Из Чувашского Мелекеса ехали мы чрез помянутой обширной бор, где в двух верстах находилась Черемшанская старица, которая ныне составляет болотину, обросшую лесом. Проехав версты с три от старицы, перебрались чрез Черемшан, и выехали на Черемшанскую луговую сторону. Тут глазам нашим представлялися обширные и тучные поля по луговым сторонам, а по правую сторону гнездовые перелески, которые все наполнены были дикими розами. Чувашская деревня Якушкина, в 10 верстах находящаяся, служила нам подставою. При оной деревне течет небольшая речка, Аврель [Авраль. — *Прим. авт.*] называемая. Она вытекает из ключа подле татарской деревни Абтрейкина и впадает в Черемшан» [Лепехин 1771: 129].

В Причеремшанье путникам часто встречались озера, «гористые и чернолесием изобильные места», реки, леса и болота. В озерах водились караси «отменной величины и вкуса». Экспедиция ехала по 10–15 верст, «все степными местами», а также «по большей части небольшими перелесками». «В полутора версте от Байдулина находился хребет низменных гор, простирающихся пологою в окружности верст на десять. Оне приманили нас своею приятностию пребыть на них целый день. Горы сии пашенной (*Euphorbia segetalis*) и Сибирской волосистой молочай (*Euphorbia pilosa*) на низменных местах» [Лепехин 1771: 317–318]. Или: «Дорога была весьма гладкая, степная и вся испахана» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 50]. А на берегу Черемшана исследователи нашли множество кустарников роз и дикого хмеля. А в другой местности они «ничего найти не могли, кроме великого числа хмелю» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 51 об.].

Таким образом, мы имеем первое достоверное описание ландшафта причеремшанских территорий, а также флоры и фауны современной Ульяновской и Самарской областей и Республики Татарстан по состоянию на вторую половину XVIII в. Как справедливо отмечают исследователи, многие из представителей флоры и фауны названных мест ныне либо совсем исчезли, либо находятся на грани вымирания: «К таким представителям животного мира можно отнести выхухоль» [Гуркин 2011: 191]. Согласно И. И. Лепехину, почти все пойменные озера около Синбирска были

наполнены выхухолью. К исчезнувшим видам также следует отнести белугу, осетра, стерлядь, севрюгу.

Поселения. Прежде всего, члены экспедиции заметили, что чувашские, мордовские и татарские деревни Причеремшанья, в отличие от русских, построены не улицами, а гнездовым способом. Также в глаза бросались ограды, построенные из жердей, вокруг селения. Ограды эти нужны для того, «чтобы скотина без пастуха не могла вытти из деревни, и попортить их пашни, которые близ самых деревень находятся» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 60 об.].

Происхождение названий многих населенных пунктов Ульяновского, Самарского и Татарстанского Поволжья представляет этимологический интерес. Например, с. *Брядино* — от мордовского имени; *Калмайор* состоит из двух слов: *калма* (на мордовском «могила», «городище») + *юр* («холм»), то есть место обитания и захоронения древних поселенцев; *Кармала* — от чувашского и тюркского *хурама/карама* («вяз»); *Ташла* — от тюркского *таш* («камень»).

В целях более полной характеристики поселений, в которых бывали члены экспедиции, можно проанализировать историю происхождения сел и деревень. Например, село Ясашная Ташла основано в начале XVIII в. «Оно расположено в верховьях речки Ташлы, на большой почтовой дороге из Синбирска в Сызрань. Первоначальные жители этого селения были „ясашные из мордвы крестьяне“, что видно из документов 18-го столетия» [Мартынов 1904: 17].

Население. Называя тот или иной населенный пункт, И. И. Лепехин указывал на национальную принадлежность. Например, «к вечеру приехали в чувашскую деревню Мелекес»; «от деревни Якушкиной ехали мы до чувашской деревни Мальклы новой»; «отправились в чувашскую деревню Салаван»; «за Максимкиною в 11 верстах следовало чувашское село Биляр»; «татарская деревня Биляр»; «татарская деревня Сентимир». Исследователь также называет местные названия народов. Например: «В оной деревне кроме чувашей живут особливими домами и казылбаши» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 51]. *Казылбаши* — буквально «красноголовые». Так называли в старину кочевников, обитавших в основном в Азербайджане, Афганистане и Турции, независимо от их этнической принадлежности. И. И. Лепехин, полагая, использовал этот термин по отношению к причеремшанским мишарям.

Одновременно со строительством в 1648 г. Сибирской засечной черты шло заселение региона. До этого времени русских деревень здесь почти не было. Даже селения первоначальных обитателей (чуваших, мордовских и татарских) были не сплошные. Изредка попадались «сторожки» — «наблюдательные пункты за движением неприятеля, а внутри края на необъятные пространства расстилались „дикие поля“ и „порозжие земли“» [Мартынов 1904: 7].

Из дневника И. И. Лепехина, характеризующего пестрый этнический край Причеремшанья, мы узнаем, что к вечеру они приехали в чувашскую деревню Мелекес; «а от Руского Мелекеса только 10 верст до Чувашского Мелекеса почитается»; между русским и чувашским Мелекесом находился обширный и густой бор; из чувашского Мелекеса ехали они через помянутый бор; чувашская деревня Якушкина; «она вытекает из ключа подле Татарской деревни Абтрейкина»; от деревни Якушкиной ехали далее до чувашской деревни Малыклы новой; приехали в мордовскую деревню Кармалу; за Максимкиною в 11 верстах следовало чувашское село Биляр; «с оным в четырехверстном расстоянии смежна была Татарская деревня Биляр»; последняя деревня к Караульной горе была татарская деревня Сайдакова; в 18 верстах отстояло мордовское село Седелкино; до чувашской деревни Якушкиной, стоящей на реке Шунгут; отобедав, приехали на «наслег» в чувашскую деревню Кармаюр; к вечеру добрались до в чувашской деревни Байдулина; выехав из села Ключищей, продолжили путь через 15 верст на чувашскую деревню Тайдакова; «из Брусяны не велик был переезд до Чувашской деревни Сюрикова».

Притом путешественники заметили, что здешние чуваша имеют различия в языке. Причину такой разницы они сами не смогли объяснить. Также не смогли рассказать, откуда переселились их предки.

Жилища. В записках И. И. Лепехина находим достоверные данные о жилище по состоянию на вторую половину XVIII в. [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 53 об., 60 об., 61 об.; Лепехин 1771: 138, 139].

Дома у них построены таким же манером, как у мордвы, т. е. изба без сеней и всякой другой пристройки. Избы у чувашей и мордвы черные, а у татар белые. Дома ставятся посреди двора, не имеют сеней и чуланов, а двери отворяются прямо во двор.

Зажиточные имеют летние дома, которые располагают напротив зимних. В избах около всех стен приделаны нары, на которые они кладут домашние вещи. Зимой в домах держат молодой скот. Нары им служат и кроватью. За недостатком стекол, оконницы делаются из коровьей требушины. А в селениях, расположенных близко к Волге, окна вместо стекол закрывают кожей сомов или белуг.

На дворах, как у чувашей, так и у мордвы и таар, бывают всякие пристройки, предназначенные для скота и для хранения хлеба. Притом почти у каждого своя баня, в которой они еженедельно парятся. Парятся в несносном жару стоя и в два веника. Дом и пристройки, смотря по достатку крестьянина, огорожены или тыном или забором.

Пища. Как известно из источников, хлеб, мясо и просо были основными продуктами для повседневного употребления у населения Волжской Булгарии. Именно ими встречали четыре царя посольство, прибывшее из Багдада [Ибн Фадлан 2016: 32].

Для народов, населяющих бассейн реки Черемшан, в XVIII в. повседневной пищей являлись щи, каша и пироги. Они также пользовались дарами рек и озер и занимались ловлей рыбы. Обычно чувашаи пьют воду, а богатые — пиво, писал И. И. Лепехин. Мордва имеет квас, а татары пьют кислое молоко, *ейрян* (= чуваш. *уйран*) называемое. Но пиво также было на столе у бедных в праздничные дни. Чувашаи, а также другие народы Среднего Поволжья почти всю пищу готовили в одном и том же котле [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 50 об., 54, 73].

Одежда. И. И. Лепехин отмечал, что чувашаи, мордва и татары носят такие же рубахи, как и русские крестьяне. Но у чувашей и мордвы они вышиты около ворота и по плечьям разноцветной шерстью. Чувашаи носят только белые вышитые рубашки, а татары в праздничные дни надевают суконные кафтаны и бешметы разных цветов [Лепехин 1771: 159, 162].

Что касается обуви, то мордва, чувашаи и татары носят лапти. Но все на случай имеют сапоги, отмечал путешественник [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 63 об.; Лепехин 1771: 226].

Одно из самых драгоценных украшений чувашской женщины — головной убор *хушпу*, который надевают на *сурпан* (головное покрывало) и подвязывают под подбородком ремешком. Сзади пришит *хўре* — «хвост» из холста. Он опускается почти

до подколенок, постепенно суживаясь к концу. *Хўре* продевается под пояс, под верхней одеждой его не видно [Лепёхин 1771: 159; Паллас 1773: 136].

Татарки Причеремшанья также носили *кашпау*: «У иных *кашпау* сходитсяверху остроконечием, наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, *кашпау* бывает без тульи, в таком случае верх головы повязывают платком. Около висков прикрепляется к *кашпау* подвязка, таким же образом унизанная, которая под шею застегивается пуговицею и называется *кашпау сакал*» [Лепехин 1771: 160]. И. И. Лепехин считал, что *кашпау* был заимствован чувашками у татар. Это требует уточнения: головные уборы с остроконечным серебряным конусом в верхней части носили не вообще все татарки и чувашки, а только девушки, и называется такой убор не *хушту/кашпау*, а *тухъя/такъя*.

И. И. Лепехин также подметил, что головной убор вогулок «несколько к чувашскому подходит, и состоит из толстого белого кропивнаго балахона; голову повязывают платками, а зимою носят с верху малахай, девки заплетают и ходят, повязавши повязкою, унизанною разноцветным бисером» [Лепехин 1814: 28–29].

По наблюдениям путешественника, жители исследованных поселений не пользуются мылом, а обходятся золою. Белье они сперва мочат дней пять-шесть в корыте, пересыпав золой. Затем стирают, добавляя теплую воду по мере надобности. Каждую вещь трут золой. Потом идут на реку полоскать [Лепехин 1771: 151–152].

Занятия. О плодородии причеремшанских земель говорилось еще в средневековых источниках. У жителей г. Сувар в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеба — в изобилии [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. В XI XII вв. в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами были просо и овес [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22].

В X в. население пользовалось развитыми земледельческими орудиями. Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров). А это содействовало еще большему развитию металлургии. Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями — *сабан*, — использовавшийся чувашами до середины XX в., восходит к культуре обработки земли X в.

Его металлические части (лемех (*тёрен*) и резец (*шърт*)) нынче можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на Средней Волге, т. к. он приспособлен для тяжелых почв. Скорее всего, *сабан* бытовал в регионе еще до прихода болгар и суваров [Смирнов 1951: 17, 84–85]. В XVIII в. здесь больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю выращивали только для собственных нужд. Гречка не пользовалась успехом, а пшеницу сеяли мало [Лепехин 1771: 144]. Например, около д. Якушкино целые поля были покрыты арбузами и дынями, которые, по рассказам жителей, давали неплохой урожай. Как следует из отчета экспедиции, пашней занимались чуваши, а бахчевыми и табаком — кызылбаши [Лепехин 1771: 121, 131]. «Они все упражняются в хлебопашестве, но с тем только различием, что мордва больше сеют других. Близко к ним подходят чуваши, за чувашами следуют татары, а кызылбаши почти совсем ничего не сеют; но живут скотоводством, и нанимаются в пастухи. Женский пол как у мордвы, так и у чуваш весьма рабоч, и не только способствует своим мужьям, но и сами пахут; косят сено и возят, и почти всякую работу, какую и их мужья, отправляют» [Лепехин 1771: 41].

Пастухов местное население начало нанимать с того времени, как калмыки поселились около р. Кондурчи. До этого скотина паслась на воле. Д ма для скота делают загородки, называемые *карта*. Летом скот по большей части бывает за околицей. «Скот свой поутру, как хотят доить коров, кормят полбяною или яровою сечкою, то есть соломою, которую иссекши мелко, и подмешав муки, обдают кипятком, а особливо зимним временем. Напоив в обед, дают им и сено, а под вечер паки солому. Равным образом кормят они и овец соломою: но сие происходит не от недостатка в сене, но от того, что по их приметам овцы, которые на одном содержатся сене, часто паршивеют, худую дают шерсть, и не так тучнеют» [Лепехин 1771: 149]. Овец крестьяне стригут два раза в год — весной, когда их пускают в стадо, и осенью. Затем шерсть прядут.

Кузнецами в этих местах бывали заезжие из ближайших мест русские, а из чувашей и мордвы члены экспедиции ни одного человека не видели [Лепехин 1771: 153]. Объясняется такой факт тем, что инородцам, согласно царскому указу, запрещено было заниматься железоделанием с петровских времен. Власти боялись, что чуваши, черемисы и вотяки станут стали изготовлять панци-

ри и пищали. Поэтому сельчанам приходилось даже сельхозорудия типа топоров, кос, серпов и ножей покупать в Казани на торгах [ПСЗ III: 286–287]. И вообще ремеслом здешние жители занимались совсем мало.

Многие чуваша работали на ближайших казенных винокуренных заводах и жаловались на эксплуататорское отношение к ним [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 50 об., 54].

Характеризуя колонии немцев, И. И. Лепехин отмечал их старание («рачение»). На огородах они выращивали всякую зелень, пахали плугом [Лепехин 1771: 382].

В 60-х гг. XVIII в. у поволжских ясачных людей собирали ясачные деньги. Здешние мордва, чуваша и татары платили бесчисленные виды налогов: за сбор меда, за ловлю рыб и бобров, с сенокосов, за пашни, за хмелевые уголья, за выращенный хлеб, подымный налог [Зерцалов 1896: 49–90]. Все эти поборы ставили крестьян в невыносимые условия выживания.

Обряды. Особенно много ценных сведений зафиксировал И. И. Лепехин о предводителях религиозно-обрядовых действий. Согласно его записям, достаточно высокую позицию в семейно-родовой обрядности занимают старики. Действительно, под понятием *ватй* каждый имеет в виду в первую очередь самого старшего члена семьи или рода. Оно отвечает представлению о глубоком, умудренном опыте старике. На родовые сборы являются только самые старшие. Глава дома просит вести ритуал от его имени старейшего из присутствующих. Примечательным сбором родни является весенний родовой праздник *мункун*. Уже за день до него старики ходят по домам своих кровных родственников и устраивают застолья. Помолвившись в околodверном пространстве, самого старого в роду сажают на скамейку в передний угол и вручают ему кружку пива. Тот оформляет основной атрибут стола: вокруг чашки с кашей располагает ложки, а сверху кладет целый каравай [Лепехин 1771: 167; ЧГИ 21: 164; Поле 89: 69].

Как видим, старики руководят обрядовыми действиями и молениями от имени семьи, рода и деревни. Некоторые из них — знатоки в магии. Так, рассказывая о ритуальных действиях, совершаемых с целью тушения пожара, информанты подчеркивают, что такой магией владеют старухи. Седобородые старики могли заниматься знахарством. При родах иные старухи поступают совершенно

так же, как и повитухи. Знахарь и человек старшего возраста у чувашей порой имеют синонимичные значения. На коллективных жертвоприношениях, например, право вести ритуал предоставляется знахарю или знающему старику [Лепехин 1771: 164; Поле 89: 69, 108]. Автор этих строк наблюдал, как старуха-молельщица и знахарка стояли рядом на таком ответственном для деревни обрядовом молении, как *Учук*.

Принимать роды — основное занятие повитухи. В любой чувашской деревне раньше были повивальные бабки. Они при родах исполняли роль акушерки, особенно в тяжелых случаях. Явившейся по приглашению бабке с роженицей отводится «особая изба, а за неимением такой — теплая баня» [ЧГИ 167: 82]. Принимая ребенка на руки, повитуха зубами перегрызала пуповину. Она же готовила жертвенную пищу сразу же после родов. У мордвы также бабушка, омыв ребенка, не сразу впускала в избу родственников. Сначала она готовила крутую кашу и пекла блины, накрывала на стол [Лепехин 1771: 169].

Как известно, наречение имени происходит или при родах, или во время специального обряда с приглашением родственников. В первом случае бабка перегрызает пуповину и, плюнув в сторону новорожденного, произносит: «Пусть носит такое имя» [ЧГИ 6: 611]. У мордвы принимающая роды «бабушка, по принятому обыкновению, начинает молиться и дает имя младенцу по своему хотению; а иногда младенец получает имя от того, кто первый бабушке попадется» [Лепехин 1771: 169]. К ней же в основном обращались за советом и при наречении на сборе родных.

Вознамерившись женить своего сына, отец посылал к отцу невесты кого-либо из посторонних за ответом на вопрос: намерен ли он отдать свою дочь за его сына? Получив согласие, родители встречались и договаривались о калыме. Весь смысл свадебной церемонии состоял в том, что невестин отец, взяв свою дочь за руку, а мать — хлеб и соль, вручают ее родителям жениха [Лепехин 1771: 171].

Согласно записям И. И. Лепехина, чуваш мог иметь до трех жен, если он способен их содержать. Бытовало у них и умыкание. Когда невесту выводили из дома родителей, она как бы сопротивлялась, но ее выносили на руках [Лепехин 1771: 174–176].

Видимо, исследователи не очень легко получали информацию о местных обрядах и обычаях. Так, 17 мая 1769 г. И. И. Лепехин за-

писал в своем дневнике: «Выехав из села Ключищей, продолжали наш путь чрез 15 верст на чувашскую деревню Тайдакова, где несколько промедлили, расспрашивая чуваш об их обрядах; однако ничего отменного против объявленных при Черемшане обыкновенный не нашед, поспешали в село Усолье, отстоящее от Тайдакова в 10 верстах» [Лепехин 1771: 320]. Но истина в том, что народ берег свою сакральную жизнь от чужих глаз.

Моления. Чуваша и мордва, писал И. И. Лепехин, хотя и просвещены святым крещением, однако между ними попадают семьи, которые живут по старой вере. Для всеобщего богомолья они выбирают место, несколько отдаленное от своего жилища, в лесу. Окружают его вокруг тыном, посередине ставят столбы и над ним — крышу, под крышей — небольшой столик и около него — лавки. Такое место они называют *Киремет/Кереметь*. Когда они предпринимают свое всеобщее богомолье, тогда все омываются водой или в бане и надевают чистое платье. Малолетние остаются в домах, а на богомолье ходят одни пожилые обоого пола. Такое моление проводится по пятницам, а почему — сказать не могут, ибо такое установление они от своих отцов получили. Для проведения моления они со всей деревни собирают солод, сырой мед, и прочие надобности к варению пива. Наварив довольное количество, выносят на место богомолья. Со своей стороны, смотря по своему достатку, каждый дом на место моления приводит корову, овцу или гусей. Свиной на мольбу не употребляют. Аналогичные моления чуваша и мордва также проводят дома [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 64 об. — 67 об.].

Побывав в немецкой колонии, И. И. Лепехин обратил внимание на большую деревянную католическую церковь в поселении Илавля [Лепехин 1771: 391].

Информанты. Естественно, достижения академических экспедиций не были бы обеспечены без помощи местного населения. Кроме того, в каждом населенном пункте были свои начальники в лице десятников, выборных, сотских и старост. «Десятник, староста или выборной бывают в одной деревне; но сотник иногда бывает в трех или четырех деревнях один бывает... В некоторых местах чуваша и мордва для болшаго себя защищения принимают к себе отставных офицеров, которых они залогою называют. Они уже отправляют все те дела, которые у других чрез сотников отправляются»

[СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 64–64 об.]. Со всеми этими персонами членам экспедиции приходилось иметь отношения, обращаться к ним, пользоваться их услугами и подсказками.

И. И. Лепехин на местах встречался с людьми, которых мы теперь называем краеведами. «Именно благодаря тому, что дневники Палласа и Лепехина в скором времени стали доступны не только для научного сообщества, но и для любого заинтересованного читателя, стала возможна организация исследований на местах. Нужны были лишь подготовленные люди» [Гуркин 2011: 195].

П. С. Паллас и И. И. Лепехин: нюансы их характеров. Представляют особый научный интерес характеристики Палласа и Лепехина на основании тех свидетельств, которые зафиксированы в их отчетах из экспедиции.

Маршруты П. С. Палласа и И. И. Лепехина, согласно разработанному Академией наук плану, во многом совпадали. Поэтому изначально было предусмотрено, чтобы два отряда не полностью повторяли посещаемые ими пункты: «Поедет доктор Лепехин чрез Москву прямо в Синбирск, а оттуда к реке Черемшану, по которой, подымаясь вверх осмотреть на месте все окололежащие места прилежно, наблюдая с крайним рачением все, что до экономии касаться может. Между тем профессор Паллас, который отправится позже, между Синбирским и Сызраном, также между Синбирским и Самарою лежащую по реке Волге страну прилежно рассмотреть» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1: 11]. Во Владимире два отряда опять встречаются и вносят коррективы в путевой план [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 9: 5]. «Г. доктор Лепехин... реки Пианы, и будет ехать вдоль по оной реке в Ядрин или Курмыш; а оттуда вдоль по реке Суре в Алатырь... Г. профессор Паллас... Пианое реке и поедет вдоль по оной в Алатырь... Намерен г. профессор Паллас ехать вдоль по реке Суре в Сурск и Промзино городище, а оттуда в Синбирск; а г. доктор Лепехин может избрать себе между тем другой какой-нибудь путь между реками Сурою и Волгою. Из Синбирска отправится г. доктор Лепехин прямо в Черемшану, а г. профессор Паллас к Самаре реке» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 1: 1–1 об.].

Собранные экспонаты И. И. Лепехин из Синбирска отправлял в Москву Г. Ф. Миллеру на одной подводе с вещами П. С. Палласа. В начале октября 1768 г., будучи в Ставрополе, И. И. Лепехин получает известие от Палласа, что тот намеревается зимовать в Син-

бирске. Узнав об этом, Лепехин также отправляется в Синбирск [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 9: 11–12, 19–19 об.]. Иначе говоря, все свои действия И. И. Лепехин согласовывал с П. С. Палласом.

Исследователи единогласны в том, что П. С. Паллас и И. И. Лепехин своими характерами и ментальностью сильно отличались. Лепехинские описания путешествий заметно выделяются на фоне остальных академических описаний. В его работах точность наблюдений совмещается с красочностью стиля. Если П. С. Паллас и И. П. Фальк не желают отклоняться от прямых задач экспедиции, то Лепехин, зная тонкости языка описываемого населения, вникает в особенности людей, с которыми он беседует. Хотя и у Палласа, и Лепехина много общего, как в плане их возраста, так и в плане получения образования, окружающую природу и своих информантов они воспринимали по-разному.

Например, в рапорте в Академии наук П. С. Паллас пишет: «Уже в последнем рапорте из Пензы я был вынужден посетовать на плохую погоду и ранние холода, однако с тех пор у меня появились еще более веские основания для жалоб. Все мое путешествие из Пензы, откуда я уехал 15 сентября, до Синбирска, куда по причине плохой дороги и ветхости моих экипажей я смог попасть только 22 сентября, оказалось крайне неприятным из-за непогоды, когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем... Внезапно начавшийся затем дождь, смешанный со снегом, сделал путешествие еще несноснее. Непогода и выпавший повсюду глубокий снег также явились причиной того, что в пути я не смог сделать много наблюдений» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 12: 22–24]. И. И. Лепехин о своем прибытии в Синбирск: «Возвышенное место, на котором построен город, имеет великолепной вид, а особливо для высоких церковных колоколен... Город сей пред другими городами, которые нам от Москвы проезжать случилось, гораздо лучше выстроен» [Лепехин 1771: 119].

Несмотря на различие во взглядах и споры (приоритет открытия шиферного угля и первенство обнаружения бивня мамонта), оба исследователя смогли сохранить нормальные деловые отношения.

На самом деле, «Лепехинское описание путешествия заметно выделяется из всех остальных описаний академических путешествий 1768–1774 гг. Прежде всего читателя поражает сочность и красочность языка исследователя, сюда необходимо добавить

удивительную точность наблюдений... Другие исследователи (Паллас и Фальк) не воспринимали некоторых тонкостей, возможно, из-за незнания языка, а может быть, потому, что это не входило в прямые обязанности естествоиспытателя» [Гуркин 2011: 191].

Как верно заметил С. А. Токарев, «бросается в глаза одна черта — простота и скромность рассказа, без всяких высокопарных фраз. Такой просторечный стиль изложения даже несколько шокировал тогдашнюю академическую публику. Путешественник пересыпает свой рассказ пословицами, меткими словечками, шутками, сохраняя все же неизменно тон серьезного повествования о виденном» [Токарев 2015: 122].

Роль В. Г. Орлова в организации экспедиции. К Академическим экспедициям второй половины XVIII в. в целом и к Поволжско-Оренбургской экспедиции в частности прямое отношение имеет граф Владимир Григорьевич Орлов. Во-первых, Орловы в ходе переворота в 1762 г. возвели на престол Екатерину II вместо ее мужа, императора Петра III. С тех пор братья Орловы стали приближенными к императорской особе. Во-вторых, В. Г. Орлов был назначен директором Петербургской академии наук. В-третьих, Екатерина II подарила братьям Орловым имения в Синбирской и Самарской губерниях. Направление Академической экспедиции именно на эти места не было случайным. Следует учесть и то, что после своего путешествия по Волге Екатерина II пишет директору Академии наук В. Г. Орлову о необходимости снаряжения экспедиций в Поволжье.

Как отмечал внук графа В. Г. Орлова, его дед, «принадлежа, по своему рождению и воспитанию, к высшему общественному и придворному кругу, он имел, однако, более влечения к жизни деревенской и к сельской среде; западная цивилизация сливалась в нем с величием национальных чувств» [Орлов-Давыдов 1908: 301].

Не случайно и то, что Екатерина II во время путешествия по Волге в 1767 г., за год до Лепехина, значительное внимание уделила Орловым и их имениям, в которых она останавливалась и прогуливалась по дубовым рощам. В Синбирской губернии она посетила старшего из братьев Орловых — Ивана Григорьевича. «Так как владелец не успел еще выстроить для себя приличного помещения, то для приема Государыни были построены им две русские избы, соединенные между собою галереей и украшенные гербами и раз-

ными эмблемами. Императрица прожила в этом сельском приюте два дня» [Сборник 1868: 146]. Будучи в имении Григория Григорьевича Орлова, императрица пишет своему канцлеру Н. И. Панину восторженное письмо: «Сия деревня в шести верстах от пригородка Маинск, которой отчасти брату вашему принадлежит, а он, я чаю, и от роду в нем не бывал; а мы вчерась его луга потоптали. Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще не видали; по лесам же везде вишни и розаны дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядах не видят; одним словом, сии люди Богом избалованы. Я от роду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии» [Орлов-Давыдов 1908: 328].

Об удивительно прекрасной природе Среднего Поволжья и о влюбленности Владимира Григорьевича в этот край писал и его внук. По словам В. П. Орлова-Давыдова, граф не только заботился о хозяйственном устройстве усольского имения, он им наслаждался и гордился. Будучи директором Академии, он поручил ученым исследовать Усольскую местность с научной точки зрения. А население Усольской округи было предметом постоянной заботы Владимира Григорьевича [Орлов-Давыдов 1908: 349–350].

Следует также обратить внимание, что «Инструкцию для отправленных от Императорской Академии наук в Россию физической экспедиции» подписал В. Г. Орлов [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 83: 8 об.]. Он также принимал активное участие в подготовке маршрута, хотя, будучи директором Академии наук, он мог и не заниматься вопросами инструктажа.

Из экспедиции Паллас и Лепехин слали свои рапорты в Академию наук. Как известно, их пути следования часто совпадали, и они вынужденно оказывались в одних и тех же пунктах. В связи с этим иногда возникали недоразумения по поводу приоритета в открытиях. В таких случаях директор Академии наук В. Г. Орлов советовал обоим руководителям отрядов конфликт окончить миролюбиво и желал дальнейших успехов в полезных открытиях [Орлов-Давыдов 1908: 390].

Кроме того, отец Лепехина также мог быть из Синбирской губернии. Во всяком случае, отец И. И. Лепехина был связан с синбирскими землями. Он имел там владения. Как установлено современными родственниками И. И. Лепехина, дед И. И. Лепехина, С. Лепехин, был однодворцем Синбирского уезда и землевладельцем там стал

в 1690-е гг. Сын его — солдат Семеновского полка — покинул родные края в 1700-е гг. Все Лепехины происходят из Дедиславля Тульской губернии, который стали покидать со второй половины XVI в.

Не случайно и то, что главные фигуры Академической экспедиции 1768–1774 гг., П. С. Паллас и И. И. Лепехин, большую часть своего времени провели в г. Синбирске и Синбирской губернии. В качестве такой причины называют то, что здесь оказалось много интересного для исследовательских целей, были задержки из-за лошадей, экипажи ломались чаще, а дороги были плохие. Но так было в любом другом регионе.

В целом факты говорят в пользу того, что фигура В. Г. Орлова оказала значительное влияние на выработку и корректировку маршрута Академической экспедиции по районам Среднего Поволжья.

Работа в Санкт-Петербурге. Прибывающие от П. С. Палласа и И. И. Лепехина ящики с вещами по распоряжению Академической комиссии сначала размещали в зале Конференции. В сентябре 1769 г. профессору ботаники Йозефу Гертнеру было поручено разобрать поступившие из экспедиций вещи и передать для хранения вместе с прочими предметами в Кунсткамеру. В январе и феврале 1771 г. очередные ящики с чучелами птиц, скелетами зверей, присланные из экспедиции С. Г. Гмелиным, И. И. Лепехиным, П. С. Палласом и П. И. Рычковым, были вскрыты и осмотрены [Харатанович, Хартанович 2014: 317, 325].

Сам труд И. И. Лепехина, написанный на основе его экспедиции в Поволжье, опубликован в Петербурге в четырех томах. Первый том вышел в 1771 г. и называется «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году». В этот том вошли материалы, собранные отрядом в Средневожском регионе, в том числе и в Причеремшанье. Автор посвятил свое исследование директору Петербургской академии наук В. Г. Орлову и членам Петербургской академии наук. Рисунки для книг исполнены Михайло Шалауровым. С них были выполнены гравюры. Гравиrowали картины Иван Бугреев и Василий Соколов. В журнале учрежденной при Императорской академии наук Комиссии 15 октября 1770 г. сделана запись об оплате граверам за вырезанные из меди таблицы [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541: 236]. Сохранились также 16 досок, с которых выполнены гравюры к книгам И. И. Лепехи-

на [СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 1. Доски 4–19]. Раскрашивал картины И. Г. Петцольд (Jean Godosroi Petzoldt). В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились реестры и служебные записки о выдаче рисовальщику фигурок «для раскрашения» и его просьба оплатить ему за выполненную работу [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 332: 259–260; Оп. 7. Д. 93: 45].

Экспедиции 1768–1774 г. завершились, сотрудники вернулись на свои рабочие места, однако многие предметы, прибывшие из Поволжско-Оренбургской экспедиции, оставались неразобранными. В октябре 1774 г. П. С. Палласу и И. И. Лепехину от имени надсмотрителя Кунсткамеры С. К. Котельникова дается поручение разобрать привезенные «натуральные и другие вещи» и составить «порядочную опись» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1: 49–49 об.].

В 1786 г. в ежегодном издании «Месяцослов исторический и географический» на 1787 г. опубликованы три статьи, имеющие отношение к обсуждаемой теме. Это «Описание городов Нижегородского наместничества» (с. 42–63), «Краткое известие о Синбирском наместничестве» (с. 64–74) и «Расстояние городов, сел и деревень, где наиболее перемена подвод бывает, по дороге от Синбирска до Кизляра» (с. 75–79). По содержанию нас больше интересует статья о Синбирском наместничестве. В ней кратко излагается структура образованного в декабре 1780 г. наместничества, говорится об основных предприятиях, дающих стране экономическую выгоду. Имеются ценные сведения о народах, населяющих Средневожский край. «В губернии сей жительствоуют россияне, татары, мордва, чувашы, калмыки и персияне, которых по ревизским скаскам числилось в 1782 году 304 854 души; в том числе купцов 323; мещан и цеховых 5609; калмыков 3304; персиян 320; поселенных солдат 3062; государственных крестьян, однодворцев, пахотных солдат и прежних служб служилых людей 136 890; помещичьих крестьян 155 154 души» [Краткое 1786: 70–71]. В конце статьи дается описание городских гербов Синбирского наместничества. Например, на гербе г. Буинска изображена серебряная овца на зеленом поле, что обозначает изобилие здесь этого вида скота.

По мнению Т. А. Лукиной, статья «Краткое известие о Синбирском наместничестве» принадлежит И. И. Лепехину. Она в этой связи писала: «Лепехин посетил эти места в 1768 г., поэтому он очень живо, по личным воспоминаниям, описал и реки нового

наместничества, и большой черный лес на берегах Суры, и виденные им фабрики и заводы» [Лукина 1965: 111–112].

Все это так. Но по поводу этой анонимной статьи имеются и другие соображения. Так, в каталоге книг XVIII в. в качестве автора данной статьи указан Н. Я. Озерецковский. Хотя автор указан в квадратных скобках, тем не менее нет утверждения, что статью написал И. И. Лепехин. К тому же Н. Я. Озерецковский являлся составителем «Месяцослова» [Сводный 1966: 220]. Библиографическим редактором каталога выступил А. С. Мыльников, работавший тогда в Публичной библиотеке.

Дискуссионность вопроса об авторстве статьи подогревается еще и рядом обстоятельств. Ко времени публикации в «Месяцослове» статьи о Синбирском наместничестве существовали рукописи с аналогичным названием и содержанием. Оригиналы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве. Укажем источники: «Топографическое описание городов губернии Синбирской. Сочиненное надворным советником Масленицким. 1783 года» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19024]; «Топографическое описание Синбирского наместничества вообще, сочиненное из доставленных сведений от комендантов, городничих и нижних земских судов с дополнением исторических известий против запросных пунктов от кабинета Ее Императорского Величества 1785-го года» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19025]; «Топографическое зписание губернии Синбирской. Вообще и порознь городов и уездов и обитающих в ней иноязычных народов по запросным пунктам от Кабинета ее императорского величества 1784 года. Сочиненное из доставленных сведений о городах от городских магистратов обще с комендантами и городничими, об уездах от нижних земских судов и от разных присутственных мест с приобщением историческим касательного до с траны здешней, надворным советником Тимофеем Масленицким 1785 года» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026]. Все эти рукописи представляют солидные исследования, не потерявшие свою актуальность и на сегодняшний день. Солидны они и по объемам. Например, Дело № 19026 занимает 450 полноформатных листов. Материалы собирались по поручению Кабинета Ее Императорского Величества, т. е. по личному поручению Екатерины II, правившей Россией в 1762–1796 гг. На рукописи имеется пометка другим почерком: «Получено февраля 12 дня

1786 года». Конечно, это дата получения рукописи заказчиком — Кабинетом императрицы. Другими словами, в феврале 1786 г. рукопись о Синбирском наместничестве поступила в Петербург. Тогда как раз начинается подготовка к изданию «Месяцослова» на 1769 г. О том, что так называемая рукопись Масленицкого стала основой анонимной статьи «Краткое известие о Синбирском наместничестве», свидетельствует и совпадение их содержаний. Соответствует и очередность перечисления городов Сибирской губернии. В свою очередь, Г. Т. Масленицкий в представленную императрице рукопись поместил очерки К. С. Мильковича «О чувашах», занимающие листы с 233 по 308.

Составитель рукописи, хранящейся в РГВИА, Тимофей Григорьевич Масленицкий происходил из дворянского рода. В 1791 г. «Древняя Российская вивлиофика» поместила часть рукописи под названием «Краткое топографическое описание Синбирской губернии» [Масленицкий 1791: 201–216]. Капитон Сергеевич Милькович — синбирский землемер, автор первого этнографического очерка о чувашах. По содержанию его очерк по всем аспектам превосходит отрывочные сведения, содержащиеся в трудах этнографов XVIII в. (Ф. И. Страленберг, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, П. И. Рычков, И. Г. Георги, П. С. Паллас, И. И. Лепехин). До сих пор исследователи пользовались вариантами публикаций этого сочинения, фактически представляющими поздние, сильно искаженные списки. А биография самого К. С. Мильковича практически не была известна. Рукопись «О чувашах» была создана в 1783 г., когда К. С. Милькович работал землемером в Синбирском и Буинском уездах. Я ознакомился с ней и получил копию с нее в 1983 г., будучи аспирантом Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. В начале очерка Т. Г. Масленицкий указывает: «Г. Буинской уездный землемер Капитон Милькович прошлого 1783 г. доставил ко мне сочиненное им о народе чувашском следующее сочинение...» Впервые очерк К. С. Мильковича без указания автора в отрывочном и сильно искаженном виде был опубликован в журнале «Северный архив» в 1827 г. [Милькович 1827: 47–67, 120–139, 210–232]. Но и в таком виде статья вызвала удивление знанием автора жизни и быта чувашей и других народов. Позже его труд публиковали то как сочинение неизвестного автора XVIII в., то приписывали Т. Г. Масленицкому. К. С. Мильковичу принадлежит ряд

других сочинений о чувашах, мордве и татарах Сибирской и Казанской губерний. Из биографии К. С. Мильковича в ходе архивных разысканий стало известно следующее. Происходит он из дворянского рода. 20 февраля 1766 г. становится солдатом лейб-гвардии Семеновского полка, служит в Санкт-Петербурге. В 1768 г. ему присваивается звание капрала, а с 1 января 1773 г. он выходит в отставку в звании прапорщика. Затем служит на секретарской должности в г. Тихвине. С 26 июня 1776 г. по 30 мая 1785 г. — уездный землемер по Буинскому уезду Сибирской губернии. Именно в этот период он и собирал этнографические сведения преимущественно о буинских чувашах. Он также служил землемером (в том числе лесным) в Чистопольском, Мамадышском, Козьмодемьянском уездах Казанской губернии (1790-е гг.) и Уфимском уезде (1804), одновременно занимался описанием корабельных лесов. В 1785 г. становится губернским секретарем, а в 1797 г. ему присваивается чин титулярного советника. Последние годы жизни прожил в Оренбургской губернии. Отец Капитона, поляк Сергей Милькович, был воеводой г. Цивильска Казанской губернии. Брат Капитона Сергеевича, Василий, проживал в г. Ставрополе Сибирской губернии, состоял предводителем в дворянской опеке и имел чин коллежского советника. Владел 60 дворами в д. Зеленовке.

Как видим, в 1786 г. и И. И. Лепехину, и Н. Я. Озерецковскому, и другим петербургским исследователям были доступны рукописи о Сибирском наместничестве. Все основные сведения, приведенные в анонимной статье «Краткое известие о Сибирском наместничестве», содержались в рукописи К. С. Мильковича. Поэтому можно утверждать, что статья в «Месяцослове» от 1786 г. составлена по рукописи К. С. Мильковича.

Тем не менее у нас пока нет твердых оснований отдавать приоритет авторства статьи «Краткое известие о Сибирском наместничестве», опубликованной анонимно в «Месяцослове» в 1786 г., ни К. С. Мильковичу, ни Т. Г. Масленицкому, ни И. И. Лепехину, ни Н. Я. Озерецковскому. Мы имеем дело с комбинированной компиляцией.

Часть научного наследия И. И. Лепехина находится за границей. Например, 1 марта 1799 г. Академию наук посетил жених великой княгини Александры Павловны, эрцгерцог австрийский Иосиф. Ему представили академиков, которые провели его по всем

департаментам и показали Большой Готторпский глобус. «Гостю были поднесены последние Генеральные карты России и полный экземпляр отчетов о путешествиях С. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги, Н. Я. Озерецковского, И. П. Фалька и И. А. Гильденштедта» [Харатанович, Харатанович 2014: 428].

Награды. 8 апреля 1771 г. И. И. Лепехин был избран академиком Петербургской академии наук по естественным наукам.

В 1783 г. учреждается Российская академия (не путать с РАН). В этот же год И. И. Лепехин был назначен ее непременным секретарем. Он становится первым, кто удостоился ежегодной Золотой медали Российской академии. Правда, члены Академии решили дать эту медаль Президенту Академии Е. Р. Дашковой, но она уступила И. И. Лепехину. В 1790 г. Иван Иванович, будучи ректором Академической гимназии, награжден орденом Св. Владимира IV степени.

Имеются сведения от 10 февраля 1802 г. о награждении И. И. Лепехина Орденом Св. Анны II степени. Но на торжественное мероприятие, намеченное по этому случаю, он не смог явиться из-за тяжелой болезни. 6 апреля 1802 г. Иван Иванович скончался [Смагина 2006: 138].

Выводы. Дневниковые записи и прогонные ведомости И. И. Лепехина позволили составить список населенных пунктов, в которых побывали члены экспедиции. Они работали на территориях современных Оренбургской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и Республики Татарстан. Больше всего была обследована Самарская область. На современной карте, это десять районов Самарской области. Кроме того, член отряда И. И. Лепехина Н. Я. Озерецковский совершал автономные поездки на некоторые болгарские городища.

В целом Академическая экспедиция на Среднее Поволжье под руководством И. И. Лепехина внесла значительный вклад в освоение изучаемого региона. Именем ученого зоологи назвали два милых создания природы: это красная божья коровка *Chrysomela Lepeschini* и шустрый кузнечик *Gryllus Lepeschini*. Должно быть, коллеги имели в виду не только научные заслуги, но и натуру Ивана Ивановича Лепехина.

П. С. ПАЛЛАС В ПРИЧЕРЕМШАНЬЕ

Вторая половина XVIII в. — это время активной колонизации свободных и к тому же плодородных черноземов Среднего Поволжья. Россия открывала сама себя. Надо было познать и окраинные территории, и людей, населяющих их. Если Петр I ставил задачу расширить страну-матушку, пролить свет просвещения на мрачные поселения, то Екатерина II продолжила идеи первопроходца, стала заполнять белые пятна на карте России. Однако для освоения новых территорий с пользой как ради материальной пользы, так и ради духовной нужно было заселить их достаточным количеством населения. Притом трудовое население должно быть не крепостным, а свободным. Так появились на Средней и Нижней Волге государственные крестьяне. В первое время попытались населять эти места казаками. Однако те, хотя и несли службу на сторожевых постах, нередко сами стали выходить на дороги и грабить проезжающих.

Колонизация не колониализм, они разные, как реальность и идеологема. Феномену колонизации свойственны освоение пространства и социальные взаимодействия. Колонизация затрагивает «глубинные социальные структуры и ценности, преобразуя общества и генерируя новые реалии» [Головнёв 2015: 8–10.]. Она создает поле интенсивной коммуникации и здоровой конкуренции и таким образом закручивает гонку положительных преобразований. Не удержусь сказать, что колонизация дает людям положительные эмоции. Конечно, в перспективе пружина этого процесса непременно займет движение в обратном направлении.

В середине XVII в. в Восточной Европе строится оборонительная линия длиной в две тысячи километров. Засечная линия протянулась от западных границ до Волги. На Средней Волге оборонительная линия завершалась Карсуно-Синбирской засечной чертой. В 1648 г. был построен город-крепость Синбирск. Система укрепле-

ний представляла собой высокие земляные валы со рвами, заполненными водой. На открытых местах ставились крепости. Параллельно шла колонизация местности в бассейнах рек Волги, Свияги, Суры.

Однако переселенцы не ограничивались только пожалованными землями. Они, по возможности, захватывали расположенные рядом свободные земли или земли, принадлежащие коренному населению (мордве, чувашам и татарам). Не церемонилось и местное население. Оно сопротивлялось, как могло. Так, в Синбирском уезде участок при деревне Шланге «был самовольно захвачен 18 беглыми из разных уездов Казанской губернии чувашскими крестьянами во главе с Крымкой — сыном Ивашевым. Они уже построили на захваченной земле свои лачуги, распахали пашни, посеяли рожь» [Громова 2010: 47]. В итоге на этом месте возникла чувашская деревня Крымово.

Именно колонизация (т.е. освоение и заселение) земель своего же государства была глобальной задачей Академических экспедиций второй половины XVIII в. Не зря они инициировались самой Екатериной II, а контролировались Кабинетом Ее Императорского Величества. Поэтому перед оренбургскими отрядами стояли поистине важные государственные задачи.

П. С. Паллас, прибывший из Берлина в Санкт-Петербург 30 июля 1767 г., в Академии занимал должность профессора «истории натуральной» с жалованьем 800 рублей в год. (В XVIII в. академиком Академии наук называли профессорами, и было не обязательно, чтобы они занимались студентами.) В связи с выездом в экспедицию Палласу было добавлено еще 300 рублей «с тем, чтобы по приезде своем в Петербург сообщил наблюдения свои Академии» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 305: 91об. — 92, 96; Д. 537: 130–131]. Для нужд экспедиции под началом профессора Палласа в мае в Ямскую канцелярию было заказано 16 подводов. Кроме того, его экспедиция для преодоления расстояний от пункта к пункту обеспечивалась местными властями подводами. Для этого ему выдавались документы, обеспечивающие беспрепятственное удовлетворение его экспедиционных задач. Такие бумаги писались от имени императрицы и скреплялись соответствующей сургучной печатью. Например, в Синбирск и от Синбирска ему и егерю его отряда Илье Фомину (солдату из Синбирского батальона) выдали по одной подводе [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 9а: 7].

Изначально отряд П. С. Палласа состоял из рисовальщика Николая Дмитриева, помощника библиотекаря при Библиотеке и Кунсткамере в качестве чучельника Павла Шумского, академических гимназистов Василия Зуева, Антона Вальтера и Николая Соколова [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 539: 146 об. — 147]. Что касается ученика Николая Дмитриева, то его работы профессор Паллас оценивал как «искуснее протчих», а в декабре 1767 г. хлопотал об увеличении ему жалованья [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 309: 201].

Экспедиция под руководством П. С. Палласа планировала, в частности, проехать по маршруту «из Петербурга в Москву, оттуда город Володимер, из сего в Муром, а из Мурома в Арзамас, из сего в город Алатырь, потом в Синбирск. От онаго осмотреть места по реке Черемшану» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1: 1]. Из маршрута передвижений можно определить, что Паллас возвращался в некоторые деревни по нескольку раз, например, в Якушкино.

Первая часть Академической экспедиции П. С. Палласа охватывает период с июня по декабрь 1768 г. Его отряд отправился из Санкт-Петербурга 21 июня 1768 г. 22 сентября прибыл в Синбирск. В декабре он посетил остатки бывшей столицы Булгарии, что в 80 верстах к северу от Синбирска [Vasmeister 1772: 94; Wendland 1992: 99].

Населенные пункты Среднего Поволжья, которые обследовал отряд Палласа, расположены в бассейне реки Черемшан. Ныне они входят в Ульяновскую, Самарскую, Оренбургскую области и Республику Татарстан. Примечательно, что именно в этом регионе до сих пор проживает основная часть некрещеных чувашей. Они продолжают непрерывную традицию дедовских праздников, обрядов и верований. С этой точки зрения материал, запечатленный отрядом П. С. Палласа, для этнографов представляет уникальный источник для исследований. Однако наследие академика П. С. Палласа до сих пор остается не до конца освоенным.

Причеремшанский дневник охватывает период с 28 сентября по 11 октября 1768 г. Он был начат в современном пгт Чердаклы Чердаклинского района Ульяновской области и заканчивался в с. Спасском Бугульминского района Республики Татарстан. В книгах расходов отмечено, в частности, посещение таких населенных пунктов Причеремшанья, как *Spaskoe*, *Melekes Tschuwaskhkoj*, *Jakuschkina*, *Malikla*, *Karmala*, *Biliar-Ozero*, *Aphonkina*, *Kurmyschi*,

Buhulma, Mikuschkina, Tscherdakly [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 6: 9–10]. Притом 5 октября Паллас их описанием занимался особенно усердно: вместо обычных коротких записей он заполнил сразу несколько листов мелким почерком. Ныне эти населенные пункты в основном входят в Нурлатский район южной части Республики Татарстан. В деревнях, входящих ныне в Нурлатский район, П. С. Паллас задержался на две недели.

Из доклада архивариуса Академической конференции Иогана Унгебауера от 15 апреля 1771 г. узнаем, что рисовальщик при академике Палласе (т. е. Николай Дмитриев) «сошел с ума, и совсем не в состоянии исправлять свою должность» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2: 95]. Долго мучился Паллас с непослушным и сумасбродным Дмитриевым: уговаривал, заставлял, а затем отправил в Санкт-Петербург в сопровождении солдата. Уволить из Академии его удалось лишь в 1775 г. [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 94: 44; Оп. 32. Д. 13: 171–173]. Присланный из Москвы вместо Дмитриева рисовальщик Макраусов «по неспособности к делу отпущен от экспедиции обратно», а на место Макраусова вскоре приняли рисовальщика Ничмана [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2: 170]. Поэтому теперь трудно даже предполагать, является ли Николай Дмитриев автором рисунка чувашской женщины в традиционной одежде.

Чучельник Антон Вальтер 9 января 1772 г. написал заявление с просьбой освободить его от дальнейшего участия в экспедиции. Что касается чучельника Шумского, то он и вовсе умер примерно в феврале 1773 г. [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2: 111–111 об., 139–139 об.]. Само собой приходит на ум сравнение шестилетней экспедиции П. С. Палласа с подвигом и трагедией Д. Г. Мессершмидта.

Укажем на два важных, но пока не опубликованных документа по экспедиции: фрагмент из дневника академика П. С. Палласа и выписку из шнуровой книги с записью расходов на прогоны. Эти документы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 6: 20–20 об.; Д. 11: 92–99]. Дневник написан П. С. Палласом на немецком языке и представляет собой книгу в твердом переплете. Его полное название — «*Tagebuch der auf Allerhöchsten Kayserlichen Befehl von der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften unter dem Professor Pallas nach dem Orenburgischen Gouvernement und einem Theil von Sibirien abgefertigten Physikalischen Expedition. Auf das 1768ste Jahr*». На верхней

крышке переплета синим карандашом написано: «Дневник Палласа», на корешке стоит надпись чернилами: «Pallas 1768». Географические названия П. С. Паллас записывал в дневнике по-немецки и по-русски. Второй документ ≈ выписка из шнуговой книги П. С. Палласа. В деле хранятся две редакции: на немецком и русском языках. Они обе прошнурованы и представляют собой тетради. Немецкий документ вложен между двумя первыми листами русского. Он озаглавлен как «Выписка из шнуговой книги, в которой означены все путевые расходы, как то прогонные, также употребленные на починки и на другие мелочи, деньги». Документ состоит из трех частей («Приход», «Расход» и «Балансовый счет»), каждая из которых подписана Палласом.

31 июля 1774 г. П. С. Паллас и участники академической экспедиции — студенты Василий Зуев, Никита Соколов, Иван Быков, Михайло Лебедев и рисовальщик Ничман — прибыли в Санкт-Петербург [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13: 187]. Отряд П. С. Палласа внес огромный вклад в дело становления этнографической науки. По сути, члены экспедиции уезжали натуралистами, а вернулись этнографами. Они же заложили фундамент сравнительно-исторической методологии в России [Головнёв, Киссер 2015: 59,64]. За «труды и тщание» академик Паллас в 1778 г. был удостоен Золотой медали Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 32: 1]. Позже два участника Черемшанской экспедиции, Василий Зуев и Николай Соколов, стали академиками.

В итоге в Кунсткамеру была передана коллекция предметов, относящихся к одежде народов Поволжья. Палласом впервые были зафиксированы традиционные занятия и верования народов, населяющих бассейн реки Черемшан. Публикации с целью выявления маршрута отряда П. С. Палласа в целом имеются [Сыгин 2014: 289–292; Васюков, Дронин 2015: 5–13], но, к сожалению, в них вкрались неточности. Например, неверно идентифицированы современные названия населенных пунктов: д. Вышняя Поляна — вместо с. Вишневая Поляна, д. Тейбу — вместо с. Старая Таяба, д. Димская — вместо с. Татарская Дымская и т. д. Пункты некоторых остановок остаются невыясненными до сих пор. Например, пока не определено точное место Серполинского рудника, хотя удалось выяснить, что он находился в 20 км южнее от Богословского месторождения и принадлежал купцу Г. И. Глазову. Следует также уточнить сведения о Кашкадаровском руднике.

В настоящее время в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранятся следующие коллекции П. С. Палласа: № 828 (фонды Сибири), № 719, 741 (фонды Восточной Азии), № 766 (фонды Европы).

В этот раз проанализируем причеремшанскую часть дневника профессора П. С. Палласа. Здесь он был целиком занят изучением татар, чувашей, мордвы и русских, живущих в бассейне реки Черемшан. Именно в эти месяцы П. С. Паллас собрал бесценный материал о рудниках, полезных растениях, археологических памятниках, об одежде, обрядах и верованиях. Они оказались самыми первыми (притом самыми достоверными) источниками, зафиксированными в Причеремшанье.

Одежда. Несмотря на имеющиеся фрагментарные описания коллекции П. С. Палласа по чувашам в фондах МАЭ РАН, пока нет цельного анализа истории собирания, содержания предметов и осмысления их семантики.

На сегодня в фондах Европы МАЭ РАН мы имеем коллекцию № 766. Она состоит из 11 предметов, из них мордовских — 4, чувашских — 3, башкирских — 2, марийский — 1. Архивные источники, путевые записи и сочинение самого Палласа подтверждают утверждение о том, что эти вещи «вывезены Палласом из местности, расположенной по течению реки Черемшана» [Крюкова 1949: 154]. Я бы даже сказал более конкретно — имеющиеся три предмета в МАЭ РАН, судя по записям самого Палласа, вполне могли быть приобретены в с. Якушкине. Кстати, именно в с. Якушкино прибыл отряд И. И. Лепехина 28 августа 1768 г. [Лепехин 1771: 121, 131]. По характеристике И. И. Лепехина, здесь простирались обширные и тучные поля по луговой стороне, а по правую сторону — перелески, покрытые дикими розами. Если учесть, что П. С. Паллас и И. И. Лепехин согласовывали маршруты, то для них обоих этот населенный пункт имел особое значение.

8 мая 1772 г. в Кунсткамеру от П. С. Палласа через Г. Ф. Миллера из Москвы поступило «платье разное татарское, мужское и женское» [Хартанович, Хартанович 2014: 328]. Эту дату можно принять за время поступления чувашской коллекции одежды, собранной на р. Черемшан. Однако нужны уточняющие разыскания: возможно, образцы чувашской одежды вполне могли поступить и раньше. Например, известно, что 30 апреля (11 мая по новому стилю) 1769 г.

Г. Ф. Миллер в письме И. А. Эйлеру писал о пересылке из Москвы в Академию наук отчетов и коллекций П. С. Палласа и И. А. Гильденштедта [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 53: 42–42 об.]. 10 октября 1774 г. от имени Комиссии, учрежденной при Академии наук, было констатировано, что присланные в Кунсткамеру из разных экспедиций вещи еще не разобраны. Поскольку господа академики, бывшие в академической экспедиции, уже вернулись, им надо было заняться разбором вещей и составлением списков. Рапорт подписал надсмотрщик Кунсткамеры С. К. Котельников. А 17 октября Палласу и Лепехину были вручены копии из журнала Академической комиссии с поручением разобрать привезенные «натуральные и другие вещи» и составить «порядочную опись» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1: 49–49 об.]. В отделе учета МАЭ сохранилась запись о регистрации 11 предметов, включающих одежду и головные уборы. Народности — мордва и чуваша. В журнале регистрации также отмечено, что эти вещи в Кунсткамеру поступили от П. С. Палласа [МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 7: 766]. Сохранилась опись коллекции, составленная в 1911 г. Б. Е. Петри. Следует полагать, что это всего лишь сохранившаяся часть экспедиционных собраний. Должно быть, имелся более длинный список, составленный самим П. С. Палласом. О неудовлетворительном состоянии музейной документации по коллекции П. С. Палласа исследователи уже писали. В частности, этикетки были сняты с вещей и помещены в опись, но номера на этикетках не всегда совпадают с номерами предметов в описи. Например, рубаха под № 766–1 ошибочно зарегистрирована как мордовская. К тому же надпись «766–1» на этикетке выполнена позже другими чернилами и другим почерком. П. Л. Белков, сличая почерк на этикетке с почерком О. П. Беляева, пришел к выводу, что этикетку данной рубахи заполнял О. П. Беляев (выражая искреннюю благодарность Павлу Людвиговичу за подсказку). Осип Петрович работал в Кунсткамере с 1783 г., умер в 1807 г. Выходит, надпись на этикетке была сделана именно им в период с 1783 по 1807 г. А в 1911 г. Бернгард Петри дополнил текст этикетки пометкой «766–1», что отчетливо видно и по почерку, и по более жидкой туши. Что касается мордовских вещей из коллекции № 766, то в отделе учета МАЭ удалось найти запись, согласно которой три предмета мордовских предмета (одежда и украшения) в 1903 г. зарегистрировал Л. Я. Штернберг [МАЭ. Отдел учета. Инвентарь коллекциям].

№ 766–1. Рубаха холщовая туникообразная, стан сшит из трех полотнищ — одного среднего и двух боковых. Однако нагрудная часть рубахи отрезная, вставленная как бы в срединное переднее полотнище (размер нагрудника 34×42 см). В боковые полотнища вставлены клинья. Вырез для шеи круглый, разрез на груди прямой (длина 26 см). Вся верхняя часть рубахи положена на грубую холщовую основу. Рукава длинные (55 см), слегка суживающиеся к запястью. На каждом из рукавов у основания имеются две вставки — четырехугольная ластовка и клин спереди. Швы сделаны ручным способом, суровой нитью. Общая длина рубахи 111 см. Орнаментация в виде вышивки локализована на груди (по разрезу), спине, рукавах и по подолу. Вышивка выполнена синей, красной и желтой шерстью, окрашенной домашним способом. Орнамент в основном геометрический, но с животными и растительными элементами (стилилизация). Нагрудная вышивка сочетается с нашивками шерстяной тесьмы красного цвета ручного плетения, составляющими как бы отдельные орнаментальные фигурки. Широкая тесьма нашита также на соединительные швы стана, на рукава и подол. Подобное сочетание нашивок тесьмы с вышивкой нередко встречается в образцах чувашской одежды. «Одеяние у них так же, как у мордвинок, из толстого холста; вышито пестрою, наипаче синею, красною и черною шерстью, и сделано малым чем отменно» [Паллас 1773: 135–136].

«В противоположность мужской, женская рубашка у чуваш почти не подвергалась русскому влиянию и сохранила до 30-х годов XX в. старые формы, почти совпадающие с изображениями чувашского костюма XVIII века по Палласу» [Гаген-Торн 1960: 30].

В чувашском языке как мужская, так и женская рубахи одинаково называются *кёне*. Согласно П. С. Палласу, «буднишнее домашнее платье чуваше и башкирцы делают обыкновенно из толстого холста» [Паллас 1786: 9]. Женские рубахи, как правило, украшались. Например, по краям на шее и на рукавах делают вышивки, на грудь наносят узор (*кёскё*).

№ 766–10. Головной женский убор *хушту* — круглая шапочка с открытым верхом (диаметр отверстия 12 см), сшитая из шерстяной домотканины, положенной сверху на кусок сыромятной кожи. Шапочка украшена металлическими штампованными бляшками и низками из металлических пронизок и разноцветного бисера.

Орнамент шитья бисером геометрический (ромбы). К шапочке с боков пришиты полосы сыромятной кожи, концы которых сведены так, что получается глухой «подбородник».

«Но чувашская женская кичка [*хушту*. — П.-С. П.], без которой оне и дома никогда не кажутся, так как у татарок, часто унизана старинными серебряными копейками, или оловянными блесками и бисером в несколько рядов, и подвязывается широким ремнем под подбородком... Кичка, не так как татарская, не имеет на челе мыса, и на теме вместе не сшита, но отверстна... Однако есть у них и такие кички, у которых верхушки зашиты наглухо» [Паллас 1773: 136]. *Хушту* женщины надевают на *сурпан* и подвязывают под подбородком ремешком.

Хушту — одно из самых драгоценных украшений чувашской женщины. Основной ценностью являются старинные серебряные копейки и рубли (в том числе зарубежные), кроме того, оно содержит множество оловянных блесков и бисер в несколько рядов. На самом лбу, ниже остова, висят три серебряные монеты (в середине крупная, по сторонам поменьше). На затылочной части также помещены монеты. Верхушка от головы приподнимается на вершок и украшена кораллом. Край *хушту* обвешан цепочкой из бус. Вся свободная поверхность нашивается монетами в виде рыбьей чешуи: вверху — мелкие, вниз идут покрупнее, в самом нижнем ряду уже двугривенные. Например, говорится о варианте в два ряда денег: один ряд из десятикопеечных, другой — из полтинников. Есть упоминания о семи рядах монет или *нухратов* (имитаций). *Хушту* также обвешивается бусами и бусовидными пластинами овальной формы. Кроме того, с *хушту* по всей окружности свисают кисточки из монет. Общее количество монет и имитаций у готовящегося к свадьбе *хушту* бывает 400 штук. В целом *хушту* представляет увесистый головной убор. Учитывая его обильное украшение, праздничную дугу к упряжи лошади сравнивают с *хушту*, принадлежащим богатой невесте.

В новогодних гаданиях олово, получившее на сковороде форму *хушту*, означает скорое замужество. Лишившись покрывала и оказавшись в *хушту* в качестве головного убора впервые, молодая уже в качестве женщины угощает гостей пивом. Все приглашенные участницы-женщины на свадьбу являются в *хушту*. Он входит в женскую повседневную одежду вообще, без него и дома не при-

нято выходить из женского места. Распространяется такое представление и на умерших женщин. Так, в *юпа* родственники пляшут, надевая на голову *хушту* умершей. Более того, чувашки и свое божество *Йёрёх* представляют в *хушту*: наряжая куклу *Йёрёх*, обязательно надевают и данный убор.

№ 766–6. Сзади к *хушту* пришит *хўре* («хвост»), называемый в литературе еще лопастью и затыльником. «А назади пришита к ней длинная лопасть, или затыльник (*ама* [на самом деле речь идет об украшении *хўре* — букв. «хвост», *ама* же размещается в грудной части и имеет совсем другую форму. — *Прим. авт.*]) с унизанным мелкими монетами, или блесками ремнем, который продет под пояс, и на конце обыкновенно бывает вышит разноцветною шерстью с бахромою и с долгими снурками, так, что нарочито тяжелой головной их убор висит до подколенок» [Паллас 1773: 136]. Шьют его из холста, он постепенно суживается к концу. Его размеры: ширина четверть с небольшим, длина — один аршин. Лопасть-хўре на конце вышивается разноцветной шерстью с бахромой и завершается цветными шнурками; унизывается бисером и ушовками. У поясницы хвост продевается под пояс, под верхней одеждой его не видно. В загадках его сравнивают с лубом, висящим за домом, т. е. на спине.

Сурбан (*тастар*) — вышитого полотенца, используемого женщинами как головной убор (см. рис. 1–3 в [Паллас 1773], скорее всего, имелся в коллекции Палласа). При произношении звук *n* выговаривается как полувзвонкий, поэтому русскоязычная литература склонна писать *сурбан*. На изготовление шли крапива, посконь, конопля, лен. Приготовленная нитка ткется на станке. Материал-основа, как правило, шире и длиннее, чем полотно для полотенца и платка. Отличается каноническим оформлением. Основа — белое полотно. По краям — красные тканые полосы. Концы состоят как бы из двух или трех частей. Ближе к концу идет сплошное тканое полотно из красных ниток, но может и отсутствовать. Далее — богатая полоса узора. Завершается пришитой полоской кружева ширины *сурбана*.

Этимология слова восходит к персидскому *сарбанд* (*сар* «голова» + *банд* «завязка», т. е. повязка на голову).

В свадебной обрядности он первый раз фигурирует уже на сватовстве, когда оговаривается количество выделяемых от имени

невесты *сурпанов* в качестве подарка родственникам жениха. Представляет интерес операция с отдельными частями. Если на сватовстве матери жениха через сваху передается целый, то жениху — лишь часть в виде конца *сурпана*. Кроме того, в свадебной песне, исполняемой хором со стороны жениха, есть слова, свидетельствующие об отправлении свахи к девушке «резать сурпан».

Дополнительным материалом к «отрезку от сурпана» является форма развода: муж рвет или режет *сурпан* жены пополам, одну часть оставляет себе, другую отдает ей. После этого оба свободны: она может выйти замуж за другого, а он жениться на другой. Вполне резонно говорить о роли *сурпана* в начале свадьбы как о желании сторон быть двумя половинками одного целого. Здесь два куска можно оценить даже как пароли, находящиеся в распоряжении чужаков, которые предъявляются при встрече. В отличие от этого развод означает разрывание целого на две самостоятельные части.

Сурпан в свадебных сценах может выступать в качестве покрывала для чего-либо. Есть обыкновение на столе у жениха и у невесты иметь хлеб с воткнутой в него стрелой, который покрывается этим головным убором. У жениха пользуются *сурпаном* его матери, а у невесты — *сурпаном* ее матери. Чаще всего именно этот *сурпан* и повязывают молодой на голову. С такой конструкцией в руке — хлеб, стрела (вариант — палка или трезубец), *сурпан* — старший дружка предстает перед стариками и спрашивает себе место за столом.

Одевание на невесту *сурпана* и другой женской одежды происходит в клети (амбаре). Занимается этим золовка жениха.

Основное ритуальное назначение *сурпана* — покрывание волос женщины. Широким полотном обертывали голову так, чтобы не было видно ни одного волоска. Показывать волосы и голые ноги членам семьи считалось неприличным для женщины. Особенно избегали свекра и деверей. Если девушкам позволялось находиться с непокрытой головой, то женщинам это не разрешалось. Без *сурпана* также не принято выгонять скот на улицу, ходить в поле на работу. Распространялось такое отношение и к волосам умершей женщины. Укладывая ее в гроб, обязательно повязывали *сурпан*, а сверху — платок. Более того, даже на заместителя-юпу у женщин полагалось вешать *сурпан*, в чем можно видеть опять желание быть только в этом головном уборе. Позже, когда чувашки на моги-

лах начали ставить кресты, тенденция оставлять на крестах *сурпаны* долгое время сохранялась.

Сурпан не платок, прикрепление его к голове предусматривает иную форму обращения. Во-первых, у него имеются специальные завязки. Во-вторых, по отношению к нему применяется тот же глагол, что и к лаптям, — *сыр*, нюансы которого в контексте с *сурпаном* можно передать словами «обувать», «покрывать», «окружить», «навертывать», «навязывать», «облепить». Основное закрепление *сурпана* делают около ушей с помощью специальных завязок, а оба свободных конца опускают на спину и прикрепляют к тесемкам фартука. Имеются диалектные вариации: если низовые чуваша основную часть *сурпана* наматывают на голову и сверху повязывают платок, то верховые основную длину *сурпана* обертывают вокруг шеи, ибо на голову у них идут лобная повязка *масмак* и платок.

Девушки к замужеству готовят несколько *сурпанов*, ибо ими молодая одаривает своих близких родных, пришедших на свадьбу. Готовясь к *Акатуй* (празднику в честь сева), у молодых женщин, вышедших замуж после прошлого *Акатуя*, собирают *сурпаны*, которые потом служат призами победителям в скачках, борьбе и беге.

Существует специальный обряд «Показ сурпана», представляющий собой первый визит к молодым родителей девушки. В качестве основного гостинца служит пиво. До посещения молодых во дворе у ее родителей временные устройства, называемые *шилёк*, не разбираются, т. е. этот цикл органически входит в свадебную обрядность.

Естественно, *сурпан* — атрибут женщины. В старину легко можно было отличить девушку и женщину, а также невинную и порочную по одному только отсутствию или наличию на голове *сурпана*. Песни парней о желании надеть *сурпаны* на головы девушек с другой улицы говорят об их серьезных намерениях. Раз надев на голову *сурпан*, женщина ни при какой причине (смерть мужа, развод) не может снять его. Здесь не имеет значения: был брак через венчание или без него. Увидев женщину без *сурпана*, ее ловили и обливали ведром холодной воды сорок раз. Если умирала девушка, то к ней в гроб клали приготовленный ею *сурпан*, чтобы на том свете она вышла замуж.

Тот вышитый конец *сурпана*, который жених получил от невесты через сваху, входит в наряд жениха. Прикрепляться он может

в разных местах костюма (на спину, на грудь), а также кладется за пазуху, при этом оставляют конец в наружную сторону. *Сурпаном* может опоясаться молещик при исполнении обряда.

Старые *сурпаны* использовали вместо полотенца, из средней части изготавливали свечи. Для этого вырезали небольшой кусок, скручивали спиралью и обкатывали на воске, предварительно растопленном на сковородке. Более состоятельные семьи на похоронах родственника использовали *сурпаны* вместо вожжей.

Для исследователя культуры представляет интерес название отвала деревянной сохи, который, как и женский головной убор, называется *сурпан*. От угла расположения отвала-сурпана зависит форма грядки. Естественно, в совпадении названия головного убора и части сохи улавливается земледельческий уклад жизни носителей *сурпана*.

Сарй. «Они так же, как мордвинки, украшают себя большими пряжками и нагрудниками, да и висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахрамою, что у них *сар* называется» [Паллас 1773: 136]. См. рис. 1–3: *сарй*, скорее всего, имелся в коллекции Палласа.

«Зри четвертую таб. фиг. 1 и 2. Одевание девиц (фиг. 3) имеет меньше украшения. Они не носят *тастара* [т.е. *сурпан*], и кички у них без длинного затыльника, или лопасти [т. е. *хўре*], и обыкновенно унизаны только разноцветными пронизками: при том же они так, как и бабы, плетут волосы в две косы, и прячут под верхнюю рубашу. Зимую как девицы, так и женщины сверх обыкновенного своего одеяния носят еще старые мужские кафтаны, или шубы, и вышеупомянутые кички [т.е. *хушну*]» [Паллас 1773: 137].

Чувашскому женскому костюму (рубаше и принадлежностям к ней), доставленному из экспедиции П. С. Палласа, суждено было иметь долгую жизнь. Нам теперь доподлинно невозможно доказать, кто же этот художник, первым нарисовавший чувашку в вышитой рубашке. Возможно, первыми пробовали набросать на бумагу палласовские художники Николай Дмитриев и Давид Ничман, возможно, кто-то из окружения И. Г. Георги. Но доподлинно известно, что именно этот костюм фигурирует на гравюрах Христофора Рота, прожившего в Петербурге с 1761 по 1770 г.

Рубаха № 766–1 из фондов МАЭ РАН и гравюры XVIII–XIX вв. В истории XVIII в. много замечательных событий и фак-

тов, относящихся к сбору и изучению этнографии народов России. Ф.И. Страленберг, И.Г. Гмелин, В.Н. Татищев, Тобиас Кёнигфельс, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, А.Л. Шлёцер, И.И. Лепехин, Н.П. Рычков, И.Г. Георги, П.С. Паллас, Дж. Бель, Х.А. Чеботарёв, К.С. Милькович, Т.Г. Масленицкий, епископ Дамаскин-Руднев, М.Д. Чулков вписали непревзойденные до сих пор страницы. Помимо текста, в их трудах имеются бесценные иллюстрации. К тому же эти рисунки не до конца атрибутированы. В этот раз попытаемся пролить дополнительный свет на привезенную П.С. Палласом из экспедиции чувашскую женскую рубаху. Она хранится в фондах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Речь будет идти о платье из коллекции № 766 (рис. 6). Первичную опись составил Б.Е. Петри (1884–1937 гг.). В описи значится, что коллекция поступила в XVIII в. от П.С. Палласа. Среди 11 предметов одежды — холщовая туникообразная рубаха, принадлежавшая чувашской женщине. Образцов чувашской одежды в коллекции всего три. Кроме рубахи, так называемый хвост *хӳре* (№ 6) и головной убор *хушну* (№ 10).

Дневники профессора Петербургской академии наук содержат подлинные факты, которые можно сравнить разве что с фотографиями с натуры. В науке такие сюжеты обычно обозначают терминами *de facto* и *de visu*.

В целом экспедиция была трудной прежде всего с физической и моральной точки зрения из-за продолжительности и, видимо, неадаптированности участников к местным условиям.

Подаренные и приобретенные в экспедиции предметы одежды, как и многие вещи, П.С. Паллас отдал в Кунсткамеру. В Отделе учета МАЭ РАН в списке поступивших коллекций имеется запись, сделанная в 1780 г. Из нее узнаем, что от Палласа поступило 11 предметов. Это одежда (в том числе головные уборы) чувашей и мордвы [МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 7: 39 об.].

Затем множество гравюр выполнялись не только по материалам путевых наблюдений, но и с вещей, имеющихся в Кунсткамере.

«Наиболее оригинальными, первичными следует считать гравюры к труду П.С. Палласа (1773), на одной из которых показаны „чувашанки“: две женщины и девушка в типичных одеяниях XVIII в. Автор составил нехитрую композицию для показа женского костюма спереди и сзади, разместив три фигуры на фоне условного

пейзажа. Основные принадлежности костюма — *хушту* и богато орнаментированная рубаха *кёне* — аналогичны экспонатам, сохранившимся до сих пор в Музее антропологии и этнографии в коллекции Палласа (*кёне*, инв. 766–1; *хушту*, инв. 766–10)» [Орков 1997: 97].

В предуведомлении издателя к книге И. Г. Георги содержится весьма важное замечание: «Все сии изображения представляют народов в их, большею частию, обыкновенных одеяниях, каковые находятся, частию, в Кунсткамере, при Императорской С. Петербургской Академии наук, или изображены известными академическими путешественниками, по России, а частию срисованы с живых подлинников покойным С. Петербургским рещиком г. Ротом... Часть последнюю изображений сих дополнил рещик г. Шлеппер, со всевозможною первого точностию». Как видим, имеется веское основание предполагать, что рисунки в книге И. Г. Георги могли быть выполнены с рубахи, имеющейся к этому времени (к 1776 г.) в Кунсткамере. Если внимательно присмотримся к платью чувашки на рисунке № 14, то непременно скажем, что прототипом ее является рубаха 766–1 из экспедиции П. С. Палласа.

Вот что пишет по этому поводу исследователь народной одежды чувашей Г. Н. Иванов-Орков: «На обоих листах фигуры идентичны изображенным на гравюре из книги Палласа. Гравер не внес почти никаких изменений в изображение костюмов, лишь слегка завуалировал штрихами второстепенные, по его мнению, части, одновременно подчеркнув более существенные. Нижняя часть женской рубахи на виде спереди превратилась под его резцом в длинный узкий передник; орнамент и изображение нагрудной подвески стали более крупными и упрощенными» [Орков 1997: 100].

Рисунки чувашек в книге И. Г. Георги, основой которых стала рубаха 766–1, в дальнейшем стали образцами для множества последующих рисунков. В этот раз отметим только некоторые примеры. См. соответствующие рисунки в разделе «Иллюстрации».

The Costume of the Russian Empire: Illustrated by a Series of seventy three engravings by Jonn Dadley. I.-L.: W. Miller, 1803. 4, III, III, 148 p. Гравюры выполнены Джоном Дадлеем. На рисунке № 12 изображена чувашка в традиционной одежде. Книга переиздана в 1810 г. Сравнительный анализ выявляет идентичность и даже точность рубахи 766–1 и рисунков из книг Палласа, Георги и Лондонского издания 1803 г.

Rechberg Charles de. Les Peuples de la Russie, ju description des moeurs, usages et costumes des diverses nation de l'Empire de Russie. T. I. — Paris: D. Colas, 1812. — 2, 13, 138 p., 47 ill. Сюда включены гравюры, собранные графом Карлом Рехбергом. В книге имеется цветной рисунок, изображающий двух чувашских женщин перед избой. Одна из них держит перед собой мальчика (рис. 5). Художник — Е. М. Корнеев. Опять по раскрою и размещению и стилю вышивок узнаем рубаху из МАЭ РАН.

Несомненный интерес представляет рисунок, помещенный в книгу Карла Лэнга [Lang 1830]. Рубаха на женщине на переднем плане совершенно сходна с рубашкой из коллекции П. С. Палласа и из книги И. Г. Георги. Художник внес лишь незначительные нюансы.

В книге Теодора Паули [Pauly 1862] имеется цветная литография «Чувашка, мордва, черемиска». Гравюра срисована с рисунка Е. М. Корнеева, в свою очередь восходящему к Георги, Палласу и рубахе 766–1. «Нагрудный орнамент трансформировался в сплошную ромбовидную фигуру, стал условным знаком. Головной убор полностью окрашен в несоответствующий оригиналу светло-красный цвет» [Орков 1997: 106].

Еще один рисунок, хранящийся в фондах МАЭ РАН, поступил от художника В. М. Григоровича. Регистрировал Клеменц в 1897 г. [МАЭ РАН. Фонды Европы. Колл. 375]. Рисунок № 375–2 выполнен на холсте масляными красками, изображена группа чувашей. Слева девушка изображена стоящей прямо, рядом девушка стоит спиной. Девушки в холщовых рубахах, украшенных вышивкой, на груди — украшения *шўлкеме*, *сурпан сакки*, в ушах — серьги из монет. Парень в рубахе, вышитой по разрезу ворота. Мужчина, сидящий в верхней одежде со шляпой в руках. Все одеты в лапти. Онучи черные, что говорит об принадлежности в верховым чувашам. На обороте надпись карандашом: «Пензенская губ.». Размер картины: длина 31,5 см, ширина 35,9 см. Сохранность: удовлетворительная. На этом рисунке отчетливо выделяется молодая женщина, опирающаяся рукой на сидящего мужчину. Раскрой и шитье рубахи напоминают уже знакомые штрихи.

Таким образом, рубаха из экспедиции П. С. Палласа послужила прототипом и источником вдохновения многим граверам и художникам XVIII–XIX вв.

Мордовская кичка. В фондах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН предметы, относящиеся к XVIII в., имеют особую ценность. Большой урон нанес Кунсткамере пожар, случившийся в 1747 г. В частности, была уничтожена экспозиция, составленная в основном из предметов, привезенных экспедицией Д. Г. Мессершмидта (1719—1728 гг.). Многолетняя работа по выявлению и изучению коллекций Кунсткамеры, связанных с именами Д. Г. Мессершмидта и П. С. Палласа, позволила впервые идентифицировать считавшуюся сгоревшей в пожаре 1747 г. «кичку мордовскую с серебряными копейками». Такая запись сохранилась в списке, составленном в 1767 г. под названием «Художественные вещи, оставшиеся после пожара, кои расположены по прежнему на галерее Кунсткамерской залы, в третьем департаменте». Опись выполнена студентом Александром Сумароковым (не путать с литератором А. П. Сумароковым) при приеме вещей от библиотекаря Кунсткамеры Осипа Петрова. Источниками для идентификации послужили фонды Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ) и архивная запись [МАЭ. Фонды Европы. Колл. № 766–3; СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2243: 24]. Скорее всего, этот предмет из собраний Д. Г. Мессершмидта [Чистов, Копанева 2015: 94–117]. Об этом же говорит запись, сделанная в 1748 г. в «Каталоге всем вещам и книгам, которые до пожара 5 декабря 1747 г. в Кунсткамере находились» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247: 68, 98 об.]. В шкафу № X под порядковым № 87 значился «головной убор мордовских жен тонкими свинцовыми бляшками и бисером украшенной». В опубликованном до пожара каталоге Петербургского Императорского музея в шкафу № X под № 87 также значился «Мордовский женский головной убор, украшенный бляхами из листового металла и испещренный кораллами» [Musei 1742: Scr. X. N87]. Можно предположить, что предмет был приобретен Г. Ф. Миллером в Казани. Останавливался Г. Ф. Миллер в Казани в 1733 и 1740 г. Но вариант принадлежности Мессершмидту предпочтительнее, ибо Паллас разбирает коллекции Мессершмидта, он же написал большую статью о нем на немецком языке [Pallas 1782: 97–158]. В качестве предположения можно выдвинуть еще одну версию. Так, в 1766 г. в Кунсткамеру поступил «купленный у коллежского регистратора Артамона Иманова татарского манира женской головной убор с перевезми нашитой российскими и азиатскими серебряными денгами жемчугом

и протчим» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 302: 29]. Данный документ хранится в делах Канцелярии Императорской академии наук. Понятие «головной убор татарского манира» не следует воспринимать буквально, ибо татарами называли всех инородцев Казанско-Синбирского региона, в том числе мордву. Но вещь могла быть приобретена и в Татарской слободе (ныне входит в Петроградский район г. Санкт-Петербурга), где с 1705 г. жили приезжие строители из Казанской и Синбирской губерний.

Местом приобретения кички № 766–5, согласно дневнику самого П. С. Палласа, можно назвать один из населенных пунктов по р. Пьяне, а временем — 24–25 августа 1768 г. [Паллас 1773: 81–84. Рис. 2 и 3]. С большой долей вероятности это с. Пилекшево (ныне Перевозского района Нижегородской области). У Палласа зафиксировано как *Pilokschowo*, *Пилокион*, *Пилокшево*, *Пилокишов*.

В отделе учета МАЭ сохранилась запись о регистрации 11 предметов, включающих одежду и головные уборы. Народность — мордва и чуваш. В журнале регистрации также отмечено, что эти вещи в Кунсткамеру поступили от П. С. Палласа [МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 7]. Затем три предмета (мордовские одежда и украшения) из этой коллекции в 1903 г. зарегистрировал (видимо, перерегистрировал) Л. Я. Штернберг [МАЭ РАН. Отдел учета. Инвентарь коллекциям: № 501–3000. 1879–1924 гг.].

При изготовлении мордовской кички № 766–3 (в литературе ее еще называют *панго* («гриб»)) и сорока) использованы шелковая ткань, береста, кожа, холст, шерстяное волокно. Техника — декоративное шитье, тканье и вышивка. Размеры: высота 30 см, холст белый, ширина 39 см, длина 76 см, ткань красная, ширина 41 см, длина 80 см. Сохранность: общая загрязненность. Серебряные монеты на лицевой стороне головного убора имеют утраты: 1-й ряд снизу — 19 монет, 2-й — 19, 3-й — 20, 4-й — 19, 5-й — 19, 6-й — 17, 7-й ряд — 12. Белая ткань с вышивкой повреждена в четырех местах, значительные утраты вышивки. По углам, посередине полотна, по краям и в центре с внутренней стороны имеются кисточки.

Т. А. Крюкова считала, что данный предмет относится к коллекции П. С. Палласа [Крюкова 1949: 139–159]. При этом она ссылалась на сочинение самого Палласа. Однако в фондах МАЭ РАН мордовских кичек две. Обе хранятся в коллекции П. С. Палласа. Вторая, под коллекционным номером 766–5, совершенно

совпадает с рисунком, помещенным в 1-м томе «Путешествий...» Палласа. А вот кичка под коллекционным номером 766–3 в книге Палласа отсутствует. Видимо потому, что она не была привезена Палласом. Будучи в коллекции Д. Г. Мессершмидта, она чудом избежала участи сгореть во время пожара в Кунсткамере в 1747 г. Наиболее вероятной версией следует считать, что кичка № 766–3 в 1740 г. была взята на потешную свадьбу и не возвращена вовремя. Об этом свидетельствует запись обер-секретаря Канцелярии Академии наук Аврама Сверчкова от 1739 г. [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49: 281–285 об.]. В любом случае ясно, что кичка № 766–5 появилась в Кунсткамере после пожара 1747 г., т. к. П. С. Паллас приобрел мордовский женский головной убор в 1768 г.

О кичке № 766–3 Т. А. Крюкова писала: «Один из таких головных уборов, привезенный Палласом, в собраниях МАЭ числится за № 766–3. В регистрационной описи по поводу его значится: „Мордовская кичка. Остов из бересты. Покров из сукна и холста с обшивкой из бляшек и монет“. По кунсткамерной этикетке головной убор обозначен: „№ 1. Кичка мордовская“» [Крюкова 1949: 148–149]. Делая вполне квалифицированное описание, Т. А. Крюкова просто не знала, что предмет уже имелся в Кунсткамере до П. С. Палласа.

Далее она довольно подробно описала музейный экспонат: «Основа составлена из нескольких кусков бересты, сшитых между собой лыком; в середину остова вставлен толстый деревянный прут, согнутый полукругом... В первую очередь идет лоскут толстого белого холста узорного тканья; поверх него натянута полоса сначала синей, а затем красной шерстяной домотканины. На красную верхнюю ткань нашиты рядами (в 7 рядов) резаные серебряные монетки — новгородки, жестяные жетоны и штампованные бляшки» [Крюкова 1949: 149–150].

П. С. Паллас сделал добротное описание окрашивания материй мордвой. Навар для крашения пряжи мордва, чуваша и татары готовили из мха (*Lycopodium complantum*), заячьего мака (*Adonis verna*), полыни и листов чертополоха (*Carduus heterophyllus*). Деревенские жители собирали этот мох, вязали его в пучки и продавали на рынках весьма дешево. Его толкли очень мелко и сыпали в кислый квас. Такие краски имеют хороший цвет к тому же и после мытья не линяют [Паллас 1773: 96, 97, 101]. Притом Паллас отмечал, что в Саранске и в других малых городах внутри государства много женщин,

«которые шерстяную материю красят всякими домашними травами, и обыкновенно в сем деле превосходят деревенских красильщиц».

Таким образом, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН является обладателем и хранителем самого раннего (второй половины XVII — самого начала XVIII в.) образца одежды народов Поволжья.

Верования. Академические экспедиции XVIII в. открыли миру неизвестные страницы сакральной жизни многих народов России. Например, отряд профессора П. С. Палласа, в частности, обследовал Среднее Поволжье. В его архивном наследии и публикациях важное место занимают сведения о традиционных верованиях чувашей. В настоящем параграфе рассматриваются верования чувашей в контексте наблюдений П. С. Палласа.

Киремет. Местами обитания божества *Киремет* являются выделяющиеся на местности локусы. Например, горка на лугу, как остров среди моря. Они обитают в лесах и рощах. Излюбленными местами являются горки с деревьями. Из деревьев наиболее подходящие — береза, липа и вяз. Обычно местность бывает огорожена либо естественным ограждением, либо специально построенным. Свидетель XVIII в. говорит о *киреметах*, расположенных «в отдалении от деревни и обыкновенно подле ключа или речки, приятном и деревьями обсаженном месте» [Паллас 1773: 139]. Однако их смысл расшифровывается в разных контекстах по-разному. Так, некоторые чуваша Буинского уезда, называемые *хирти* «полевые», не имели на некоторых местах *киреметов*-деревьев. В таком случае, разумеется, символами признавались другие объекты (лужайка, возвышенность, овраг, столб). Показательным можно считать пример из Аликовской волости Ядринского уезда. Такое место располагается в стороне от поселений и дорог. Обычное расстояние от деревни — от одной до пяти верст. Существенный признак этих локусов состоит в нахождении их вне культурного пространства деревни.

Ограждения *киреметищ* у чувашей носили преимущественно символический характер. Например, иногда ограждали пряслом. Однако имелись и более сложные строения [Паллас 1773: 139–140; Милькович 1906: 62; Пекарский 1865: 59].

Киреметище нуждается в присмотре, чтобы посторонние или кто-либо несознательный не потревожили божество своим невежественным поведением. Для этого выделяют одного из мужчин,

живущего недалеко от местонахождения *Киремета*. Называют такого человека смотрителем *киреметища*. Его обязанность — охрана, поддержание надлежащего состояния и своевременное моление. Он следил, чтобы с охраняемой им территории никто не брал вещи, не рубил деревьев, не косил травы, не брал денег, не ловил рыбы. Кроме того, смотритель содержит *киреметище* в чистоте, следит, чтобы трава была низкой и ровной. Проверять состояние *киреметища* нужно раз в неделю. Раз в год смотритель перед молением проводит генеральную уборку территории, накануне моется в бане, утром надевает белую рубашку, печет *юсманы*, заворачивает их в платок и идет молиться. У входа он совершает коленопреклонение. Внутри проделывает обычные действия, принятые при молении. Пока не очистили территорию *Киремета*, в деревне никто не приступает к уборке улиц. Иначе, говорят, не будет урожая, а в поле заведется саранча. Должность смотрителя неоплачиваемая, пожизненная. Такое лицо пользуется всеобщим уважением [Паллас 1773: 142]. Последние письменные упоминания о конкретных смотрителях относятся к началу XX в. (д. Ягаткино Ядринского уезда и с. Чурачики Цивильского уезда).

Как уже отметили, *киреметища* — места приятные, обильные деревьями. Такие локусы пользуются почитанием и признаются священными. Проходя мимо, люди снимали шапки и называли божество по имени. Накануне больших молений чистили всю окрестность, родники, с территории выметали сор и сжигали, считая, что этим уничтожают всю нечисть. День моления считается праздничным, нерабочим. По этому случаю мылись в бане и надевали чистое белье. Настроение у всего населения бывает торжественное. Если моление происходит на известном в округе *киреметище*, могут явиться и из дальних деревень. Возвращаются с праздника с песнями [Лепехин 1771: 164; Паллас 1773: 139]. И ныне отдельно растущие деревья-киреметы пользуются сакральным авторитетом: их не рубят, около них не шумят, держатся смирно. Несмотря на жесткие меры Церкви и властей по истреблению мест почитания *киреметов*, их усилия вплоть до конца XIX в. не возымели цели. В архивах Синода сохранилась переписка, свидетельствующая о ревностном отношении чувашей, марийцев и удмуртов к своему божеству. Так, известно совместное моление чувашей и марийцев близ д. Нуктужи Чебоксарского уезда. Узнав о предстоящем мо-

лении, местный священник среди прихожан неоднократно проводил пастырские увещания, сообщил об этом становому приставу и в местное волостное правление, просил, чтобы власти удержали народ. Однако торжество состоялось 13–15 декабря 1860 г. Никто из членов причта не смог увидеть само моление, так как просто побоялись подойти. По той же причине не явились земская полиция и другие представители власти [РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 529: 2–3].

Общесельские и межсельские моления божествам *киремет* обычно проводят раз в год, после уборки урожая с полей, в месяцы *юпа* — *чук*. Можно начинать в любой день, кроме воскресенья и понедельника [Лепехин 1771: 164; Паллас 1773: 139, 141].

Шкуры с крупного скота развешивают на деревья на восточной части *киреметища*, а шкуры баранов накидывают на перекладины, установленные на колья [Паллас 1773: 142; Чеботарёв 1776: 226; Пекарский 1865: 59]. Кости жертвенных животных ломать не принято, их разделяют по суставам. Черепа развешивают на деревья и столбы, а остальные кости в конце обряда сжигают.

Во время моления все кланяются на восток, а в конце становятся на колени и преклоняют головы до земли. Аналогично поступают и в неритуальной ситуации, например, во время нахождения около *киреметища* с лошадьми в ночном [Миллер 1791: 58; Лепехин 1771: 165; Паллас 1773: 141]. Также у удмуртов: во время моления «народ стоял на коленях» [Богаевский 1896: 109].

Киремет — значительный объект в религиозно-обрядовой жизни чувашского народа. Он вызывает весьма противоречивые чувства — от ужаса перед ним до абсолютного почитания его и обращения к нему за покровительством. Жертвенник находился обычно на близком расстоянии от деревни, например, в одной версте. Местность бывает огорожена либо естественным ограждением, либо специально построенным. Четырехугольная площадка обносится забором с человека вышиной, где есть три входа. Согласно наблюдению П. С. Палласа, в середине имеется хижина с дверью на восток. Говорится, что едят там стоя и для того поставлены длинные столы, накрытые скатертями. Согласно легенде, *киреметы* были служителями *Турай*, которых затем тот прогнал за непослушание. Таким образом, они упали в овраги и на поля и остались жить там. Пилить, ломать ветви у деревьев-киреметов не принято. В противном случае божество накажет. Пришедшим на урочище

ни ругаться, ни бранить кого-либо не разрешается, ибо это воспринимается как оскорбление божества. Общесельское моление ему совершалось перед выходом на пахоту.

Святылища и другие наиболее сакральные места у чувашей бывают на полянах, окруженных деревьями. Например, такие локусы служат местом молений *Киремету* и *Турӑ*. Тут же обыкновенно бывает вода (ключ, речка или пруд). Если нет естественных затруднений при подходе, то святилище загораживается специально. Больше других почитаются старые деревья, на них, согласно верованиям, обитают старшие духи и божества, а на других — младшие. Если за основной объект обитания *Киремета* берется холм, то считают, что деревья являются жилищами членов его семейства. На территории Чувашии можно видеть деревья в виде островков и растущие отдельно. Как объясняют старики, это следствие вырубки некогда сплошных лесов, а те, которые остались, почитаются как сакральные, и их боятся трогать. Осмеливающихся трогать священные места людей божества и духи жестоко наказывают, насылая несчастья, болезни и смерть [Паллас 1773: 139; Архив ИИ, колл. 238, оп.2. 145а/82: 1]. Уничтожать такие деревья — значит уничтожить основные объекты почитания, отнять у народа самое ценное и тем самым лишить национального своеобразия. Именно так поступают при насаждении чужой культуры.

Восток. Источники не всегда дают ясное представление о том, в какую географическую сторону обращаются молеельщики: на восток, юг, запад? «По старинному обыкновению сделаны двери на восток» [Паллас 1773: 138]. Такое же расположение дверей зафиксировано в других доступных нам источниках. В них утверждается, что обращаются к двери, значит, на восток, поскольку раньше у всех двери были с востока. По другим источникам, «двери располагаются всегда на полдень» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19025: 22 об.], «чувашские дома... обращены дверьми к югу» [Strahlenberg 1893: 249], хотя имеются и возражения на этот счет. Так, Г. Ф. Миллер, ссылаясь на своего толмача, говорит, что Стралленбергово объявление не подтверждается [Миллер 1791: 9]. Объясняя ориентацию дверей юрт, В. В. Бартольд заметил, что со временем «древнетурецкий культ востока уступил место монгольскому культу юга, и двери юрт едва ли не во всей Средней Азии теперь обращены на юг, а не на восток, как было прежде» [Бартольд 1968: 463]. Согласно этому толкованию, обращение на восток первично, а на юг — вторично.

Места культовых молений и жертвоприношений чуваша устраивали на восточной стороне деревни. Ср.: кладбище — символ иного мира — на западной стороне. Так, *киреметища* в старину обычно располагались в одной версте от селения. Если на западной стороне имеется другое *киреметище*, пусть даже на более близком расстоянии, это место уже принадлежит соседнему поселению. Как это часто случается, сакральность локуса имеет мифологическую трактовку. Так, согласно легенде, записанной в 1913 г. учителем Емелькинской церковно-приходской школы Самарской губернии Николаем Богдановым, основание *киреметища* с. Старое Ганькино объясняется следующей легендой. Идет больной *Туй паттър* от знахаря, а по дороге его догоняет повозка. Хозяин повозки велит *Туй паттъру* собрать народ и рассказать о встрече с ним. Он советует передать просьбу о желании обосноваться на восточной и южной стороне деревни. «Если сделаешь все так, как я сказал, — поправишься», — советует тот. Как выяснилось позже, встречный человек оказался *Киретом*. Люди на мольбище заходят с западной стороны с тем, чтобы постоянно быть лицом на восток. Выходя из дома во двор для исполнения обряда, останавливаются в восточной части дворового пространства [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 115 об.; Лепехин 1771: 163; Паллас 1773: 140].

Как известно, чуваша в старину дома строили дверьми на восток. Позже, с появлением сеней и чуланов, а также плановой организации поселений, двери домов оказались на северной стороне, однако, выходя из сеней во двор, люди опять оказывались лицом на восток. Поскольку в древности моления совершались стоя лицом к приоткрытой двери, выходящей к востоку, впоследствии сохранилось обращение к двери как к символу востока. В хижине *киреметища* дверь также выходила на восток, или восточная сторона стен просто отсутствовала [Паллас 1773: 138, 140].

Рыть могилу начинают с запада в направлении востока. Гроб опускают так, чтобы голова умершего была на западе, т. е. ориентироваться на восток. Такая ингумация находит параллели в южных археологических культурах, например в Древней Колхиде. В то же время погребения абашевской культуры на территории Чувашии не укладываются в правила традиционной культуры чувашей. У них, наоборот, хоронили головой на восток, т. е. взором на запад. Столбы юпа на могилах также ставятся лицевыми знаками на восток [Паллас 1773: 143; Димитриев 1960: 301].

Молеельщик. Естественно, в ритуалах родового уровня (например, в *чўклем* и *мункун*) молеельщик говорит от имени рода и за род. Обычно это самый старший из участников обряда. Как правило, им не оказывается хозяин дома [Паллас 1773: 143]. В случае, если старик не совсем знает слова и порядок, ему подсказывает знахарь, напоминая, кому и за что дальше молиться. В традиционном варианте молеельщик не выделяется и не обособляется от других участников ритуала. В пользу этого говорят и термины, которыми обозначают молящегося: «старик», «старуха», «один старый старик», «старый из них», «умеющий молиться», «разумный старик».

В ходе пристального «вглядывания» в источники и бытующие в «живом виде» ритуалы выясняется, что молеельщик — лицо не случайное, а выборное. Но выборность происходит не путем единожды совершаемого акта, а как бы скрытно от глаз. Выборы осуществляются как бы с молчаливого согласия и одобрения после «предварительного обсуждения» кандидатур. Но после совершившегося факта «выборов» избранный человек признается абсолютно всеми за безусловного ритуального лидера в общине. Его называют «человеком, выбранным для совершения акта молитвословия». О таком лице у чувашей в материалах XVIII в. сохранилось следующее замечание: «...выбранный ими единогласно старшина, который и молитвы читать должен, убивает приготовленную на жертву скотину» [Паллас 1773: 142]. Когда письменные источники говорят о постоянном, раз навсегда избранном человеке, следует учесть, что речь идет по большей части о ритуалах общесельского порядка. Характерно, что все действия выбранного жреца-молеельщика совершались не только с одобрения, но порой с прямого инициирования кругом присутствующих. Иначе говоря, молеельщик, имея титул «абсолюта», в то же время находился под постоянным контролем. Пример из *чўклем*: «Затем все встают на ноги и говорят старику-молеельщику: „Дядя, продолжай“».

Год — *сул*. «Лето и зиму чувашаи сщитают за один год», — говорится в ответах на анкету В. Н. Татищева от 1737–1738 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149: 114]. Существовал ряд значительных обрядовых действий, исполнявшихся в обязательном порядке в течение года. Одни из них посвящались основным божествам, другие — конкретным, третьи — духам предков. Ритуалы в честь всех божеств и духов проводили два раза в год: осенью и весной. Например, пчеловоды после каждой годовой ревизии варили квас и приносили слад-

кий напиток в жертву старому дубу, в дупле которого обитало божество *Йёрёх*. Жертвоприношение сопровождалось пением и пляской. К божествам *Хёртсурт* и *Киремет* необходимо было обращаться персонально. *Хёртсурту* достаточно сварить раз в год кашу, а *Киремету* необходимо совершать более сложные приношения. Согласно сообщению псаломщика Тетюшского уезда Казанской губернии Михаила Андреева, *Киремет* около с. Нюргечи был известен на всю округу, к нему собирались раз в год всем приходом. В ряду известных ежегодных обрядов — *Учук* в начале лета и *чўклем* — обычно глубокой осенью. В обрядовом календаре чувашей важное место занимают родовые сборы в честь духов предков [Паллас 1773: 139]. Ежегодные повторения ритуалов и праздников, конечно же, нужны для возвращения в правремя, чтобы все воссоздать и обновить.

Центр — *варри*. Частым случаем является расположение главного субъекта в центре. Например, сват, вернувшись со стовора, рассказывает об успехах, встав на середину избы. Семейное моление совершается у стола, переставленного в центр избы. Умершего родственника моют, положив на луб в середине избы. В других случаях «центр тяжести» может быть перенесен во двор. Так, действия от падежа лошадей совершаются посреди двора/прясла/хлева. Для этого стелют шкуру лошади и пляшут на ней с рукоплесканиями. Конечно, пляска призвана предотвратить дальнейший падеж скота и утвердить жизнь в широком смысле. В ритуале принесения каши божеству двора центральным местом является горящий на середине двора небольшой огонь. «Среди самого двора ставят жилия их избы, которые никакой пристройки не имеют, как то сеней или чуланов, но двери прямо отворяются на двор» [Паллас 1773: 138, 140]. Аналогичные примеры можно продолжить. Это установление котла в середине прясла, хижина в центре *киреметища*, еда в середине гумна по окончании обработки зерна.

В заговорах описывается столб в центре острова, который, в свою очередь, помещается посреди семидесяти семи морей [Паллас 1773: 141].

Городище Булгар. Самым ранним свидетельством о столице Волжской Булгарии г. Булгар является рукопись Ибн-Фадлана (922). Упоминают его и средневековые путешественники. Имеются такие факты и в документах XVII в. Это писцовые книги, акты генерального межевания, а также сочинение А. И. Лызлова

«Скифская история». В конце XVII в. царь Федор Алексеевич (1661–1682) дает указание описать здания и другие развалины, оставшиеся от столицы Волжского государства.

По истории изучения этого экономического и культурного центра Поволжья имеются публикации. Особую ценность представляет обзор, выполненный казанским археологом [Руденко 2014: 32–37]. Он дает историографию регистрационно-описательского и коллекционного периода, включавшего в себя XVIII–XIX вв.

Конечно, самым важным, поворотным следует считать пребывание здесь самого Петра I. В г. Булгаре он сделал остановку во время Азовского похода. «Великий Государь некоторые здания, как-то столбы и башни, при себе еще приказал вымерять; потом был на древнем кладбище города; он более пятидесяти видел гробниц, или великих на гробах оных каменных досок с надписями на разных восточных языках, показующие различных в нем жительствовавших народов и древность города» [Голиков 1789: 185]. В письме Казанскому губернатору А. П. Салтыкову он написал: «В бытность Нашу в Булгаре видели Мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь, того для пошлите туда ныне человек двенадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно есть; а также мост и старое по времени вели починить» [Голиков 1789: 194].

В XVIII в. в г. Булгаре неоднократно производились перестройки. Так, в 1732–1734 гг. на месте Ханского двора и Соборной мечети был построен Успенский монастырь. Под фундамент использовали надгробные плиты.

В 1767 г., за год до экспедиции П. С. Палласа, городище Булгар посетила Екатерина II. В частности, она написала: «Ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецкие минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей» [Екатерина II 1906: 505]. Конечно, относительно Тамерлана (Тимура; 1336–1405 гг.) императрица ошибалась. Тамерлан по отношению к г. Булгару является не строителем, а разрушителем. Изначально г. Булгар в виде юрт был основан отцом Алмуша, ханом Шилки (Силки) еще в IX в. А точнее — еще во второй половине VIII в. здесь обитали предки Алмуша.

При Алмуше начинают появляться деревянные и первые каменные строения. Нашествие Золотой Орды разрушило города Волжской Булгарии. Но вскоре г. Булгар был восстановлен. Это было при Батые. В 1242—1246 гг. хан Батый сам жил в этом городе. Примерно в те же годы было построено еще несколько городов. Например, возник Эстер-хан (чуваш. *Астърхан* — Астрахань). Затем в Булгаре и Сарае находились ставки хана Берке (1257—1266 гг.) [Поло 1997: 193]. Итак, в 1236 г. столица Волжской Булгарии — г. Булгар — была разрушена, но вскоре восстановлена. Поэтому все каменные постройки и надписи, сохранившиеся в ней теперь, относятся к эпохе монгольского владычества и к более позднему времени.

К приезду П. С. Палласа на территории городища еще оставалось 44 сооружения. Он дает описание увиденных им исторических объектов. «Знатнейшая из оных башня или мизгирь сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажен по такому образцу и пропорции, как она представлена на шестой таблице под буквою А, и ныне еще цела стоит» [Паллас 1773: 186—188].

«Почти на 80 сажен далее в югозападную сторону стоит еще небольшое из дикого камня, плотно складенное четверугольное здание (зри таб. 6, под буквою В); однако своды оно на одной стороне обвалились... Гораздо знатнее и обширнее было то здание, которого среднее на южной стороне деревни и в самой середине бывшего города находящееся и многими основаниями окруженное главное строение еще и ныне видно. Отменная архитектура достойна того, чтобы сообщить с оной рисунок (зри таб. 6 под буквою С)» [Паллас 1773: 188—189].

На Болгарском городище найдено много старинных надгробных камней с арабскими и армянскими надписями. Надписи на некоторых из них свидетельствовали, что усопшие родом из персидской провинции Шемахи, а один — из Ширвана. Естественно, эти люди прибыли в Волжскую Булгарию по торговым делам.

«Можно еще о великом его торге заключить из серебряных и медных малых монет... У сих монет на одной стороне находятся либо звездочки, или другие украшения, а на другой стороне высокие точки и кружок, в котором изображен произвольный знак почти такой же, какой башкирцы и другие безграмотные народы еще ныне употребляют вместо своеручной подписи. Я сообщаю рисунки двух таких монет (Зри таб. 6 под буквою F); но на медных монетах

находится таких знаков гораздо больше, и обыкновенно в тройном треугольнике. (Зри таб. 6 под буквою G)» [Паллас 1773: 193–196].

Видимо, рисунки объектов Булгарского городища выполнены участником экспедиции — рисовальщиком Николаем Дмитриевым.

Археологические исследования, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Это архитектурные обломки и бытовые вещи. Первые относятся к XIV в., вторые состоят из керамики золотоордынского времени и обломков китайского фарфора, датируемого XII–XIV вв. Таким образом, расцвет г. Булгара относится к XIII–XIV вв.

Относительно истоков каменных строений в Поволжье есть и другое мнение, отличное от среднеазиатской версии. Согласно ей, переселенцы из Салтово-Маяцкого региона, входившего в состав Хазарии, имели собственный опыт строительства городов, крепостей и поселений. По крайней мере, они были очевидцами строительства Итиля, Саркеля, Баранджара и Семендера. Все эти и другие города-крепости были построены в традициях восточных регионов Византии. Поэтому утверждение об участии среднеазиатских или ближневосточных мастеров берется под сомнение. Оно применимо только к первой колонной мечети арабского типа. Видимо, и они ограничились поверхностным объяснением. А строили по их чертежам из бревен местные мастера. «Строительство в сер. 2-й пол. X в. каменной части соборной мечети в Биляре и кирпичных, кирпично-каменных зданий в городах Булгарии совпадает с новой волной переселенцев из Хазарии, которые, на наш взгляд, и принесли в регион опыт массового производства сырцового и обожженного кирпича. Диапазон габаритов сырцовых и обожженных кирпичей Булгарии практически аналогичен размерному ряду кирпичей в постройках крепостей Хазарского каганата: Семикаракорской, Саркельской и др.» [Надырова 2010: 29]. Вместе с тем известно, что здания из обожженного кирпича в Хазарии строили только для каганов. Поэтому практически все каменные здания в булгарских городах, первоначально признанные за дворцы и жилища знати, теперь считают банями-хаммамами. Кроме того, поволжские кирпичи по размерам отличаются от среднеазиатских.

В Волжской Булгарии в домонгольское время существовали общественные бани как простой, так и относительно сложной планировки. Оба типа продолжали иметь место в золотоордынское время.

Простой тип представлен баней в Большой Тоябе и баней XIII в. в Булгаре. К сложному типу относится баня № 3 в Булгаре. В X в. здесь появляются банные сооружения с более развитой планировкой, такие как Красная и Белая палаты [Зиливинская 1989: 232].

Ювелирные изделия булгарских земель Золотой Орды оцениваются на уровне шедевров. Прежде всего, это относится к оружию, доспехам, одежде, а также к украшениям. На Средней Волге производились пояса с золотыми чашами. Матрицы для изготовления были найдены на Булгарском городище. Их датируют 1245—1250 гг. Кроме украшений, здесь встречаются бронзовые зеркала, парадные чаши, котелки и подсвечники. Большой интерес представляют серебряные и золотые перстни, серьги, браслеты. Серьги имеют устойчивую форму в виде знака вопроса. Нередко они украшены привесками из жемчуга [Руденко 2011: 250].

Исследователи видят преемственность между украшениями с веревочным орнаментом на двери в Малый минарет (г. Булгар) и веревочным орнаментом на столбе ворот чувашского дома, зафиксированным в середине XX в.

Выводы. П. С. Паллас прибыл в Петербург в 1767 г. Его академическая экспедиция по России длилась с 1768 по 1774 г. Мы ознакомились с малоизвестными страницами пребывания в населенных пунктах, расположенных в бассейне р. Черемшан. Ныне они входят в Ульяновскую, Самарскую, Оренбургскую области и Республику Татарстан. Примечательно, что именно в этом регионе до сих пор проживает основная часть некрещеных чувашей. Они продолжают непрерывную традицию дедовских праздников, обрядов и верований. С этой точки зрения факты, запечатленные отрядом П. С. Палласа, для этнографов представляют уникальный материал для исследований. Однако наследие академика П. С. Палласа до сих пор остается не до конца освоенным.

Дневник охватывает период с 28 сентября по 11 октября 1768 г. Он начат в современном пгт Чердаклы Чердаклинского района Ульяновской области и заканчивается в с. Спасском Бугульминского района Республики Татарстан. (См. в разделе «Иллюстрации» карту маршрута с указанием основных остановок.)

ПЕРВЫЕ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Появление грамматик языков народов Урало-Поволжья произошло благодаря многолетней просветительской работе в регионе. Как известно, в 1723 г. для обучения детей из духовного сословия открывается Казанская архиерейская славяно-латинская школа. В 1733 г. она переименовывается в Казанскую духовную семинарию. Именно эту семинарию в 1799 г. окончил великий синолог Н. Я. Бичурин.

Примечательно, что в 1733 г. путешественники Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин в Казани встретились с учителем семинарии при Зилантовом монастыре, Василием Пуцekom-Григоровичем. Они беседовали на философские темы, говорили на латыни. Рядом «стояли чувашские, черемисские, мордовские, калмыцкие и татарские мальчики» [Харлампович 1904: 10].

В 1735 г. в Казани, Цивильске, Царевококшайске и Елабуге открываются миссионерские новокрещенские школы. Однако единственным центром подготовки, издания и распространения светской книги все еще оставалась Петербургская академия наук.

Книга под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» напечатана в 1769 г. в типографии Петербургской академии наук на 9-й линии Васильевского острова, д. 12. Объем — 70 (2+68) страниц, тираж — 608 экземпляров [Сочинения 1769]. Она стала первой печатной грамматикой чувашского языка, а произошло замечательное событие через 14 лет после выхода первой «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

По дате издания и авторству «Сочинений...» имелись разные мнения. Например, В. Г. Егоров уверенно заявлял, что книга была издана в 1769 г. в Москве, в Синодальной типографии. «Эта же самая грамматика в 1775 г. Академией наук без всяких изменений перепечатана была в Петербурге одновременно с грамматика-

ми черемисского и вотского языков» [Егоров 1951: 86]. При этом В. Г. Егоров изложил свою версию безо всяких ссылок на источники и факты. В числе авторов называли архиепископа Вениамина, а также Ермея Рожанского и Петра Талиева. Сегодня многие спорные моменты сняты.

Основной автор чувашской грамматики, должно быть, опирался на соавторов, консультантов и информантов из числа учителей и учащихся Казанской духовной семинарии и казанских новокрещенских школ. С 1730-х гг. в числе семинаристов были чувашские дети. По состоянию на 1739 г. здесь обучали на самом серьезном уровне латыни, грамматике, синтаксисе, пиитике и риторике. В 1741 г. вводится ряд предметов для высших классов, увеличивается число учащихся. Например, начинают преподавать философию, которую вел тот же Пуцек-Григорович, больше известный в те годы как учитель Вениамин Григорович [Харлампович 1903]. В 1765–1769 гг. чуваша составляли 40–45% учащихся казанских новокрещенских школ. Наиболее способные ученики переводились в семинарию для продолжения научных изысканий. В 1767 г., в честь приезда Екатерины II, учащимися новокрещенских школ были сочинены стихи на чувашском, марийском, удмуртском и татарском языках. Уровень подготовки учащихся семинарии позволял им участвовать в составлении чувашской грамматики в качестве информантов и консультантов, а учителей — быть соавторами книги. Косвенным доказательством участия учеников в составлении чувашской грамматики служат представленные в ней слова из разных говоров чувашского языка.

В 1959 г. историк В. Д. Дмитриев полагал, что чувашская грамматика была составлена в Казанской духовной семинарии под руководством архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (в миру В. Г. Пуцек-Григорович), по-видимому, при участии учеников из чувашей [Дмитриев 1967: 153–162]. В. Г. Родионов считает, что Сочинения написаны В. Г. Пуцеком-Григоровичем и православным миссионером из чувашей Е. И. Рожанским [Родионов 2001: 353]. Однако в двухстраничном предисловии к книге сначала говорится о необходимости узнать языки тех народов, «которые между нами внутри пределов единого отечества обитают, и составляют часть общества нашего». Далее следует фраза, которая однозначно свидетельствует, что автор предисловия не является

автором сочинения: «Сочинитель книги сея похвалу заслуживает тем больше, что он первый подает пример. Нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать». Иначе говоря, В. Г. Пуцек-Григорович не был непосредственным автором «Сочинений...». Уроженец Полтавщины, он в достаточной мере не владел чувашской речью. В 1761–1762 гг. он служил на Санкт-Петербургской кафедре в сане архиепископа. Будучи членом Синода, в высших слоях Санкт-Петербурга имел знакомых и авторитет. Принимал участие в торжествах при восшествии Петра III, а также при погребении его. В октябре 1762 г. переведен в Казанскую епархию. В том же году он присутствует на коронации Екатерины II в Москве. Он мог быть куратором рукописи и автором предисловия. А непосредственным автором, как это следует из контекста предисловия, являлся Е. И. Рожанский.

Тут хотелось бы обратить на один важный момент. Как известно, со времен первого святителя Гурия Казань стала центром духовного просвещения, особенно для нерусских народов Поволжья. Путь к православию через просвещение с этого времени стал главной задачей духовенства. С 1733 г. эта задача напрямую легла на Пуцека-Григоровича. Будучи учителем и духовным наставником, он надеялся из татар, мордвы, черемисов, чувашей и вотяков воспитать проповедников христианства. С этой целью ученики «никогда не допускались быть вместе со своими русскими товарищами и, кроме часов, когда они учились вместе, им велено было все время говорить на своих родных наречиях» [Гурий 1906: 3–4]. Иначе говоря, Пуцек-Григорович не ставил непосредственно задачу обрусения местного населения. Кроме того, Пуцек-Григорович сам старался выучить наречия разных народов. Он часто совершал поездки по инородческим деревням, изучал их быт.

Ермей Иванович Рожанский родился в 1741 в г. Курмыше Сибирской губернии, умер там же в начале XIX в. [Родионов 2001: 353]. Учился в Нижегородской духовной семинарии. В 1765 г. по просьбе жителей Курмышского и Ядринского уездов был назначен православным миссионером в чувашских приходах. Продолжая дело своего отца, Ивана Герасимова, Ермей Иванович тесно сотрудничал с епископом Вениамином. В 1785 г. в Нижнем Новгороде под руководством епископа Д. С. Дамаскина-Руднева был составлен «Словарь языков разных народов». В этом словаре был по-

мещен очерк того же миссионера Е. И. Рожанского «О чувашах». Он перевел с русского на чувашский язык тексты букварного характера, «Краткий катехизис», изданный в Петербурге в 1800 г. Еремю Ивановичу принадлежит также оригинальное литературное произведение, сочиненное в форме торжественной речи в честь приезда в Нижний Новгород Павла I в 1797 г.

К сегодняшнему дню известно, что в Академию наук рукопись книги представил В. Г. Пуцек-Григорович. Изданию книги способствовали профессора С. К. Котельников и С. Я. Румовский. Следует учесть и вполне возможное протезирование со стороны Г. Ф. Миллера, поскольку Г. Ф. Миллер, во-первых, был знаком с митрополитом Казанским Вениамином с 1733 г., во-вторых, в течение длительного времени руководил публикацией академических изданий.

В книге нет оглавления. Состоит она из предисловия и общей характеристики грамматики чувашского языка. Соответственно, имеет такие разделы, как «Существительные», «Прилагательные», «Числительные», «Местоимения», «Глаголы», «Наречия», «Междометия» и «Предлоги». Каждый раздел снабжен обширными определениями и проиллюстрирован множеством примеров. В целом структура книги укладывается в рамки современной грамматики чувашского языка.

Лексическая часть состоит из чувашско-русского словаря. Например: *Тора, тор* — «бог», *съяра силь* — «вихрь», *арня* — «неделя» (с. 13), *Тюр* — «правило», *рит* — «порядок», *томга* — «пошлина», *янда* — «приуготовление» (т. е. «готовое», например, «жить на готовом»; с. 14), *юмах* — «загадка» (с. 15), *кин* — сноха, *йомзь* — «чародей», «ворожея», *Тюря* — «судия» (с. 16), *Вальм* — «часть» (с. 19), *тхлан* — «олово», *хора тхлан* — «свинец» (с. 20), *сески* — «цветок», *хьях* — «осока», *кышкар* — «щавель» (с. 21), *сьорт* — «дом», *ньорт* — «изба», *киль* — «дом» (с. 27).

Раздел «О наречии» также содержит небольшой список лексем. Например: *миньчолЪ* — «елико», «сколь», «коль» (совр. разг. *мён чуль*, лит. *мён чухлѐ*), *вить* — «мелко» (совр. *вѣтѣ*), *алай* — «да» (совр. диал. *алай*, лит. *џапла*; слово заимствовано из татарского языка), *ни эплѐ* — «никоим образом» (совр. *ниепле* — «никак»).

Лингвист О. А. Мудрак указывает на характерную для чувашского языка специфику: йотированные буквы *и, е, ъ, ю, я* способствуют мягкости соседствующих согласных [Мудрак 2011: I].

В принципе, такая особенность характерна для чувашской речи. В современной транскрипции для этого используется апостроф [']. Желание отразить такой фонетический нюанс порождает орфографические искажения. Например, название чувашского божества *Киремет* произносится как *Киреметь*, где согласный звук смягчается соседством с гласным *e*. Однако это не повод сопроводить звук *t* дополнительным мягким знаком.

Сохранилась архивная запись, проливающая свет на процесс подготовки и издания «Сочинений...». Об этом сохранилась запись. Например, в мае 1769 г. в Кунсткамере был рассмотрен вопрос «О начертании чувашской грамматики». В частности, в журнале регистрации сохранилась такая повестка дня: «1769 г. Май. О напечатании чувашской грамматики» [МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 1: 24]. Эта запись выявлена и вводится в научный оборот впервые. Выходит, готовилась, обсуждалась и издавалась «Грамматика» в Кунсткамере.

Анализ построения грамматики позволяет констатировать, пишет языковед О. А. Мудрак, что книга написана в духе проектов Академии наук. Он ссылается на издания П. С. Палласа и Г. Ф. Миллера [Мудрак 2011: I]. Однако труды уважаемых академиков, как известно, напечатаны не до 1769 г., а позже — в 1787, 1788, 1789 и 1792 гг.

Существует еще один факт, не использованный исследователями «Сочинений...». Речь идет о письме архиепископа Казанского Вениамина директору Петербургской академии наук В. Г. Орлову от 14 марта 1768 г. Присылаемую «через вручителя сего гдна маэора Лукошкова» рукопись он называл «Сочинением на чувашском языке» [Орлов-Давыдов 1908: 392]. Контекст не оставляет сомнения, что речь идет именно о чувашской грамматике, о которой они, выходит, договаривались заранее.

В Академии наук было решено напечатать сочинение на александрийской и на русской комментарной бумаге в количестве 600 экземпляров. С этой целью в типографию был подан «щет». После напечатания было решено послать в подарок бывшему президенту Петербургской академии наук графу К. Г. Разумовскому [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 540: 49 об. — 50]. 6 мая 1769 г. в Комиссию Академии наук из типографии поступила подробная смета на печатание чувашской грамматики: 8 экземпляров на александ-

дрийской и 600 — на простой бумаге [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 319: 238]. А 11 мая появилась резолюция Академической комиссии о передаче в книжную лавку тиража «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 540: 159 об.]. Резолюцию подписали Якоб Штелин, Семен Котельников, Альбрехт Эйлер. 22 мая 1769 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется объявление о поступлении в продажу «новонапечатанной Грамматики Чувашской с российским» (цена 20 коп.). 5 июня 1769 г. два экземпляра в переплете были вручены архиепископу Казанскому и Свияжскому Вениамину [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 319: 237].

По этому учебнику учили семинаристов в Нижегородской, Казанской и Оренбургской епархиях. Вслед за первой грамматикой чувашского языка в 1775 г. были напечатаны аналогичные грамматики марийского и удмуртского языков. В 1804 г., т. е. через 35 лет после выпуска чувашской грамматики, в Санкт-Петербурге же был издан «Словарь Российско-татарского языка (Сибирского наречия)». Автором словаря является священник и учитель татарского языка в бывшем Тобольском главном народном училище Иосиф Гиганов. При всем миссионерском подходе к вопросам издания учебников для «инородцев» в этом начинании на первое место выходила их практическая значимость. Она выразилась «в приобщении ранее бесписьменных народов к книжной культуре» [Загребин 2010: 86].

Публикация чувашской грамматики вызвала отклики в Германии, Дании (Август Шлёцер, Расмус Раск) и других странах. Пьер-Шарль Левек опубликовал краткое изложение на французском языке [Lévesque 1825: 213–224, 267–276]. Долгое время «Сочинения...» были основным и единственным источником для знакомства с чувашским языком. В 2011 г. было опубликовано репринтное издание в Чебоксарах. Публикация второй половины XVIII в. не теряет свою актуальность и для науки XXI в.

В 2019 г. первой чувашской грамматике исполнилось 250 лет.

Изданию первой удмуртской грамматики предшествовала солидная подготовительная работа. В 1768 г. императрица Екатерина II посещает Казань. Архиепископ Вениамин приветствовал Ее Величество и отслужил величальный молебен. Императрица весьма благосклонно отнеслась ко всему, что делалось в епархии,

особенно умилили ее дети инородцев. Один из учеников написал оду в честь императрицы на родном удмуртском языке. В марте 1770 г. в журнале Комиссии Академии наук появляется распоряжение о напечатании 300 экземпляров присланных Пуцком-Григоровичем грамматик вотского и черемисского языков. Поэтому можем констатировать, что к 1770 г. обе грамматики были готовы к печати.

Однако в октябре 1774 г. архиепископ Вениамин был арестован. Поводом послужило подозрение в связях с Емельяном Пугачевым. Арестовываются и рукописи по удмуртской и марийской грамматикам. Но в январе 1775 г. Пуцек-Григорович был оправдан и назначен митрополитом Казанским и Свияжским. Екатерина II отправила ему извинительное послание. Наконец в 1775 г. в издательстве Императорской академии наук была опубликована первая удмуртская грамматика под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка». В книге даются общие сведения по фонетике, лексикологии и синтаксису. В числе собирателей материала для учебника и авторов называют грамотных удмуртов-переводчиков И. М. Марданова, А. Ф. Сайтова, В. И. Сайтова и И. А. Кудяшева. Они же собирали материал для «Сравнительного словаря всех языков и наречий», составителем которого выступил П. С. Паллас [Куликов 2002: 62–69; Гришкина 2004: 213–214]

В 1775 г. Императорской академией наук также изданы «Сочинения, принадлежащая к грамматике черемисского языка». Авторами книги многие считают того же Вениамина Пуцека-Григоровича. Грамматика черемисского (марийского) языка в этом учебнике написана по той же структуре, что и чувашская, и удмуртская. Кроме грамматики, в работе содержатся слова, зафиксированные в диалектах, многие из которых к настоящему времени уже исчезли из разговорного обихода или подверглись значительному изменению.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. «Медный всадник» – памятник Петру I на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Изготовлен из бронзы. В XVIII в. в русском языке слово «медь» использовалось в отношении бронзы
[<https://i0.wp.com/snovadoma.ru/upload/new/files/2400/Bronze05.jpg>]

Рис. 2. Чувашская женская рубаха [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 432]

Рис. 3. Праздничный холщовый пояс, вышитый разноцветным шелком. Чуваши [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 428]

Рис. 4. Свадебный платок из холста с вышивкой. Чуваши или черемисы [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 459]

Рис. 5. П. С. Паллас (1741–1811). Неизвестный художник, холст, масло. Картина хранится в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург)

Рис. 6. Рубаха хлопчатая женская. Чуваши.
Из экспедиционных коллекций П. С. Палласа в Поволжье в 1768 г.
[МАЭ РАН. Фонд Европы. Колл. 766–1]

Рис. 7. Две чувашские женщины и девушка. 1768 г.
[Pallas 1771. Tab. IV, pag. 87]

Рис. 8. Чувашская женщина в праздничной одежде. Вид спереди
[Георги 1799, рис. 14]

Рис. 9. Чувашская женщина в праздничной летней одежде [Георги 1799, рис. 15]

Рис. 10. Чувашка в праздничной одежде [The Costume 1803].

Рис. 11. Две чувашки и ребенок у дома [Rechberg 1812]

Рис. 12. Две женщины [Lang 1830]

Рис. 13. Слева направо: чувашка, мордва, черемиска [Pauly 1862]

Рис. 14. Кичка мордовская. Убор на манекен не надет, так как для придания формы в кичку вставлена деревянная основа.
Фото Станислава Шапиро [МАЭ РАН. Фонд Европы. Колл. № 766–3]

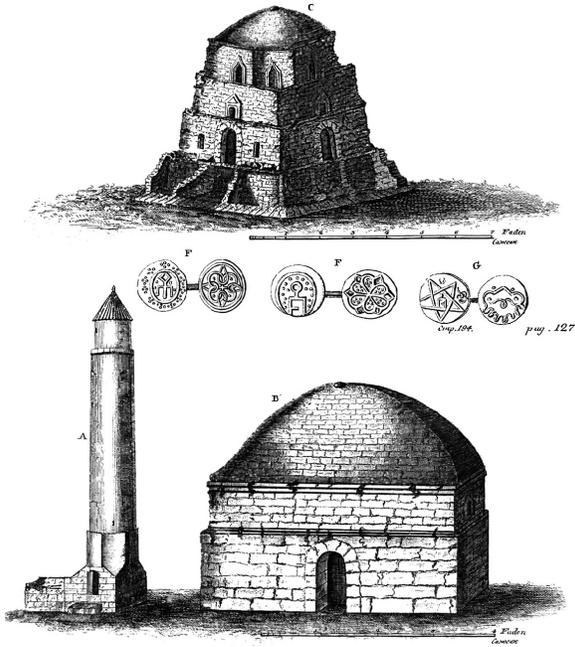

Рис. 15. Основные памятники Булгарского городища, сохранившиеся на время экспедиции П. С. Палласа: А — Большой минарет; В — Ханская усыпальница; С — Черная палата; F, F, G — образцы монет, найденных на Булгарском городище (рисунок) [Pallas 1771. Tab. VI, p. 122]

Рис. 16. Причеремшанская часть экспедиции П. С. Палласа с указанием пунктов основных остановок

1769.	
Septemb. 7	Die von Pallas eingesendete 5 Briefe und Naturalien und einige Seltenheiten wurden nach dem beigefügten Verzeich- nisse durchgesehen und Graf Gortchui zum Aufsicht übergeben.
Septemb. 25.	Da in der hiesigen K. K. auch keine Kalumnerie sehr selten der <u>Dunkelheit</u> sind, so erlaubte der Graf Orloff dem Graf Pallas die ihm angebotenen 25 für sie in seinen Rapport angezeigte Summe zu kaufen.
Octobr. 9.	Dem Graf Pallas soll angezeigt werden, die Academie wolle mit seinem H ^{ren} Rapport wegen der darin enthaltenen ehrenwürdigen Nachrichten wohl zufrieden sein.
Noobr. 2.	Die jüngsten Briefe Nachrichten von Manumaths Knochen, Werkzeugen im Tartarien und Nahrungsmitteln, welche der Kaiser geliebter eitelkeit und zu sehr allen Monumente tartari- scher Schrift.
11 August 17.	Auf dem geographischen Departement wurde der Vorposten eine Karte vorgezeigt, auf welcher die neuen zwischen Kas- khatan und den nördlichen America entdeckten Hüften aufzeichnet, nebst einer Nöthlichkeit, welche die Namen dieser Hüften, ihrer Bewohner und die darauf angezeigten Thiere angeht.
и и и	О получении изобретенного Ковки и Сибирского Сербо- мака на гонимых в Сибирии Магистрате. О Канцелярии Сибирской Губернии. О Сибирских Грудях и Машинах.

Рис. 17. Повестка заседания в Кунсткамере, май 1769 г. [МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 1: 24]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII в. знаменателен великолепной плеядой исследователей этнографии народов Среднего Поволжья. Это Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, В. Н. Татицев, И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, Тобиас Кёнигфельс, А. Л. Шлёцер, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Георги, П. И. Рычков, Н. П. Рычков, Дж. Бель, Х. А. Чеботарёв, К. С. Милькович, Т. Г. Масленицкий, епископ Дамаскин-Руднев, М. Д. Чулков. В Поволжье они стали первопроходцами и вписали первые страницы этнографической науки о народах — марийцах, мордве, немцах, русских, татарах, удмуртах и чувашах.

Основателем Петербургской академии наук был Петр I. Учредив Кунсткамеру, Петр поставил грандиозные задачи просвещения России. Для того чтобы «прорубить окно в Европу», он вбил сваи для новой северной столицы. Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II продолжили дело Петра. Среднее Поволжье поддержало идею Петра людскими и материальными ресурсами. В годы Персидского похода маршрут императора проходил через Козьмодемьянск, Казань, Чебоксары и Свияжск.

В ходе экспедиций на восток в Кунсткамере накопилось изрядное количество экспонатов. Например, в то время здесь хранилось более 20 свадебных платков народов Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Большинство из них сгорело во время пожара 1747 г., но сохранились рисунки с них. Атрибутировать этническую принадлежность предметов одежды из коллекции первых десятилетий XVIII в. очень трудно, часто просто невозможно. Это объясняется тем, что народы Волго-Камья (татары, чуваша, мордва, марийцы) являются наследниками традиционной культуры Волжской Булгарии. Заметные субстраты болгарской культуры имеют место и в культурах башкир, бесермян, коми, манси, удмуртов и хантов. Отсюда неточности в определении этнической принадлежности предметов.

В трудах Г.Ф. Миллера зафиксированы ценные сведения по широкому кругу вопросов, относящихся к истории чувашей, — этнонимике, географии, антропологии, верованиям, языку, этнографии и фольклору. Они имеют фундаментальное значение для установления достоверной картины историко-этнографической действительности чувашского народа не только по состоянию на вторую половину XVIII в., но и в целом.

И. Г. Гмелину и Г. Ф. Миллеру удалось внести значительный вклад в изучение края. Это уточнение численности населения, состава семьи, изучение традиционных обрядов и верований, пищи и одежды местных народов. Также был изучен язык, проведены метеорологические наблюдения. В Кунсткамеру и Академию отправлены рапорты о полученных результатах, ящики с образцами флоры, фауны и этнографическими экспонатами.

В этнографическом плане значимы заслуги Тобиаса Кёнигфельса в изучении народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. Ценны наблюдения И. Г. Георги об одежде, обрядах и верованиях. Рисунки, помещенные в его книги, имеют, как уже упоминалось выше, базовое значение.

Дневниковые записи и прогонные ведомости позволили составить список населенных пунктов, в которых побывали члены отряда И. И. Лепехина. Они работали на территориях современных Оренбургской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и Республики Татарстан. Больше всего была обследована Самарская область. Согласно современной карте, это десять районов Самарской области. Кроме того, член отряда И. И. Лепехина Н. Я. Озерецковский совершал автономные поездки на некоторые булгарские городища.

Академическая экспедиция П. С. Палласа по России длилась с 1768 по 1774 г. Мы ознакомились с малоизвестными страницами пребывания в населенных пунктах, расположенных в бассейне р. Черемшан. Ныне они входят в Ульяновскую, Самарскую, Оренбургскую области и Республику Татарстан. Примечательно, что именно в этом регионе до сих пор проживает основная часть некрещеных чувашей. Они продолжают непрерывную традицию дедовских праздников, обрядов и верований. С этой точки зрения материал, запечатленный отрядом П. С. Палласа, уникален для этнографических исследований. Однако наследие академика П. С. Палласа до сих пор остается не до конца освоенным.

В ходе разработки темы, вынесенной в название книги, удалось расширить и углубить источниковую базу. Особенно ценные материалы извлечены из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Неиспользованные источники нашлись в МАЭ РАН. Например, удалось впервые установить, что подготовка и обсуждение первой грамматики чувашского языка, изданной в Академии наук, проходило в стенах Кунсткамеры.

Таким образом, Петербургская академия наук, детище Петра I, открыла миру целую вереницу народов Среднего Поволжья — мари-йцев, мордву, русских Казанского и Синбирского Поволжья, татар, удмуртов, чувашей, а народам Среднего Поволжья — целый мир. Как и в начале XVIII в., над Россией сегодня нависает угроза со стороны Запада. Поэтому петровские реформы созвучны современным преобразованиям. В такой ситуации нужны личности, нужно понимание со стороны народа, необходимо повысить уровень исследований.

SUMMARY

The XVIII century is remarkable for a magnificent pleiad of researchers of ethnography of peoples of the Middle Volga region. These are D.G. Messerschmidt, F.I. Stralenberg, V.N. Tatishchev, I.G. Gmelin, G.F. Miller, Tobias Koenigsfels, A.L. Schloetzer, P.S. Pallas, Lepekhin, I.G. Georgi, P.I. Rychkov, N.P. Rychkov, J. Bel, H.A. Chebotarev, K.S. Milkovich, T.G. Maslennitsky, bishop Damaskov-Rudnev, M.D. Chulkov. In the Volga region, they became pioneers in people and wrote the first pages of ethnographic science about peoples – Mari, Mordvins, Germans, Russians, Tatars, Udmurts and Chuvash.

The founder of the St. Petersburg Academy of Sciences was Peter I. Having established the Kunstkamera, Peter set ambitious objectives of enlightenment of Russia. In order to “open a window to Europe”, he drove in piles for the new Northern capital. Anne of Russia, Elizabeth of Russia and Catherine II continued Peter’s legacy. The Middle Volga region supported Peter’s idea with human and material resources. During the Persian campaign, the Emperor’s route passed through Kozmodemyansk – Kazan – Cheboksary – Sviyazhsk.

During the expeditions to the East, a lot of exhibits were collected in Kunstkamera. For example, at that time more than 20 wedding shawls of peoples of the Middle Volga region, the Kama region and the Ural region were kept here. Most of them burned in the fire of 1747. But drawings from them were preserved. It is very difficult, often impossible to attribute national belonging of garments from the collection of the first decades of the XVIII century. This can be explained by the fact that the peoples of the Volga-Kama region (Tatars, Chuvash, Mordvins, Mari) are the heirs of the traditional culture of Volga Bulgaria. Noticeable substrates of the Bulgarian culture also occur in cultures of Bashkirs, Besermians, Komi, Mansi, Udmurts and Khanty. This leads to inaccuracies in determination of national belonging of garments

In the works of G. F. Miller valuable information is recorded on a wide range of issues related to the history of the Chuvash – ethnonyms, geography, anthropology, beliefs, language, ethnography and folklore. They are of fundamental importance for establishment of a reliable picture of the historical and ethnographic reality of the Chuvash people, not only as of the second half of the XVIII century, but also in general.

I. G. Gmelin and G. F. Miller managed to make a significant contribution to study of the region. It is specification of the number of inhabitants, family composition, study of traditional rites and beliefs, food and clothing of local peoples. Language, beliefs, and meteorological observations were also studied. Reports on the obtained results, boxes with samples of flora, fauna and ethnographic exhibits were sent to *Kunst-kamera* and the Academy.

In ethnographic terms, Tobias Koenigfels' achievements in study of peoples of the Volga region, the Ural region and Western Siberia are significant. I. G. Geogri's observations of clothing, rites and beliefs are valuable. The drawings placed in his books have a basic value.

Diary entries and run-through sheets made it possible to make a list of localities visited by members of the I. I. Lepekhin's crew. They worked on the territories of contemporary Orenburg, Penza, Samara, Ulyanovsk regions and the Republic of Tatarstan. The Samara region was the most surveyed. According to the contemporary map, these are 10 districts of Samara region. In addition, a member of Lepekhin's crew N. Y. Ozeretskovsky made autonomous trips to some Bulgar settlements.

The academic expedition of P. S. Pallas in Russia lasted from 1768 to 1774. We got acquainted with little-known pages of stay in settlements located in the Cheremshan river basin. Now they are a part of the Ulyanovsk, Samara, Orenburg regions and the Republic of Tatarstan. It is noteworthy that the majority of unbaptized Chuvash still live in this region. They continue the uninterrupted tradition of grandfather's holidays, rites and beliefs. From this point of view, the material captured by the crew of P. S. Pallas represents a unique material for ethnographers for research. However, the legacy of academician P. S. Pallas still remains not fully mastered.

In development of the subject brought in the title of the book, one managed to expand and deepen the source base. Especially valuable

materials were extracted from the collections of Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Unused sources were found in the MAE of RAS. For example, one managed to establish for the first time that preparation and discussion of the first grammar of the Chuvash language published in the Academy of Sciences took place in the walls of Kunstkamera.

Thus, the St. Petersburg Academy of Sciences, the brainchild of Peter I, opened a whole range of peoples of the Middle Volga to the world

Mari, Mordvins, Russians of Kazan and Simbirsk Volga region, Tatars, Udmurts, Chuvash, and the peoples of the Middle Volga region – the whole world. As in the early XVIII century, Russia is now under threat from the West. Therefore, Peter's reforms are in tune with modern transformations. In such a situation, we need individuals, we need understanding from the people, we need to increase the level of research.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Автор — полевые записи и собрания автора в 1967–2004 гг. — 208 с. + коллекция фотографий.

Архив Института истории РАН. Колл. 238. Оп. 2. Д. 145а/82 — Рыбушкин М. Об общественных жертвоприношениях черемис, чуваш, мордвы в Казанской губ. Сер. XIX в. — 3 л.

Зоологический институт РАН. Фонды. Цветной портрет П. С. Палласа.

МАЭ РАН. Отдел учета. Инвентарь коллекциям: № 501–3000. 1879–1924 гг. — 303 л.

МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 1. — Журнал поступлений. 1719–1837 гг. — 120, 15 лл.

МАЭ РАН. Отдел учета. К-IV. Оп. 1. Д. 7. — Список всех коллекций с обозначением народностей, мест, откуда получены, и лиц и учреждений, доставивших коллекции. 1837–1906 гг. — 52 л.

МАЭ РАН. Фонды Европы. Коллекция № 375. От В. М. Григоровича. Народ: русские, чувашы, казанские татары, мордва, черемисы. Состав коллекции: картины, выполненные по холсту масляными красками. Регистровал Клеменц в 1897 г. Число № 5, предметов 5.

МАЭ РАН. Фонды Европы. Коллекция № 766. Поступила в XVIII в. от П. С. Палласа. Число номеров 11, предметов 11. Первичную опись составлял Б. Е. Петри.

МАЭ РАН. Фонды Сибири. Колл. 581. В 1900–1901 гг. регистрировал Д. А. Клеменц. Одежда и украшения из Меньше-Кондинской волости Тобольского округа, поступившие в 1897–1900 гг. в дар от С. К. Патканова. — 13 ед. хр.

Поле 88 — экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский район Саратовской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. — 54 л.

Поле 89 — экспедиция автора в 1989 г. в Бузулукский, Грачевский, Державинский и Курманаевский районы Оренбургской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 55–133.

Поле 94 — экспедиция автора в 1994 г. в Цильнинский район Ульяновской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. С. 241–276.

РГВИА, Ф. ВУА. Д. 19024. — Масленицкий. Топографическое описание городов губернии Синбирской. 1783 г. — 374 л.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19025. — Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Синбирского наместничества, вообще. 1785 г. — 308 л.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. — Масленицкий Тимофей. Топографическое описание губернии Синбирской. 1785 г. — 450 л.

РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 465. — Главное управление уделов МИД: Департамент уделов. О мерах к улучшению состояния чуваш Синбирского и Буинского уездов. 1837–1848 гг. — 46 л.

РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 529. — Дело об идолопоклонническом обряде черемис и чувашей, происходившем близ деревни Нуктужи Чебоксарского уезда. 1860–1863 гг. — 9 л.

РГО, р. 53, оп. 1. 56. — Добронравов Димитрий. Словарь русско-чувашский. 1867 г. — 95 л.

РГО. Р. 53. Оп. 1. Д. 57. — Винтер Е. Описание моления чуваш во время перехода в новый дом и свадебного обряда их. 1871 г. — 10 л.

РНБ. Q. IV. 379. — Щербаков, исправник. Описание об идолопоклонниках-чувашах Буинского у. [1857] г. — 21 л.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 53. — Eingecommene Briefe. 1769 Jahr. — 202 Blatt.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. — Канцелярия Императорской Академии наук. 1734–1736 гг. — 844 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. — Канцелярия Императорской Академии наук. 1739 г. — 449 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50. — Архив канцелярии Императорской Академии наук. 1740 г.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 61. — Архив Канцелярии Императорской Академии наук. 1741 г.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. — Архив Канцелярии Императорской Академии наук. 1742 г.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 109. — Архив Канцелярии Императорской Академии наук. 1747 г.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 152. — Канцелярия Императорской АН. 1751–1753 гг. — 291 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 302. — Канцелярия Императорской Академии наук. 1766–1767, январь. — 335 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 305. — Текущие дела АН. 1766–1769 гг. — 404 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 309. — Комиссия АН. Ноябрь — декабрь 1767 г. — 261 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 319. — Комиссия Императорской Академии наук. 1769 г. — 307 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 332. — Канцелярия Академии наук. 1783 г. — 273 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. — Реэстр журналам Комиссии Академии наук. 1767 г. — 390 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 539. — Журналы учрежденной при Императорской Академии наук комиссии. 1768 г. — 365 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 540. — Журнал Комиссии Императорской Академии наук. 1769 г. 358 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541. — Журналы учрежденной при Императорской Академии наук Комиссии. 1770–1771 гг. — 286 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2243. — Инструменты и художественные вещи в Императорской Кунсткамере в башне и на галерее в третьем апартамента расположенные. 1766–1767 гг. — 42 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. — Тауберт Иван. [Каталоги всем вещам и книгам, которые в пожаре 5 декабря 1747 г. в Кунсткамере сгорели и исчезли]. Июль 1748 г. — 120 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 93. — Академические палаты АН: списки учеников рисовального художества, дело об изготовлении рисунков мастером Мейером для академиков Н.Я. Озерцовского, И.И. Лепехина, М.Б. Иноходцева и И.Ф. Германа. 1740–1801 гг. — 92 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 94. — Канцелярия Императорской Академии наук: Академические палаты: Личные дела: А — К. 1740–1801 гг. — 67 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. — Канцелярия и Комиссия АН. 1729–1775 гг. — 61 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 32. — Дело о премировании Золотой медалью академиков П.С. Палласа, К.Г. Лаксмана и библиотекаря Бакмейстера за их работу по Кунсткамере и Библиотеке. 1778 г. — 8 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 13. — Архив Канцелярии Императорской Академии наук. 1740–1746 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 1. — Канцелярия и Комиссия АН: Физическая экспедиция докт. И.И. Лепехина в Оренбургский край. 1768–1772 гг. — 7 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4. — Дневник Ив. Ив. Лепехина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 гг. — 175 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 9. — Рапорты д-ра И.И. Лепехина о производимых им наблюдениях в экспедиции. 1768–1772 гг. — 208 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 10. — Приходо-расходная книга, выданная И.И. Лепехину Комиссией АН. 1768–1772 гг. — 62 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1. — Планы, инструкции по организации, проведению и маршрутам генеральной экспедиции 1768–1774 гг., руководимой акад. Палласом по Европейской России и Сибири. — 45 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. — По организационным и хозяйственным вопросам экспедиции акад. Палласа 1768–1774 гг. по Европейской России и Сибири. — 195 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 6. — Выписки из шнуровой книги акад. Палласа с записью расходов на прогоны и мелкие дорожные расходы. 1768–1774 гг. — 24 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 9а. — Оправдательные документы к «Шнуровым книгам» акад. Палласа по его экспедиции 1768–1774 гг. — 431 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 11. — P.-S. Pallas. Tagebuch. 1768 J. — 128 Blätter.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 12. — Рапорты акад. Палласа в комиссию АН с экспедиционными наблюдениями за период 1768–1774 гг. На немецком языке. — 241 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. — Рапорт акад. Палласа в Комиссию АН с экспедиционными наблюдениями. 1768–1774 гг. — 209 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 83. — Миллер Г. Ф. Инструкции и путевой план, данные академической комиссией И. И. Лепехину к его путешествию по Оренбургской губернии. 1724, 1768 гг. — 21 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 157. — Письмо асессора Кенигсфельса (Königsfels) к Г. Ф. Миллеру. 1765 г. — 176 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6. — Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. Перевод с немецкого. Б.д. — 132 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121. — Миллер Г. Ф. Реестры, индексы, каталоги, регистры... 1733–1747 гг. — 203 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. — Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. Татищевым. 1737–1738 гг. — 640 л.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 168. — Миллер Г. Ф. Научные материалы Камчатской экспедиции. [1733–1743 гг.] — 171 л.

СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 81. — Фонд Иоганна-Даниила Шумахера. Письмо Тобиаса Кёнигфелса (Tobias Königsfels) к И. Д. Шумахеру из Нарвы. 1729 г. — 2 л.

СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 104. Д. 1. — Gmelin I. G. Tageregister der Kamtschatkischen Reise zusammen geschrieben. 1733–1736 гг. — 259 + 1 Blatt.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-К. Д. 14. — Тобиас Кенигсфелд, студент. 1742–1776 гг. — 555 л.

СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 1–760. — Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в. — 760 л.

СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 1. Д. 1–1893. — Гравировальные металлические (медные и стальные) доски. [XVIII–XIX вв.]. — 1893 ед. хр.

- ЧГИ 6 — Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. — 652 с.
 ЧГИ 21 — Ашмарин Н. И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. — 611 с.
 ЧГИ 31 — [Петров М. П.]. Чăвашсем (этнографический очерк). 1881 г. — 77 с.
 ЧГИ 72 — Этнография, фольклор, переводы. 1926–1930 гг. — 437 с.
 ЧГИ 144 — Никольский Н. В. История, этнография, язык, фольклор. 1904–1915 гг. — 412 с.
 ЧГИ 145 — Никольский Н. В. Этнография. 1903–1904 гг. — 690 с.
 ЧГИ 151 — Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. — 355 с.
 ЧГИ 154 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. — 405 с.
 ЧГИ 160 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1899–1910 гг. — 552 с.
 ЧГИ 167 — Никольский Н. В. Этнография. 1903–1910 гг. — 474 с.
 ЧГИ 176 — Никольский Н. В. Религия, археология, этнография, грамматика, фольклор. 1905–1911 гг. — 616 с.
 ЧГИ 210 — Никольский Н. В. Этнография, язык, фольклор. 1909–1911 гг. — 463 с.
 ЧГИ 215 — Никольский Н. В. Этнография. 1832–1916 гг. — 537 с.
 ЧГИ III-452 (II) — Макаров Г. Т. История, религия и этнография с. Старое Ганькино Похвистневского р. Куйбышевской обл. 1976–1977 гг. — 192 с.
 ЧНМ. Учет. № 4477. Инв. № 530. — Рекеев А. В. Общий список чувашской мифологии; моление о даровании детища и что делают при этом знахари. 1893 г. — 80 л.
 SKSA (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto). Kotelo 54 — Ahlqvist A. Ostjakiska. — 103 p.

Использованная литература

- Ал-Мукаддаси.* Лучшее разделение для познания климатов / пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица — Н. И. Сериков // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. — М.: Наука, 1994. — С. 268–334.
- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. XIII. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. — 320 с.
- Баранов П.* Архив Правительствующего Сената. Т. 1. Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования импер. Петра В. 1704–1725. — СПб: Правительствующий Сенат, 1872. — XXXI, 167 с.
- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. — М.: Наука, 1968. — 757 с.
- Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 143 с.
- Белковец Л. П.* Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. — М.: Наука, 1990. — 142 с., ил.

Берх В. Путешествие астронома Делиля и профессора Кёнигсфельда из С. Петербурга в Берёзов // *Новости литературы*. Кн. IV. — СПб.: Гл. Штаб Его Имп. Величества, 1823. — С. 1–11, 17–27, 33–36.

Богаевский П. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. — М.: Изд. кн. маг. Гросман и Книбель, 1896. — VI, 112 с.

Васюков В.М., Дронин Г.В. Экспедиция П. С. Палласа в Сибирском Поволжье // *Природа Сибирского Поволжья*. — Ульяновск: УлГПУ, 2015. — С. 5–13.

Вишленкова Елена. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // *Социологическое обозрение*. Т. 6. — 2007. — № 3. — С. 64–99.

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск: Удмуртия, 1994. — 383 с., 24 ил.

Владыкин В.Е. У бавлинских удмуртов (из экспедиционных заметок) // *Феномен Удмуртии*. Т. 8: Удмуртская диаспора. — М.; Ижевск: Удмуртия, 2008. — С. 163–169.

Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. — М.: Наука, 1982. — 239 с.

Гаврилов Борис. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. — Казань: Православ. миссионер. об-во, 1880. — 190 с.

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. — 228 с.

Газимзянов И.Р., Набуллин Н.Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // *Ученые записки Казанского университета*. Т. 153, кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. — С. 21–28.

Гафаров И.А. «Корабельная» повинность лашманов Буинского уезда в XVIII — первой половине XIX века: некоторые штрихи // *Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения*. — Казань: ИИ АН РТ, 2018. — С. 51–62.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. 1. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. — XVI, 11, 76, 25 с.; Ч. II: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. — СПб.: Имп. АН, 1799а. — 178 с., ил.

Георги И.Г. Чуваши. Перевод Е. В. Ивановой // *Известия Национальной академии наук и искусств ЧР*. — 1996. — № 5. — С. 86–90.

Глуцева В.Ф., сост. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 310 с.

Голшков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. — М.: Универ. тип., 1789. — 448, IX, 1 с.

Головнёв А. В. Феномен колонизации. — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. — 592 с., ил.

Головнёв А. В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 4. — С. 61–67.

Головнёв А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет Империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 3. — С. 59–70.

Гришкина М. В. Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии: конец XV — начало XX века. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 5–250.

Громова Т. А. Историческая хроника нотариата Симбирской губернии — Ульяновской области. — М.: Фонд развития правовой культуры, 2010. — 288 с.

Гурий, иеромонах. Пресвященный Вениамин (Пуцек-Григорович), митрополит Казанский и Свияжский. — Казань: Казан. епархия, 1906. — 34 с., ил.

Гуркин В. А. Исследования Среднего Поволжья современниками Карла Линнея // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 20. — 2011. — № 2. — С. 182–197.

Гусаров Ю. В. Игумновы // Чувашская энциклопедия. Т. 2. Ж — Л. — Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. — С. 109.

Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. — М.: Рус. яз., 1981. — 780 с.

Демидов А. Н. Лашманы из служилой мордвы (по материалам переписей XVIII века) // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения. — Казань: ИИ АН РТ, 2018. — С. 73–80.

Дзенискевич Г. И. К вопросу о культе йереха у чувашей // Сборник МАЭ. XXVIII. — Л.: Наука, 1972. — С. 221–236.

Димитриев В. Д. Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Ученые записки. Вып. XIX. — Чебоксары: НИИ, 1960. — С. 270–302.

Димитриев В. Д. Документы об издании «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Ученые записки / НИИ при СМ ЧАС-СР. Вып. XXXIV. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. — С. 153–162.

Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 448 с.

Димитриев В. Д., Селиванова С. А. Чебоксары: очерки истории города XVIII века. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — 445 с.

Долгова С. Р., Кононова А. Ю., Болотина Н. Ю. «Весьма прекрасно и преславно Болгарское городище». Древняя Казань в документах Российского

государственного архива древних актов // http://www.rusarchives.ru/events/exhibitions/kazan1000_2shtm.

Дьяконов И. М. Подразделения месяца в Передней Азии // Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. — М.: Наука, 1976. — С. 305–306.

Егоров В. Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник. Вып. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 85–92.

Екатерина II. Сочинения. Т. XI. — СПб.: Имп. АН, 1906. — XXXVIII, 734 с.

Загребин А. Е. Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2010. — Вып. 3. — С. 85–94.

Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. (Приходо-расходная книга Синбирской Приказной избы.) 1665–1667 гг. — Симбирск: Типо-лит. А. Т. Токарева, 1896. — VI, 275, IV с.

Зиливинская Э. Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // Советская археология. — 1989. — № 4. — С. 223–233.

Златоверховников Иван. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. — Уфа: Изд. Уфим. Епархиальн. братства Воскресения Христова, 1899. — С. 259–261.

Ибн Фадлан Ахмад. Книга. Пер. с араб. и примеч. Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. — М.: Издательский дом Марджани, 2016. — С. 18–47.

Иванов-Орков Г. Н. Сулак // Чувашская энциклопедия. 4: Си — Я. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — С. 171.

Ивановский А. А. Население земного шара. Опыт антропологической классификации. — М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. — [3], 508 с.

Кёнигфельс Тобиас. Дневник путешествия в Берёзов в 1740 г. // Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. — С. 93–334.

Кирющенко Н. В., Кротов П. А. Западная Сибирь в «Дневнике путешествия в Берёзов в 1740 г.» Т. Кёнигфельса и переписке Ж.-Н. Делиля // Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. — С. 7–89.

Кодыбайкин С. Н. Кузнечный промысел // Чувашская энциклопедия. 2: Ж — Л. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. — С. 389.

Козлов С. А., Кротов П. А., Кирющенко Н. В. Тобиас Кёнигфельс — любознательный студент и ученик Ж.-Н. Делиля // Санкт-Петербургский университет. 2009. Февраля 20. — № 2–3. — С. 20–22.

Косарева И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в. — Ижевск: УИИЯЛ, 2000. — 226 с.

Краткое известие о Синбирском наместничестве // Месяцослов исторический и географический на 1787 год. — СПб.: Имп. АН, [1786]: 64–74.

Крюкова Т.А. Коллекция П.С. Палласа по народам Поволжья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 139–159.

Куликов К.И. Вениамин Пуцек-Григорович — первый просветитель удмуртов // Первой удмуртской грамматике 225 лет. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 54–73.

Лебедева С.Х. Сюлык как историко-этнографический источник // Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья. — Уфа: БФ АН СССР, 1976. — С. 38–39.

Лебедева С.Х. Удмуртская народная вышивка. — Ижевск: Удмуртия, 2008. — 88 с., ил.

Лепехин Иван. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. — СПб.: Имп. АН, 1771. — IV, 538 с., 23 табл.

Лепехин Иван. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. — СПб.: Имп. АН, 1814. — IV, 376, 28 с., рис.

Лепехин М.П. Четыре столпа Российской академии (И.И. Лепехин, Т.С. Мальгин, П.И. Соколов, А.С. Шишков) // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. — СПб.: СПбНЦ РАН, 2009. — С. 40–50.

Лобачёва Н.П. Хивинская свадьба // Этнография Таджикистана. — Душанбе: Дониш, 1985. — С. 116–124.

Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. — М.; Л.: Наука, 1965. — 208 с.

Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 192 с.

Любименко И.И. (сост.) Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: 1766–1782. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 606 с.

Мавродин В.В. Основание Петербурга. — Лениздат, 1983. — 208 с.

Мансурова Ю.В. Казанская Адмиралтейская слобода: условия жизни и труда // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 13. — 2010. — № 1. — С. 116–120.

Мартынов П. Селения Симбирского уезда 1903 г. — Симбирск: Типо-литорг. А.Т. Токарева, 1904. — 198, 67, VIII с.

[*Масленицкий Т.Г.*] Масленицкий. Краткое топографическое описание Синбирской губернии // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. второе. Ч. XVIII. — М.: Типография компании типографической, 1791. — С. 201–216.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 3 (1736–1738). — СПб.: Имп. АН, 1886. — II, 898 с., ил.; Т. 6. История Академии

наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). — 1890. — 636 с.; Т. 8. (1746–1747). — 1895. — II, 794, [4] с.

Материалы для истории русского флота. Ч. IV. — СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1867. — 765 с.

Месарош Дюла. Памятники старой чувашской веры. — Чебоксары: ЧГИГН, 2000. — 360 с.

Миллер Г. Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской академии наук. — СПб., 1756. — Июль. — С. 33–64; Август. — С. 119–145.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. — СПб.: Имп. АН, 1791. — VIII, 99, II с.: 8 л. ил.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. — М.: Памятники историч. мысли, 2009. — 454 с.

Миллер Г. Ф. Дополнения к Географическому лексикону Российского государства // Географический лексикон Российского государства. — М.: Янус-К, 2012. — С. 490–603.

[*Милькович К. С.*] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII ст. // Северный архив. Ч. 27. — СПб., 1827. — С. 47–67, 120–139, 210–232.

Милькович [К. С.]. Быт и верования татар Синбирской губернии, в 1783 году. — Казань: Казан. епархия, 1905. — 14 с.

Милькович [К. С.]. Быт и верования чуваш Синбирской губернии // ИОАИЭ. Т. XXII. — 1906. — С. 38–60.

Милькович [К. С.]. Извлечения из «Исторического описания о Казанской губернии» // ИОАИЭ. Т. XXII. — 1906а. — С. 60–63

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 582 с.

Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. Т. 14. — 1978. — № 4. С. 281–282.

Мудрак О. А. Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. — Чебоксары: ЧГИГН, 2011. — С. I–XIV.

Надырова Х. Г. Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии // Известия КазГАСУ. — 2010. — № 2. — С. 20–31.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: Дневниковые записи, декабрь 1726. — Ижевск: Удмуртия, 2001. — 224 с.

Напольских В. В. Материалы Д. Г. Мессершмидта об удмуртах и происхождение удм. *kışno* ‘жена’ // Linguistica Uralica. XXXVIII. — 2002. — № 4. — С. 176–180.

Никитин Г.А., Крюкова Т.А. Чувашское народное изобразительное искусство. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. — 167 с.

Описание... столичного города Санкт-Петербурга // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. — Л.: Лениздат, 1975. — С. 197–245.

Орков Г.Н. Изобразительные материалы по чувашскому народному костюму. (Графика и живопись. XVIII — начало XIX вв.) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. — Чебоксары: ЧГИГН, 1997. — С. 88–117.

Орлов Д. Обычай чуваш // Симбирские губернские ведомости. — 1857. — С. 57–59, 61–62, 68–69, 74–75, 83–85, 148–149.

Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа В.Г. Орлова // Русский архив. Кн. 2. — 1908. — С. 301–395.

Орлова Е.Я. Наблюдения над символикой украшений и орнаментов верховых чувашей // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. XXXV. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. — С. 117–124.

Паллас П.С. П.С. Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской Академии наук, и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества, также Римской императорской академии испытателей естества и Королевскаго Аглинскаго ученаго собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1 [В 1768 и 1769 годах]. — СПб.: Имп. АН, 1773. — X, 115, 657 с., 117 ил.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. — СПб.: Имп. АН, 1786. — [6], 476 с., 6 л. ил.

Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году // Записки Императорской Академии наук. Т. VI. — СПб.: АН, 1865. С. 58–61.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. XIV. Казанская губерния. — СПб.: Слово, 1904. — 4, XVI, 284 с.

Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782 гг. — СПб.: Издание Глазунова, 1885. — XXIII, 848, 246 с.

Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 7 (январь — июнь 1708). Вып. 1. — Пг.: Первая гос. тип., 1918. — [4], 640 с.; Т. 7, вып. 2 (январь — июнь 1708 года). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — [4], 640 с.; Т. 10 (январь — декабрь 1710 года). — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 878 с.

Поло М. Книга / коммент. М.Б. Горнунг // Плано Карпини Дж. дель. История монгалов; Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны; Марко Поло. Книга. — М.: Мысль, 1997. — С. 192–393.

Потов Н.А. Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 годах // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4. — М.: Ун-т, 1859. — С. 1–166.

- Походный журнал 1722 года. — СПб.: Б. и., 1855. — 158 с.
- ПСЗ. — [СПб.:] Тип. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830; Т. II. 1676–1688; Т. III. 1689–1699; Т. IV. 1700–1712; Т. V. 1713–1719.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 10. — М.: Воскресение, 1995. — 501 с.
- Пытин А.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII-м веке // Вестник Европы. Т. III. СПб., 1884. — С. 212–256.
- Реймерс Генрих фон.* Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. — СПб.: Росток, 2007. — 528 с.
- Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 2. К — О. — СПб.: Имп. АН, 1895. — С. 449–1248.
- Родионов В. Г.* Рожанский Е. И. // Краткая чувашская энциклопедия. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. — С. 353.
- Руденко К. А.* Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. — Казань: ИИ АН РТ, 2011. — С. 250–253.
- Руденко К. А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). — Казань: Респ. центр мониторинга качества образования, 2014. — 767 с.
- Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. — Симбирск: Симбир. губ. правление, 1868. — 281, 41, IV с.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. — М.: Книга, 1966. — 289 с.
- Семёнова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). — М.: БЛИЦ, 1998. — 255 с.
- Смагина Г. И.* Первые ордена Петербургских академиков // Вопросы истории естествознания и техники. — 2006. — № 3. — С. 131–138.
- Смирнов А. П.* Волжские булгары. — М.: ГИМ, 1951. — 375 с., 18 табл., 1 карта.
- Собрание собственноручных писем государя Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1. — М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1811. — XII, 231 с.
- Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. — [СПб.: Тип. АН, 1769]. — [2,] 68 с.
- Струве В. Я.* О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу, членом оною князем И. А. Долгоруковым // Записки Русского географического общества. Кн. 3. — СПб., 1849. — С. 50–67.
- Сухомлинов М. И.* Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5 (1742–1743). — СПб.: Имп. АН, 1889. — 1068 с.
- Сытин А. К.* Ботаник Петр Симон Паллас. — М.: КМК, 2014. — 456 с.

Терюков А. И., Салмин А. К. Первая коллекция одежды народов Волго-Камья // Сборник Музея антропологии и этнографии: LXIII. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — С. 5–33.

Токарев С. А. История русской этнографии. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. — 656 с.

Трофимов А. А. Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1977. — 109 с.

Трофимов А. А. Сулăк // Спиридонов М. С. Чувашский орнамент. — Чебоксары: ЧГИГН, 2010. — С. 198.

Фукс Александра. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. — Казань: Казан. ун-т, 1840. — 329 с.

Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. — СПб.: БЛИЦ, 1997. — С. 303–384.

Хартамович М. Ф., Хартамович М. В. Летопись Кунсткамеры: 1714–1836. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 733 с.

Харлампович К. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. — Казань: Имп. ун-т, 1903. — 214 с.

Харлампович К. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах. — Казань: Имп. ун-т, 1904. — [2], 26 с.

Чеботарёв Харитон. Географическое методическое описание Российской империи. — М.: Университет. Тип., 1776. — 18, 540 с.

Чистов Ю. К. Этнографические коллекции Кунсткамеры (1714–1836). К вопросу об институционализации этнографии как научной дисциплины в России // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4. — С. 136–143.

Чистов Ю. К., Копанева Н. П. Кунсткамера Академии наук в первой половине XVIII века. Собрание и экспонирование научных этнографических коллекций // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2014. — М.: Наука, 2015. — С. 94–117.

Шутова Н. И. Женская одежда удмуртов XVI–XVIII вв. (по данным археологии) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. — Ижевск: УдГУ, 1995. — С. 18–43.

Vacmeister H. L. C. Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland. Bd. 1. — St. Petersburg; Leipzig: Hartknoch, 1772. — 572 S., Register.

Buch Max. Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. — Helsingfors: Finnische Literatur-Gesellschaft, 1882. — 185 S.

Erdmann J. F. Beiträge zur Kenntnifs der Innern von Rufsland. — Riga u. Dorpat: Universitätsbuchhändler, 1822. — VIII, 346 S., Plan.

Georgi J. G. Bemerkungen einer Reife im Rußifchen Reich in den Jahren 1773. Und 1774. B. II. — St.-Petersburg: Acad. Der Wiffenschaften, 1775. — S. 507–920.

Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. — St. Petersburg: C. W. Müller, 1776. — XII, 530 S., 95 Taf.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743: I. — Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel., 1751. — 467 S.

Kænigsfeld. Extrait d'un Voyage en 1740 à Berejowen Sibérie, aux dépens de la Cour Imperiale, par M. De Lisle // Histoire générale des Voyages. Vol. 24. — Amsterdam: T. Van Harrevelt, D. J. Chguguion, 1779. — S. 500–544.

Lang Karl. Die Haushaltung der Menschen unter allen Himmelsstrichen: eine aus allen fünf Weltheilen. T. 4. — Leipzig: P. Bohmann, 1830. — XVI Ill., 276 S.

Lévesque [Pierre Charles]. Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches // Journal Asiatique. T. VI. Paris, 1825. — S. 213–224, 267–276.

Musei Imperialis Petropolitani. Vol. I. — Petropolitanae, 1742. — 755 p.

Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs. — St. Petersburg: Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1771. — 504 S.

[*Pallas P. S.*] Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien // Neue Nordische Beiträge zur Phisikalischen und Geographischen Erde und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. Bd. 3. — Saint. Petersburg und Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1782. — S. 97–158.

Patkanov Szerafim. Irtisi-Osztják szójegyzék (I–V) // Nyelvtudományi közlemények. XXX. Kötet. Budapest, 1900. — S. 407–457.

Pauly Theodore, de. Description ethnographique des peuples de la Russie. — Saint-Petersburg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. — XIV, 154, 30, 78, 13, 15.

Rechberg Charles, de. Les Peuples de la Russie, ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nation de l'Empire de Russie. T. I. — Paris: D. Colas, 1812. — 2, 13, 138 p., 47 Ill.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. — Stokholm, 1730 // ИОАИЭ. Т. XI. 1893. — S. 241–251 (изложение).

The Costume of the Russian Empire: Illustrated by a Series of seventy three engravings by Jonn Dadley. — L.: W. Miller, 1803. — 4, III, III, 148 p.

Thieme Ulrich und *Becker Felix.* Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 29: Rosa — Scheffauer. — Leipzig: Verlag von E. A. Seemann, 1935. — 600 S.

Vahter Tyyni. Ornamentik der Ob-Ugrier. — Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953. — XLI, 216 S.

Wendland Folkward. Peter Simon Pallas (1741–1811): Materialien einer Biographie. Teil I–II. — Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1992. — XVIII, 1178 S.

Werth Paul W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. — 306 p.

Список сокращений

Архив ИИ — Архив Института истории РАН, Санкт-Петербург.

ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.

РГО — Архив Русского географического общества, Санкт-Петербург.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург.

ЧГИ — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары.

ЧНМ — Отдел рукописей Чувашского национального музея, г. Чебоксары.

SKSA — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Государственный подход Петра I к народам Среднего Поволжья.....	6
Свадебные платки во времени и пространстве (заметки к «Нарисованному музею»).....	24
Г. Ф. Миллер о чувашах.....	36
И. Г. Гмелин в Казанской губернии.....	46
Тобиас Кёнигфельс и его вклад в изучение чувашей.....	58
Вклад И. Г. Георги в изучение чувашей.....	68
И. И. Лепехин в «краю диких роз»	78
П. С. Паллас в Причеремшанье.....	102
Первые грамматики языков народов Урало-Поволжья.....	132
Иллюстрации.....	139
Заключение	149
Summary	152

Источники и литература

Архивные источники	155
Использованная литература	159
Список сокращений	169

Научное издание

Антон Кириллович Салмин

**ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В XVIII ВЕКЕ**

Выпускающий редактор *С. Г. Труфанова*

Корректор *Д. С. Соколова*
Оригинал-макет *М. А. Хромов*

Подписано в печать 22.08.2020. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 11
Тираж 300 экз. Заказ № 2159

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 960 243 32 82

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книоторговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П. П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина
- Государственный музей А. С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М. М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7 (965) 048-04-28

Москва, Раушская набережная, 4/5, строение 1, кабинет 218,

тел. +7 (499) 755-96-25

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 (960) 243 32 82

